

А. В. Шаманасв

**ВОПРОСЫ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НА ВСЕРОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДАХ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)**

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное учреждение высшего образования
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

А. В. Шаманаев

**ВОПРОСЫ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НА ВСЕРОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДАХ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2017

УДК 902(063)
ББК Т48(2)я43
Ш19

Рецензенты:

О. М. Мельникова, доктор исторических наук, профессор (Удмуртский государственный университет)

А. С. Щавелев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН)

Ш19 **Шаманаев, А. В.**

Вопросы охраны культурного наследия на всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX в.) : монография / А. В. Шаманаев. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 199 с.

ISBN 978-5-7996-2229-9

В монографии рассматриваются различные аспекты дискуссий по вопросам сохранения объектов культурного наследия России на всероссийских археологических съездах (1869–1911). Анализируются проекты и практические действия организаторов и участников съездов, восприятие археологических съездов и их вклада в решение задач охраны памятников старины представителями профессионального сообщества.

Работа адресована археологам, историкам, специалистам в сфере охраны культурного наследия, широкому кругу читателей.

УДК 902(063)
ББК Т48(2)я43

ISBN 978-5-7996-2229-9

© Шаманаев А. В., 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Summary	5
Список сокращений	6
Введение	8
Глава 1. Историография и источники изучения вопросов охраны культурного наследия на всероссийских археологических съездах	15
§ 1. Всероссийские археологические съезды и проблемы охраны памятников старины: историографический обзор.....	15
§ 2 Источники изучения вопросов охраны культурного наследия на всероссийских археологических съездах.....	26
Глава 2. Вопросы охраны памятников старины на I–VI археологических съездах (1869–1884)	34
Глава 3. Вопросы охраны памятников старины на VII–XV археологических съездах (1887–1911)	65
Глава 4. Восприятие всероссийских археологических съездов провинциальными исследователями (на примере Таврической ученой архивной комиссии)	124
§ 1. Оценка археологических съездов участниками – членами Таврической ученой архивной комиссии.....	124
§ 2. Проекты организации археологического съезда в Крыму.....	148
Заключение	155
Список библиографических ссылок	160
Указатель имен	193

CONTENTS

Summary.....	5
Abbreviations.....	6
Introduction.....	8
Chapter 1. Historiography and cultural heritage protection research sources at the All-Russian archaeological meetings.....	15
§ 1. All-Russian archeological meetings and cultural heritage protection problems: historiographical overview.....	15
§ 2. Cultural heritage protection research sources at All-Russian archaeological meetings.....	26
Chapter 2. Cultural heritage protection problems at the I–VI archaeological meetings (1869-1884).....	34
Chapter 3. Cultural heritage protection problems at the VII–XV archaeological meetings (1887-1911).....	65
Chapter 4. The provincial researchers' perception of the All-Russian archaeological meetings (case study of the Taurida Academic Archival Commission).....	124
§ 1. The perception of All-Russian archaeological meetings by the participants – members of Taurida Academic Archival Commission...	124
§ 2. Projects of organizing archeological meetings in the Crimea.....	148
Conclusion.....	155
Bibliography.....	160
Index.....	193

SUMMARY

The problems of the cultural heritage protection at the All-Russian archeological meetings (late 19th – early 20th centuries)

Introduction provides a brief historiographical overview of studying the history of archeology and cultural heritage protection in the Russian Empire. The author emphasizes the importance of archaeological meetings as a phenomenon that influenced the research traditions development in Russian archeology.

Chapter 1. Historiography and cultural heritage protection research sources at the All-Russian archaeological meetings covers the overview of the study history of the role of archaeological meetings for the cultural heritage protection theory and practice development and the research source characteristics. The author highlights the wide interest of scientists of the late 20th - early 21st century in the problem. They analyzed many important aspects of the issue and expanded the range of sources. In author's opinion the records of archaeological meetings are the most important problem study source.

Chapter 2. Cultural heritage protection problems at the I-VI archaeological meetings (1869-1884). The first six meetings were organized under the guidance of A. S. Uvarov, Chairman of the Moscow Archaeological Society. The participants of the meetings paid special attention to solving the problems of cultural heritage legal protection, archaeological training, cultural heritage objects recording, archaeological sites mapping, archaeological excavations methods and treasure hunt counter fighting.

Chapter 3. Cultural heritage protection problems at the VII-XV archaeological meetings (1887-1911). After A. S. Uvarov's death meetings were organized by P. S. Uvarova, his widow and the new Chairman of the Moscow Archaeological Society. Particular attention was paid to the problems of scientific-practical aspects of preservation: mapping, accounting, archeological monuments excavation methods. Moreover, the participants considered the provincial antiquity museums activity, movable and immovable cult values preservation, legislation improvement in the field of cultural heritage protection and also archaeologists' professional ethics formation.

Chapter 4. The provincial researchers' perception of the All-Russian archaeological meetings (case study of the Taurida Academic Archival Commission). The author analyzes the Taurida Academic Archive Commission members' reaction to discussions on cultural heritage protection prob-

lems at archaeological meetings. Besides, the author demonstrates the commission members' activity to organize a meeting in the Crimea.

Conclusion. Archaeological meetings played an important role as a means of scientific information prompt dissemination and a form of communicative practices in scientific environment of the late 19th - early 20th centuries. At archaeological meetings a wide range of cultural heritage protection problems was considered: legislative foundations improvement; staffing of state institutions and scientific societies carrying out work to study and preserve antiquities; museums and scientific organizations activities regulation; normative documents development to regulate methods of field research and antiquity monuments restoration; heritage promotion forms; antiquity objects information dissemination and preservation practices exchange.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС	археологический съезд
ВИ	журнал «Вопросы истории»
ГУАК	губернская ученая архивная комиссия
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД	журнал «Записки Одесского общества истории и древностей»
ИВ	журнал «Исторический вестник»
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИТУАК	журнал «Известия Таврической ученой архивной комиссии»
МАО	Московское археологическое общество
НАО	научно-археологическое общество
ПСЗ РИ	Полное собрание законов Российской империи
РА	журнал «Российская археология»
РАО	Русское археологическое общество
СА	журнал «Советская археология»
ТУАК	Таврическая ученая архивная комиссия

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории археологии в настоящее время занимает особое место в системе археологического знания. Интерес к этому направлению сформировался на основе историографических исследований. Начиная с 1950-х гг. внимание исследователей, первоначально сфокусированное на проблемах развития теорий и методов археологического знания, постепенно стало распространяться на вопросы истории институализированных структур, практик, биографий ученых [1, р. 5–17; 2, с. 9–10]. По мнению Л. С. Клейна, современная историография археологии должна строиться на основе анализа трех основных аспектов, характеризующих развитие научной дисциплины: «движение археологической мысли» (концепции парадигмы, школы); социальные условия существования и организационные структуры археологии; биографии археологов [3, т. 1, с. 27–28]. Более того, ряд современных ученых полагают, что историю археологии сейчас можно рассматривать как уже сформировавшуюся научную субдисциплину [4, с. 24; 5, с. 7–8].

Выделение истории российской археологии в самостоятельное направление научных разработок, опирающееся на специфическую источниковую базу, использующую особую методологию и методы исследований, принято связывать с трудами А. А. Формозова (1928–2009), который активно развивал это направление с начала 1960-х гг. [4, с. 24–34; 6, с. 11; 7, с. 28–29; 8; 9].

Нужно отметить, что интерес исследователей к истории отечественной археологии, во всяком случае как эпизодическое, но устойчивое явление, фиксируется с середины XIX в. Так, М. П. Погодин (1800–1875) в 1869 г. на I Археологическом съезде (АС) представил обширный обзор истории российской археологии, в котором указал, что начало научного изучения археологических памятников в России относится ко времени правления Петра I, отметил вклад в развитие науки первых музеев древностей, научно-археологических обществ, обозначил наиболее важные открытия, назвал имена и заслуги выдающихся археологов [10].

Юбилеи наиболее крупных археологических обществ (Одесского общества истории и древностей, Московского и Русского) были отмечены публикациями, в которых рассматривались история их создания, состав, основные направления деятельности, публикационная активность и др. [11–14].

В конце XIX в. К. К. Герц (1820–1883) проследил историю археологических исследований на полуострове Тамань [15]. Обширный обзор истории мировой и российской археологии дал С. А. Жебелев (1867–1941), уделив большое внимание институализированным практикам и структурам археологической науки [16, ч. 1, с. 103–105].

На рубеже 1920–1930-х гг. изменение политического курса правящей партии оказало огромное влияние на археологию в СССР. Для представителей нового поколения советских исследователей естественным рубежом развития отечественной археологической науки был 1917 г., а успехи и достижения досоветских ученых затушевывались общей негативной оценкой всего этого периода, рассматривавшегося только как этап генезиса научной дисциплины [17; 18]. В этих условиях занятия историей археологии не вызывали интереса (в частности, деятельность дореволюционных ученых определялась прежде всего их классовым происхождением) и могли представлять опасность для исследователей (неосторожная оценка предшественников могла стать поводом для репрессий) [3, с. 97–142; 19, с. 18–24; 20, с. 49–62].

Пересмотр стереотипных и идеологически обусловленных оценок дореволюционного этапа развития российской археологии был сделан А. А. Формозовым в 1961 г. [21, с. 127]. «Очерки истории русской археологии» во многом определили направления разработок и характер суждений немногочисленных исследований истории археологической науки. Так, в 1975 г. А. А. Формозов был вынужден констатировать, что, в отличие от историков, этнографов и нумизматов «исследование истории своей науки у советских археологов большого развития не получило» [22, с. 5]. Примечательно, что этот феномен А. А. Формозов объяснял быстрыми изменениями методики и стремительным ростом источниковой базы археологических исследований [22, с. 6–7]. До конца 1980-х гг. фонд литературы по истории археологии оставался крайне ограничен-

ным. Три монографии А. А. Формозова, опубликованные с середины 1970-х до середины 1980-х гг., представляют собой расширенные варианты глав «Очерков» 1961 г. [23–25]. Кроме того, досоветскому периоду отечественной археологии были посвящены небольшие по объему разделы книг В. Ф. Генинга и А. Д. Пряхина [26; 27]. Другая литература – немногочисленные статьи и опубликованные тезисы докладов на научных конференциях разного уровня [28–31]. Своего рода итогом советских исследований истории археологической науки в Российской империи можно считать монографию Г. С. Лебедева [32].

Начало масштабного обращения к истории отечественной археологии досоветского периода пришлось на рубеж 1980–1990-х гг. С этого времени можно отметить постоянное расширение источниковой базы таких разработок (прежде всего в результате введения в научный оборот архивных материалов); усиление интереса к изучению биографий археологов, большое внимание исследователи стали уделять провинциальным ученым и любителям старины; переход от описания частных явлений (история изучения конкретных памятников, вещей и др.) к анализу глобальных феноменов и институтов [2, с. 9–10].

Так, массивы архивных документов, характеризующие различные аспекты исследовательских и организационных практик, особенности взаимоотношений ученых, биографические подробности деятелей науки были опубликованы в работах, посвященных М. И. Ростовцеву (1870–1952), Д. Я. Самоквасову (1943–1911), П. Дюбрюксу (1770–1835) и др. [33–36]. Серия работ, основанных на изучении документальных источников и биобиблиографических материалов, подготовленная А. А. Непомнящим, посвящена археологам и краоведам Крыма [37–39]. Несколько биографических словарей содержат информацию о жизни и научных трудах провинциальных исследователей различных регионов [40–42]. Свод биографий наиболее выдающихся археологов России XVIII – начала XX в. опубликовал Л. С. Клейн [3].

На уровне монографических исследований современными исследователями были рассмотрены проблемы формирования методологии археологии (Н. И. Платонова), связь государственной политики и археологической науки (А. С. Смирнов), развитие

антиковедения в Северном Причерноморье (И. В. Тункина), организация профессиональной подготовки археологов (И. Л. Тихонов) [2; 5; 43; 44]. Специальные работы посвящены археологической деятельности нескольких учреждений и организаций: Императорской Археологической Комиссии, Одесскому обществу истории и древностей, Русскому археологическому институту в Константинополе [45–47].

В 2006 г. в Новосибирске состоялся I (XVII) Всероссийский археологический съезд, положивший начало возрождению традиции, прерванной в 1914 г. [48]. Показательно, что на IV (XX) АС в Казани (2014 г.) проблемы истории археологии обсуждались на заседаниях специальной секции, отдельно от вопросов теории и историографии науки [49, с. 269–286; 50, с. 107–226].

Принципиально значимым является то, что на рубеже XX–XXI в. происходит не только увеличение количества публикаций по истории отечественной археологии, но наблюдаются существенные методологические изменения. И. В. Тункина, выявив это явление, предложила назвать его «антропологическим поворотом». По ее мнению, он проявляется в распространении среди исследователей принципов «историко-антропологического подхода», что позволяет изучать не только внешние проявления научно-практической деятельности, но понимать движущие мотивы людей, осуществлявших эту деятельность [51, т. 2, с. 354–356]. В полной мере этот подход применим и к изучению такого аспекта истории археологии, как охрана археологического наследия.

Нужно отметить, что одной из глобальных тенденций современной цивилизации является беспрецедентно высокий и массовый интерес к историко-культурному наследию [52, р. 69–79]. Это обстоятельство вызывает необходимость анализа и осмысления опыта предшествующих поколений в деле изучения и сохранения памятников истории и культуры. Специфическим направлениям таких исследований стал анализ становления и развития принципов и практик охраны археологического наследия [53].

Важной составляющей системы сохранения всех форм историко-культурного наследия является участие общественности в разработке концептуальных подходов и решении практических задач охранной деятельности. Археологические съезды второй

половины XIX – начала XX в. были первой в России стабильно функционировавшей площадкой общественных дискуссий по вопросам сохранения памятников старины.

Более сорока лет раз в три года съезды объединяли специалистов (теоретиков и полевых исследователей), любителей древностей (многие по уровню подготовки и опыту не уступали представителям официальной науки), коллекционеров, реставраторов, музейных работников, чиновников и др. Инициатором проведения всероссийских археологических съездов было Московское археологическое общество (МАО). Особый вклад в организацию форумов внесли Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884) и Праксovia Сергеевна Уварова (1840–1924), последовательно сменявшие друг друга на посту председателя МАО [54, с. 238–239; 55, с. 198–328].

Стоит отметить, что в XIX – начале XX в. понимание объекта и предмета археологии существенно отличалось от современного. Археолог того времени стремился реконструировать образ жизни людей прошлого, привлекая все возможные виды овеществленных свидетельств, дошедших из глубины веков [43, с. 10–11; 56, с. 28–30]. Таким образом, археологические съезды были местом встречи и обмена мнениями представителей всех направлений исторической науки второй половины XIX – начала XX в. Это обстоятельство оказало существенное влияние на широкий охват проблем сохранения исторического наследия России.

В центре внимания автора настоящей работы, выполненной на основе анализа материалов, созданных преимущественно в процессе подготовки и проведения всероссийских археологических съездов, анализ направлений и проектов, связанных с решением проблем сохранения культурного наследия (недвижимых и движимых). Вопросы, относящиеся к обсуждению специфических проблем архивного дела, намеренно были оставлены без специального рассмотрения (подробный анализ был выполнен Н. В. Бржостовской) [57]. Восприятие археологических съездов профессиональным сообществом, в том числе реакция на дебаты по вопросам охраны культурного наследия, показаны на примере Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК). Этот выбор обусловлен тем, что члены ТУАК были не только активными

участниками АС конца XIX – начала XX в., но регулярно и последовательно публиковали отчеты об очередных АС на страницах «Известий» комиссии.

Во введении представлен краткий историографический обзор изучения истории археологии и охраны памятников в Российской империи, указано значение археологических съездов, как феномена, оказавшего влияние на формирование исследовательских традиций в российской археологии.

Глава 1 «Историография и источники изучения вопросов охраны культурного наследия на Всероссийских археологических съездах» содержит обзор истории изучения роли археологических съездов для разработки теории и практики охраны культурного наследия (§ 1) и характеристику источниковой базы исследования (§ 2). В главе 2 «Вопросы охраны памятников старины на I–VI археологических съездах (1869–1884)» рассмотрены дискуссии о юридических аспектах сохранения памятников старины, организации профессионального археологического образования, проблемах учета объектов культурного наследия, картографировании памятников археологии, методике археологических раскопок. Выделение анализа работы первых шести съездов в отдельную главу обусловлено тем, что они были организованы под руководством первого председателя Московского археологического общества и основателя традиции всероссийских археологических съездов А. С. Уварова, на этом этапе сложились принципы подготовки и проведения форумов, сформировался круг основных проблем (включая вопросы охраны памятников старины), вызывавших наибольший интерес участников АС.

После смерти А.С. Уварова съезды проводились под руководством П. С. Уваровой, его вдовы и нового председателя МАО. В главе 3 «Вопросы охраны памятников старины на VII–XV археологических съездах (1887–1911)» анализируется обсуждение проблем научно-практических направлений охранной деятельности: картографирование, учет, методы раскопок памятников археологии, вопросов организации деятельности провинциальных музеев древностей, сохранения недвижимых и движимых культурных ценностей, совершенствования законодательства в сфере ох-

раны культурного наследия, формирования профессиональной этики археологов на АС, организованных П. С. Уваровой.

В главе 4 «Восприятие Всероссийских археологических съездов провинциальными исследователями (на примере Таврической ученой архивной комиссии)» показана реакция членов Таврической ученой архивной комиссии на дискуссии по проблемам сохранения культурного наследия на археологических съездах (§ 1). Кроме того, показана деятельность членов комиссии по организации АС в Крыму (§ 2).

В заключении подведены итоги работы, представлены общие заключения об основных направлениях дискуссий по проблемам сохранения культурного наследия на всероссийских археологических съездах.

АС привлекали внимание многих отечественных и зарубежных профессиональных археологов историков, многочисленных любителей древностей. Большое число персоналий, упомянутых на страницах книги, обусловило необходимость именного указателя, обеспечивающего возможность быстрого поиска информации об участниках дискуссий по вопросам охраны памятников старины на АС.

**ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ
ВОПРОСОВ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НА ВСЕРОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
СЪЕЗДАХ**

**§ 1. Всероссийские археологические съезды и проблемы
охраны памятников старины:
историографический обзор**

Наиболее полным историографическим обзором, посвященным истории организации, научным программам, составу участников всероссийских археологических съездов в настоящее время является раздел монографии Д. В. Серых [58, с. 11–29]. Представленный автором анализ исследований показывает, что вопрос о вкладе съездов российских археологов в разработку вопросов охраны культурного наследия редко был предметом специального изучения [58, с. 22].

Значение археологических съездов для развития системы сохранения памятников старины было отмечено в обзоре деятельности Московского археологического общества, опубликованном в связи с празднованием в 1890 г. 25-летия этой организации [59]. Примечательно, что памятникоохранительное направление работы АС рассмотрено в указанном исследовании в главе «Исторический очерк деятельности русских археологических съездов в связи с деятельностью Московского археологического общества», а также в разделе «Заботы общества по сохранению памятников, приведению их в известность, составлению пособий для их описания и изучения» [59; с. 42–52, 79–113]. Автором текста «Исторической записки» принято считать Д. Н. Анучина (1843–1923), товарища председателя МАО [32, с. 12; 59, с. 11–12]. Можно предположить, что он намеренно стремился указать на большое значение археологических съездов для разработки вопросов охраны древностей.

Есть все основания полагать, что «Историческая записка» редактировалась председателем МАО П. С. Уваровой [58, с. 12; 60, с. 139]. Таким образом, в конце XIX в. руководители Московского археологического общества явно проводили связь между съездами и рассмотрением проблем охраны памятников истории.

Авторы ретроспективного обзора деятельности МАО выявили и кратко охарактеризовали основные формы работы съездов, связанные с охраной культурного наследия. Прежде всего они отметили вклад I и II археологических съездов, а также лично А. С. Уварова, в разработку проекта закона об охране памятников старины в России в конце 1860-х – середине 1870-х гг. [59; с. 42–44]. Кроме того, были указаны достижения АС в деле популяризации российских древностей («распространения сведений»), разработке инструкций для описания и изучения памятников археологии (в том числе по методике раскопок), формировании теоретических основ и практики картографирования археологических объектов [59, с. 46–47, 98–99, 110–113].

Юбилейный характер публикации, принадлежность авторов к руководству МАО обусловили отсутствие существенной критики и в большей степени хроникальный подход, чем строго аналитический. Кроме того, обзор был ограничен семью первыми археологическими съездами.

Суждения и оценки роли съездов в деле сохранения памятников старины, высказанные в «Исторической записке», были повторены в выступлении П. С. Уваровой на XII Археологическом съезде в Харькове в 1902 г. Текст доклада был опубликован в протоколах заседаний съезда. Исследовательский подход и содержание высказываний не претерпели существенных изменений с 1890 г., но председатель МАО рассмотрела деятельность уже двенадцати форумов российских археологов [61, т. 3, с. 409–427].

Существенное внимание деятельности Московского археологического общества по изучению и сохранению культурного наследия уделил С. А. Жебелев, характеризуя историю российской археологии. Ученый обратил особое внимание на деятельность всероссийских археологических съездов по распространению научных знаний. Однако работа С. А. Жебелева, представляющая собой, по сути,

учебник, содержит в большей степени общие суждения, чем детальный анализ фактического материала [16, с. 121–124].

На исключительную роль Московского археологического общества в организации охраны памятников истории указал А. М. Разгон (1920–1989) [62]. При этом он подчеркнул, что задача сохранения древностей рассматривалась А. С. Уваровым как одна из приоритетных для МАО уже на стадии создания организации, а археологические съезды основатель общества воспринимал как один из инструментов для решения этой проблемы [62, с. 103]. О том, что для А. С. Уварова съезды были средством «для уничтожения равнодушия к русским древностям», упоминал еще Д. Н. Анучин в юбилейной «Исторической записке» [59, с. 79]. Однако А. М. Разгон акцентировал внимание на этой позиции организатора первых шести съездов МАО.

Кроме того, А. М. Разгон осуществил подробный анализ вклада Московского археологического общества и лично А. С. Уварова в разработку проекта закона об охране памятников (1869–1871), в результате обсуждения которого была сформирована правительственная комиссия, подготовившая «Проект правил о сохранении исторических памятников» 1876 г. А. М. Разгон провел сравнительный анализ документов, выделил и охарактеризовал те предложения МАО, которые были включены в официальный проект [62, с. 111–117].

К вопросу о роли А. С. Уварова, Московского археологического общества и всероссийских съездов в развитии системы охраны памятников старины неоднократно обращался А. А. Формозов. Несомненной заслугой исследователя является «реабилитация» научной репутации А. С. Уварова. Против исключительно негативных оценок деятельности основателя МАО как археолога А. А. Формозов выступил еще в 1961 г. в «Очерках по истории русской археологии» [21, с. 86–88]. В этой же работе исследователь упомянул о разработке проекта закона об охране памятников старины, инициированной на I Археологическом съезде [21, с. 103].

Через 25 лет в «Страницах истории русской археологии» А. А. Формозов усилил положительную характеристику А. С. Уварова, признав не только его научные заслуги, но и организаторские способности, проявившиеся в основании МАО,

Исторического музея, проведении всероссийских археологических съездов [25, с. 67–68]. Влияние съездов на развитие системы охраны древностей исследователь, так же как и в монографии 1961 г., связал с разработкой проекта соответствующего закона на I и II археологических съездах [25, с. 163]. Стоит отметить, что в названных монографиях сюжеты, посвященные как археологическим съездам, так и А. С. Уварову, изложены в чрезвычайно краткой форме. Этим данные работы существенно отличаются от исследования А. М. Разгона, изобилующего фактами, убедительно подтверждающими выводы ученого.

Глубокому анализу вклада А. С. Уварова в развитие отечественной археологии А. А. Формозов посвятил специальную статью [54]. Исследователь явно симпатизировал основателю МАО. Результатом этого стало некоторое преувеличение роли московских археологов, в частности в развитии системы охраны памятников старины. Так, А. А. Формозов, полагал, что МАО реализовывало меры по сохранению древностей в тот период, когда «в Петербурге над этим тогда еще не задумывались» [54, с. 238]. Как показала И. В. Тункина, еще в 1831 г. (МАО было создано в 1864 г.) А. Н. Оленин (1763–1843) предложил учредить в Санкт-Петербурге централизованный государственный орган для организации научных исследований и контроля состояния памятников археологии [5, с. 189; 63]. В 1850–1852 гг. Л. А. Перовский (1792–1852) создал в структуре подчиненного ему Министерства внутренних дел Комиссию для изыскания древностей, выполнявшую функции органа охраны древностей [5, с. 252–255; 64].

В целом А. А. Формозов дал взвешенную оценку заслугам А. С. Уварова, показал как достижения ученого, так и ошибки, заблуждения, просчеты. В статье представлена общая характеристика первых шести съездов, подчеркнуто значение I и II археологических съездов для разработки проекта закона об охране памятников, указан вклад этих форумов в развитие практики картографирования археологических объектов России [54, с. 238–239]. В то же время П. С. Уварову А. А. Формозов рассматривал прежде всего как хранительницу начинаний мужа и отказывался считать ее «ученым в полном смысле слова» [54, с. 242]. Более того, исследователь отрицал ее вклад в организацию науки, полагая, что «в жизни МАО

большую роль играла не только она, но и плеяда незаурядных ученых», а избрание ее председателем МАО он объяснил необходимостью иметь руководителем «человека богатого, влиятельного, со связями при дворе и весом в Москве» [54, с. 242].

Несмотря на то, что с этой оценкой нельзя согласиться в полной мере, она во многом объективнее характеризует деятельность П. С. Уваровой, чем панегирические суждения ряда авторов. Так, хвалебная биография вдовы А. С. Уварова была написана Д. Н. Анучиным для сборника, изданного в честь 30-летия ее руководства Московским археологическим обществом. В этом случае выраженная субъективность автора вполне объясняется мемориальным статусом публикации [65]. Труднее признать целесообразность идеализации образов А. С. Уварова и П. С. Уваровой, отсутствие критического подхода к результатам их научной и общественной деятельности, предпринятыми несколькими современными авторами. Такой подход характерен для биографического исследования А. И. Фролова, посвященного супругам Уваровым, вступительной статьи к изданию мемуаров П. С. Уваровой, написанной М. Бастрковой и Л. Заковоротной [55; 66–68]. М. Криз (M. Creese) характеризует П. С. Уварову не только как продолжательницу начинаний мужа, но и как претендентку на роль самой выдающейся женщины-археолога в России конца XIX – начала XX в. [69, с. 103–104].

В 1970–1980-х гг. были изданы работы, авторы которых обратились к различным аспектам деятельности МАО и археологических съездов, в той или иной степени связанных с вопросами сохранения культурного наследия. Так, Н. В. Бржостовская продемонстрировала значение АС для реформирования архивного дела в России [57]. А. Д. Степанский в одной из своих статей отметил, что МАО занимало позиции одного из самых активных и авторитетных научно-исторических обществ России прежде всего благодаря организации археологических съездов. По мнению исследователя, наиболее существенный вклад в развитие системы охраны памятников старины МАО внесло в результате разработки и внедрения инструкций и правил научных археологических раскопок [70, с. 50–51]. Аналогичный взгляд на статус МАО среди других научных обществ высказала И. И. Комарова [71, с. 81].

Большое внимание работе археологических съездов и анализу их влияния на развитие археологии в России уделил Г. С. Лебедев, проанализировавший историю этой дисциплины с начала XVIII в. до 1917 г. [32, с. 94–113, 157–197]. Исследователь выделил личность А. С. Уварова и его персональный вклад в отечественную археологическую науку [32, с. 94–113]. При этом Г. С. Лебедев назвал все-российские археологические съезды в числе главных заслуг А. С. Уварова, наряду с созданием Московского археологического общества и основанием Исторического музея [32, с. 99].

Как полагал Г. С. Лебедев, каждый съезд был «узловым событием для становления целых разделов археологии, новых научных центров, направлений и школ» [32, с. 100]. В число этих направлений он не включил разработку вопросов охраны археологического наследия, но указал принципиально важное значение дискуссий по вопросам теории археологии, а также разработки инструкций по проведению раскопок и описанию памятников, совершенствованию принципов археологического анкетирования [32, с. 158–162]. А. А. Формозов отметил, что одним из недостатков исследования Г. С. Лебедева является отсутствие внимания к проблемам охраны памятников археологии в России XVIII – начала XX в. [72, с. 220].

Близкую к суждениям Г. С. Лебедева оценку личностей Алексея Сергеевича и Прасковьи Сергеевны Уваровых, а также всероссийских археологических съездов дал Л. С. Клейн в научной биографии основателя МАО [3, т. 1, с. 297–326]. По мнению Л. С. Клейна, МАО, в отличие от Русского археологического общества, активно занималось практической охраной памятников старины, добиваясь во многих случаях успеха [3, т. 1, с. 309]. Археологические съезды исследователь рассматривает как наиболее успешное направление работы МАО, сделавшее заслуги этой организации в сфере российской археологии равноценными Императорской Археологической Комиссии [3, т. 1, с. 310].

Заслуживает внимания еще одно наблюдение Г. С. Лебедева, который противопоставил Московское археологическое общество и Императорскую Археологическую Комиссию. По мнению ученого, «Независимое от правительственной бюрократической машины Общество, возникшее в Москве, естественно, оказыва-

лось во главе всероссийского научно-общественного движения» [32, с. 99]. Таким образом, Г. С. Лебедев, вероятно, впервые в отечественной историографии указал на значение негосударственных научных организаций как элементов гражданского общества. Так, А. Д. Степанский полагал, что научно-исторические общества являются первичной формой объединения ученых, предшествующей научно-исследовательским институтам [70, с. 54–55]. Е. В. Соболева рассматривала научные общества как особую форму исследовательской деятельности [73, с. 142, 146].

А. С. Смирнов, в отличие от Г. С. Лебедева, дал существенно иную оценку общественной роли всероссийских археологических съездов [43, с. 117–199]. Исследователь полагал, что съезды не только проходили под контролем государственных структур, но в целом организовывались для реализации тех или иных внутриполитических задач, определенных правительством и обусловленных обстоятельствами проведения конкретного АС [43, с. 198–199]. А. С. Смирнов указал на факты, свидетельствующие о стремлении А. С. Уварова использовать съезды как средство политического контроля в среде интеллигенции [43, с. 113]. Тем не менее А. С. Смирнов не отрицал того, что власти настороженно отнеслись к идее общерусских собраний любителей древностей и председатель МАО несколько лет добивался разрешения I Археологического съезда [43, с. 113–114].

По мнению А. С. Смирнова, правительство осознало перспективность использования исторических и археологических материалов в пропагандистских целях только к 1890-м гг., что привело к административной и финансовой поддержке археологических съездов, выполнявших функцию одного из инструментов распространения имперской идеологии [43, с. 165]. Однако исследователь отметил ряд фактов умеренной конфронтации ведущих организаторов АС (А. С. Уваров, позже – П. С. Уварова) с чиновниками [43, с. 114–115, 180–181].

В целом анализ работы съездов (включая подготовку, выставки, научные программы), представленный А. С. Смирновым, демонстрирует их существенный вклад в обсуждение проблем межнациональных отношений [43, с. 139–195]. В тоже время дис-

куссии по вопросам охраны памятников старины на археологических съездах остались за рамками интереса исследователя. Такой подход представляется не вполне оправданным, так как организация сохранения культурного наследия являлась частью государственной политики, во всяком случае в пореформенный период.

Первое монографическое исследование, посвященное истории всероссийских археологических съездов, было подготовлено и опубликовано Д. В. Серых (2014) [58]. Основой работы стало его диссертационное исследование [74; 75]. Автор подробно рассматривает деятельность А. С. и П. С. Уваровых по организации съездов, порядок подготовки и проведения этих конференций, состав участников [58, с. 48–90]. Обращаясь к научным программам форумов, исследователь выделяет несколько ключевых проблем, получивших «сквозное» обсуждение на АС: определение места археологии в системе гуманитарных наук, разработка археологической периодизации, оформление методических рекомендаций по производству раскопок [58, с. 91–110, 115–118]. Нужно отметить, что в этих разделах Д. В. Серых в основном повторяет суждения и выводы Г. С. Лебедева, однако существенно дополняет канву новым фактическим материалом (влияние предшественника особенно проявляется в параграфе об «исследовательских программах» АС) [58, с. 110–115].

Заметным отличием работы Д. В. Серых от исследований Г. С. Лебедева и А. С. Смирнова является указание на роль археологических съездов в разработке вопросов охраны памятников и музейного дела [58, с. 119–127]. Несмотря на то, что этому сюжету посвящена специальная глава, она существенно меньше, чем другие разделы монографии. Дискуссиям по проблемам сохранения культурного наследия уделено настолько мало внимания, что выделение самостоятельного параграфа выглядит несколько искусственно [58, с. 119–120]. Фактически автор кратко рассмотрел деятельность участников I и II археологических съездов по подготовке проекта закона об охране древностей. По мнению исследователя, успехи съездов в деле сохранения историко-культурного наследия ограничивались решением конкретных проблемных ситуаций [58, с. 120].

Начиная с 1990-х гг., многие исследователи обращались к истории всероссийских археологических съездов [58, с. 20–24]. Интерес к этой теме нашел отражение почти во всех основных жанрах научных публикаций: разделы монографий, статьи, тезисы и материалы докладов научных конференций. Как правило, специалисты концентрировали внимание или на специфических проблемах или давали общую характеристику конкретного съезда.

Так, И. Л. Тихонов рассмотрел роль первых археологических съездов в становлении археологического образования в высших учебных заведениях России [44, с. 32–34]. В другой работе И. Л. Тихонов подчеркнул значение съездов для выявления и популяризации памятников разных регионов России [76, р. 158–160].

А. Е. Мусин показал, какое влияние съезды оказали на церковную археологию, в том числе деятельность церковно-археологических обществ и преподавание курсов археологии в духовных образовательных учреждениях [77; 78, с. 51–54].

Ю. М. Дементьева изучила материалы АС по вопросам музейного дела [79, с. 71–83]. С. А. Васильев рассмотрел значение археологических съездов для становления отечественного палеолитоведения [80, с. 13–15].

Не остались без внимания и вопросы связи съездов с развитием научных изысканий и организацией охраны памятников в регионах. Так, А. А. Непомнящий проанализировал участие крымских исследователей в работе археологических съездов, круг вопросов, относящихся к истории и археологии Крыма [81; 82]. В статьях ученого акцент сделан на научном содержании докладов и публикаций. Однако А. А. Непомнящий особо выделил выступление Ал. И. Маркевича на XI Археологическом съезде в Киеве (1899), посвященного проблеме организации охраны памятников истории, отметив, что положения доклада были проиллюстрированы крымскими материалами [82, с. 584]. В целом А. А. Непомнящий отметил большую роль археологических съездов в деле популяризации историко-культурного наследия и развитии региональных исследований [82, с. 586].

В. А. Волков изучил эти аспекты деятельности всероссийских форумов археологов в связи с историческими и археологическими исследованиями в Саратовском Поволжье [83].

Корпус научной литературы, посвященной всероссийским археологическим съездам, включает публикации, дающих общее представление о подготовке, проведении, научных программах конкретных АС. Иногда авторы отмечали факты обсуждения участниками конференций вопросов, имевших отношение к проблемам охраны памятников старины. В этом ключе М. В. Добренькая дала характеристику IV Археологического съезда в Казани (1877), Л. В. Алексеев – XII Археологического съезда в Харькове (1902), П. Г. Гайдуков, Н. Н. Жервэ – XV Археологического съезда в Новгороде (1911) [84–87].

Характерной чертой подхода исследователей к изучению деятельности археологических съездов является анализ влияния конкретных форумов на развитие региональной археологии, создание провинциальных научных обществ, популяризацию местных объектов культурного наследия. Так, В. В. Астафьев, Г. Р. Назипова показали связь IV Археологического съезда (1877) с созданием в Казани Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и музея этой организации [88; 89, с. 18–27; 90, с. 192–201].

Авторы коллективной монографии, посвященной истории ярославской археологии, высоко оценили стимулирующее значение VII Археологического съезда (Ярославль, 1887) для исследований памятников региона и распространения информации о местных древностях [91, с. 40–47].

В. В. Скирда, изучив историю раскопок памятников Харьковской губернии, инициированных Предварительным комитетом XII Археологического съезда (1902), сделал заключение о том, что они послужили толчком для успешного развития археологии региона и существенно изменили представления о местных древностях [92].

Н. В. Кармазина пришла к аргументированному выводу о том, что VI Археологический съезд (Одесса, 1884) и XIII Археологический съезд (Екатеринослав, 1905) оказали большое влияние на развитие как исследовательских программ, так и системы охраны культурного наследия в Северном Причерноморье [93; 94].

Нужно отметить, что плохо изучен вопрос восприятия археологических съездов профессиональным сообществом и любите-

лями древностей. Как правило, исследователи констатируют факты общественного интереса к работе съездов, не углубляясь в детали этого явления.

Оценку реакции общественности на обсуждение проблем национальных отношений дал А. С. Смирнов. Исследователь рассмотрел этот сюжет в контексте нескольких съездов и пришел к заключению, что публика проявляла интерес прежде всего к вопросам, имевшим широкое общественное значение [43, с. 142–146, 159, 165, 175, 181]. Д. В. Серых выделил особый параграф «Восприятие Археологических съездов в российском обществе» [58, с. 88–89]. Автор монографии кратко, почти не ссылаясь на факты, характеризует отношение общественности к работе съездов. По его мнению, до начала XX в. съезды воспринимались как прогрессивное явление, выполнявшее важные научные и культурно-просветительские функции [58, с. 88]. Однако после 1905 г. намеренное игнорирование организаторами съездов острых политических вопросов привело к тому, что публика стала воспринимать эти форумы как архаичное явление, проходящие в духе реакционно-охранительного курса правительства [58, с. 89]. Бесспорно, эта проблема заслуживает более глубокого анализа, опирающегося на широкую источниковую базу.

Нужно отметить, что вопрос о вкладе всероссийских археологических съездов в разработку проблем охраны памятников старины редко был предметом специального анализа в 1990–2000-х гг. На особый статус этих конференций как одного из институтов системы сохранения древностей Российской империи обратила внимание М. А. Полякова [95, с. 235–237]. По ее мнению, заслуга съездов заключалась в решении практических задач охраны памятников, популяризации регионального наследия, стимулировании местных любителей старины к научному изучению и организации сохранения древностей. В качестве важных направлений работы съездов М. А. Полякова выделила разработку принципов учета и паспортизации объектов исторического наследия, а также рассмотрение проблем сохранения объектов церковной старины [95, с. 235–236].

Аналогичную точку зрения озвучил автор данной работы, пришедший к выводу, что археологические съезды сыграли ис-

ключительно важную роль в повышении профессионального уровня археологических исследований в России, развитии системы учета и охраны памятников истории и археологии, способствовали активизации научно-исторических исследований в провинции [96, с. 43–45]. Несколько публикаций автора детализируют представления об обсуждении проблем охраны памятников старины на I Археологическом съезде (Москва, 1869), II Археологическом съезде (Санкт-Петербург, 1871), VI Археологическом съезде (Одесса, 1884), X археологическом съезде (Рига, 1896) [97, с. 458–460; 98; 99; 100; 101].

Отличительной особенностью указанных публикаций является анализ деятельности всероссийских археологических съездов в сфере сохранения культурного наследия как особого феномена [102, с. 54].

§ 2. Источники изучения вопросов охраны культурного наследия на Всероссийских археологических съездах

Обсуждение вопросов охраны историко-культурного наследия на Всероссийских археологических съездах документировано источниками разных типов. Общий обзор материалов, характеризующих деятельность организаторов и участников АС, реакцию общественности на конкретные съезды, представлен в монографии Д. В. Серых [58, с. 30–47]. Автор указанной работы собрал информацию о большом объеме источников, выявив значительное количество данных, ранее не введенных в научный оборот. Представленная Д. В. Серых классификация источников отражает в большей степени жанровое разнообразие изученных материалов, чем принципы кодирования и хранения информации [103, с. 248]. Таким образом, выполненный им обзор имеет преимущественно дескриптивный характер.

Специальный анализ информационного потенциала источников по истории всероссийских археологических съездов был осуществлен О. С. Петровой [104]. Она проанализировала состав участников и основные направления научных программ этих конференций, применив современные методы изучения массовых данных, отраженных в официальных документах АС. Заслуживает внимания классификация источников, сделанная О. С. Петровой на основе «их происхождения, видовой принадлежности и внутривидового разнообразия» [104, с. 10].

Наиболее значимым корпусом сведений, характеризующих различные аспекты деятельности всероссийских археологических съездов, являются материалы, опубликованные в различного рода изданиях, осуществленных в ходе подготовки, проведения и подведения итогов очередных съездов. Краткий библиографический обзор этих публикаций сделан Л. М. Всевиовым [105, с. 111–113].

Первостепенную важность имеют «Труды» АС. Всего из печати вышло 37 томов в период с 1869 по 1916 г. «Труды» всегда выпускались после завершения работы АС. Однако оперативность их выхода была разной, что зависело от ряда субъективных обстоятельств: финансирования, активности редакционных комитетов, поступления текстов докладов от авторов. За исключением «Трудов» I Археологического съезда, опубликованных уже в 1869 г., издание материалов съездов требовало 2–5 лет подготовительных работ. В некоторых случаях срок публикации составил 6 (V Археологический съезд), 7 (том 1 IV Археологический съезд, тома 3–4 VIII Археологический съезд), 10 (выпуск 2 II Археологический съезд) и 14 (том 2 IV Археологический съезд) лет [105]. Как правило, структурно издания «Трудов» включают делопроизводственные материалы съездов и научные публикации.

Информация об очередном съезде могла оперативно отражаться в публикациях протоколов заседаний, отчетов и других документов, осуществлявшихся непосредственно в ходе работы конференции. Традиция печатать такие сведения началась в 1877 г. на IV Археологическом съезде в Казани. Обычно после завершения АС эти материалы объединялись в выпуск «Известий» (с общей или раздельной пагинацией). Исключениями являются издания материалов VI Археологического съезда в Одессе (1884) и VIII Ар-

хеологического съезда в Москве (1890). В первом случае был опубликован сборник, составленный из отдельных оттисков из газеты «Новороссийский телеграф» («Бюллетени» и «Рефераты»); во втором вышли «Занятия». Однако по структуре и содержанию материалов эти издания не отличаются принципиально от более распространенных «Известий» [58, с. 143–150; 105].

В ряде случаев отдельными изданиями публиковались сборники документов предварительных (Московского, местных) комитетов, включавшие официальную информацию, протоколы заседаний, научно-справочные материалы. Кроме того, для изучения вопросов сохранения культурного наследия в связи с деятельностью археологических съездов могут быть привлечены каталоги выставок, сопровождавших работу АС; разнородные научные и научно-справочные издания, выпускавшиеся к очередному АС и др.

Нужно отметить, что работа очередного АС получала освещение в центральных и местных газетах, столичных научных журналах (например, «Журнале министерства народного просвещения»). Особый интерес представляют обзоры деятельности съездов в провинциальной научной периодике. Среди них можно выделить комплекс материалов, связанных с деятельностью Таврической ученой архивной комиссии. Ее члены принимали активное участие в работе археологических съездов, что нашло отражение в протоколах заседаний этой организации, зафиксировавших отчеты о поездках, сообщения о личных впечатлениях, обзоры научных программ и др. Часть документальных источников ТУАК позволяет рассмотреть организационные аспекты подготовки к проведению АС и их взаимосвязь с проблемами сохранения памятников старины [106–108].

Важная информация по вопросам организации и проведения съездов содержится в мемуарах П. С. Уваровой, возглавившей Московское археологическое общество после смерти мужа и руководившей работой девяти из пятнадцати АС [60; 109].

Таким образом, корпус источников, содержащих информацию о деятельности всероссийских археологических съездов по сохранению культурного наследия, включает как *документальные*, так и *повествовательные* материалы.

К категории документальных источников относятся преимущественно *делопроизводственные* материалы разных типов: протоколы заседаний, отчеты, списки участников АС, научные программы АС. Кроме того, деятельность археологических съездов в сфере сохранения культурного наследия характеризуют нормативно-правовые акты: законы (обсуждавшиеся на АС), «Правила съездов» (разрабатывались предварительными комитетами и утверждались министром народного просвещения), проекты законов об охране памятников старины.

Протоколы заседаний включают документы, созданные в результате работы органов подготовки и проведения, реализации научной программы съездов: протоколы заседаний предварительных комитетов (московского и региональных); протоколы заседаний советов и ученых комитетов съездов; протоколы пленарных и секционных заседаний [58, с. 62–67].

Протоколы заседаний предварительных комитетов содержат сведения о подготовке научных программ съездов (включая вопросы охраны культурного наследия), организации работ по выявлению и изучению региональных памятников археологии, подготовке выставок и научных публикаций.

Протоколы заседаний советов и ученых комитетов съездов дают представления об обсуждении проблем выбора городов проведения будущих съездов, общих вопросов охраны памятников, подготовке резолюций и ходатайств о мерах по сохранению конкретных объектов.

Протоколы пленарных и секционных заседаний – самая объемная и информативная часть делопроизводственных источников, характеризующая дискуссии по вопросам охраны памятников старины на всероссийских археологических съездах. В соответствии со сложившейся традицией, пленарные заседания (предусматривавшие присутствие всех членов и гостей АС) проходили в дни открытия и закрытия съездов, а также включались в программу как «общие», чередуясь с секционными. Последние назывались «заседания по отделениям», к ним можно отнести и некоторые собрания специально созданных «комиссий» для подготовки специфических документов или проектов решений съездов. На секционных заседаниях обсуждались как общие, так и част-

ные вопросы организации охраны древностей. Протоколы заседаний всех видов часто отражают дискуссии о проблемах охранной деятельности, вызванные особенно важными или острыми выступлениями докладчиков.

Отчеты о действиях предварительных комитетов, экскурсиях включают данные о конкретных действиях соответствующих структур, преимущественно по выявлению, изучению и популяризации памятников старины. Нужно отметить, что сведения отчетного характера часто не выделялись в самостоятельные документы, а включались в протоколы заседаний в числе других выступлений. Так, председатели МАО при закрытии очередного съезда подводили итоги его работы на заключительных заседаниях. Эти материалы публиковались в форме реферативного изложения в составе соответствующего протокола или как самостоятельная статья [61, т. 3, с. 409–427].

Списки участников археологических съездов – один из наиболее подверженных изменениям и сложный для анализа вид источников, созданных организаторами конференций. Можно назвать две основные проблемы, связанные с этими документами: отсутствие единого формата представления данных и небрежность при составлении и публикации списков. Так, списки иногда включали указание на место жительства участника и сведения о его профессиональном статусе. В других случаях представители государственных учреждений, университетов, научных обществ фигурировали в особом перечне. При этом они могли быть названы сразу в двух документах: депутаты от организаций и поименном списке. О. С. Петрова в результате анализа списков участников АС установила наличие в них неточностей, в частности искажений личные данных [104, с. 11]. Все эти обстоятельства привели к тому, что в публикациях приводятся разные сведения о количестве участников съездов [58, с. 164; 60, с. 235, 242, 244, 247, 252, 254, 257–258, 270–272, 274]. Несмотря на указанные особенности, списки дают важные сведения об «адресатах» дискуссий по вопросам охраны памятников позволяют судить о географии распространения информации, полученной непосредственно в ходе работы съездов.

Научные программы археологических съездов представлены двумя видами документов: вопросы/запросы предварительных комитетов, содержащие темы, представлявшиеся желательными для обсуждения; списки названий докладов, предложенных предварительным комитетам потенциальными участниками. Стоит отметить, что первые документы отражают в большей степени научные интересы организаторов съездов. Многие из обозначенных тем оставались нерассмотренными, так как не было желающих подготовить соответствующие выступления. Во втором варианте программ фигурируют как темы, обозначенные в «запросах», так и инициированные самими докладчиками. При этом оба варианта предварительных программ не полностью соответствуют реальным перечням докладов.

Категория *повествовательных* источников включает научные публикации, материалы личного происхождения.

Научные публикации представлены изданными докладами и рефератами участников археологических съездов, обзорами работы АС, научно-справочными материалами, каталогами выставок АС.

Наибольший объем информации о вопросах охраны культурного наследия, рассмотренных на заседаниях археологических съездов, содержат опубликованные *тексты докладов и реферативные изложения выступлений* участников конференций. Они существенно дополняют краткую информацию из протоколов заседаний. По форме тексты большинства докладов и рефератов мало отличаются от научных статей того времени. Авторы публикаций рассматривали разные по содержанию вопросы: общие проблемы системы охраны памятников старины (например, развитие образования в сфере археологии, деятельность музеев, научных обществ), проблемные ситуации в регионах, анализировали случаи разрушений или примеры сохранения конкретных объектов культурного наследия. В некоторых случаях публикации представляют собой проекты преобразований, направленных на обеспечение сохранности памятников прошлого.

Обзоры работы археологических съездов представляют собой аналитические описания научных программ, докладов и выступлений участников АС, дискуссий по конкретным вопросам охраны памятников старины, экскурсий, особенностей организации фору-

мов. Так, один из наиболее полных обзоров деятельности первых двенадцати съездов был подготовлен П. С. Уваровой и напечатан в трудах XII Археологического съезда в Харькове [61, т. 3, с. 409–427]. Другие публикации были сделаны участниками АС и выходили в центральных и региональных научных периодических и продолжающихся изданиях (Журнал Министерства народного просвещения, Известия Таврической ученой архивной комиссии), в разделах монографий и отдельных формах печатной продукции.

Научно-справочные материалы в основном представлены сообщениями из регионов, которые публиковались в трудах предварительных комитетов. К ним также относятся картографические материалы, перечни объектов наследия, руководства по организации исследований и др. Особо стоит выделить сборник инструкций для проведения археологических исследований, подготовленный А. А. Матвеевым к VI Археологическому съезду в Одессе (1884) [110].

Каталоги выставок, сопровождавших работу съездов дают информацию о некоторых аспектах музеефикации, обеспечения сохранности экспозиций, приемах популяризации сведения о памятниках старины.

Важнейшим *источником личного происхождения*, раскрывающим многие аспекты подготовки и проведения съездов, восприятия их деятельности являются *мемуары* П. С. Уваровой. Необходимо учитывать, что они представляют ретроспективный взгляд на съезды их многолетнего организатора, а также то обстоятельство, что текст был создан в эмиграции без опоры на документы. Личный архив и материалы Московского археологического общества были недоступны П. С. Уваровой [58, с. 39–40; 66, с. 18]. Некоторые подробности организации экскурсии участников VI Археологического съезда содержат письма 1884 г. вице-президента Одесского общества истории и древностей В. Н. Юргевича настоятелю монастыря св. Владимира в Херсонесе [111].

Таким образом, в результате деятельности самих всероссийских археологических съездов, их организаторов и участников сформировался большой по объему и информационному потенциалу массив документальных и письменных источников. Среди прочего они документируют такое направление работы АС, как

обсуждение и решение вопросов сохранения памятников старины, а также позволяют охарактеризовать восприятие и отношение к археологическим съездам представителей провинциальной научной общественности.

Глава 2

ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ НА I–VI АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДАХ (1869–1884)

Первые шесть археологических съездов были организованы под руководством А. С. Уварова. На этом этапе сложились подходы к выбору места проведения очередного АС, формированию научных программ, организационные принципы подготовки и проведения АС, методы взаимодействия с властями и научным сообществом. Деятельность А. С. Уварова, актуальность рассматриваемых на съездах проблем, включая вопросы охраны древностей, позволили АС стать устойчивым и востребованным институтом российской научной жизни.

Проблемы организации охраны исторических памятников России были подняты уже на I съезде (16–28 марта 1869 г., Москва). Для подготовки I Археологического съезда был создан Предварительный комитет, первое собрание которого состоялось в Санкт-Петербурге в ноябре 1868 г. На нем были определены сроки проведения форума, разработан регламент работы и принципы составления научной программы [112, т. 1, с. XXXII–XXXIII].

При подготовке съезда в перечень предложенных к обсуждению проблем был включен вопрос «О мерах к сохранению и приведению в известность памятников как языческой, так и христианской древности в России». Кроме того, непосредственное отношение к теме сохранения археологических древностей имели направления, посвященные обсуждению преподаванию археологии в российских учебных заведениях и составлению археологических карт [113, т. 1, с. XV].

Предварительный комитет завершил свою деятельность 9 марта 1869 г., передав управление съезда Совету во главе с председателем Московского археологического общества А. С. Уваровым. Доклады и дискуссии проходили на общих и секционных (по отделениям) заседаниях. Структура научной программы I Археологического съезда предусматривала функционирование шести основных направлений: 1) «Первобытные древности» (секретари отделения –

Н. А. Попов, А. А. Потебня); 2) «Русские древности» – архитектура, изобразительное и исполнительское искусство (В. Н. Виноградский, Г. Е. Ларош); 3) «Русские древности» – памятники письменные и бытовые (Н. Я. Аристов, К. Н. Бестужев-Рюмин); 4) «Русские древности» – юридические древности (В. И. Сергеевич); 5) «Восточные древности» (В. Г. Тизенгаузен); 6) «Классические и византийские древности» (Ф. К. Брун) [112, т. 1, с. XXXIV–XXXV].

На I Археологический съезд прибыли 130 исследователей из 26 городов России, представлявшие 28 организаций и учреждений империи. Нужно отметить, что, несмотря на анонсированный всероссийский состав участников, фактически на форуме присутствовали ученые и любители старины только из европейской части страны (самый восточный город – Казань). Более того, 67 % (87 чел.) из них были жителями Москвы и Санкт-Петербурга (62 и 25 чел.). Научные силы других населенных пунктов представляли от 1 до 4 человек. Кроме членов Московского археологического общества, съезд посетили сотрудники Императорской Археологической Комиссии, Академии наук и Академии художеств, Санкт-Петербургского, Московского, Харьковского, Киевского (св. Владимира), Новороссийского, Гельсингфорского (Александровского) университетов, Московской и Киевской духовных академий, Археографической комиссии, Московского общества истории и древностей, Русского археологического общества, Одесского и Нарвского обществ истории и древностей, Общества древнерусского искусства, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Центрального, Казанского, Могилевского, Нижегородского, Оренбургского, Псковского, Ярославского статистических комитетов и др. Единственным иностранным участником съезда был Йенс Якоб Асмуссен Ворсо (1821–1885), известный датский археолог, один из создателей основ современной археологической периодизации [112, т. 1, с. XXXV–XXXVI; 114, т. 1, с. XXVII–XXVIII; 115].

Проблема обеспечения сохранения историко-культурного наследия в России была обозначена на открытии съезда 16 марта 1869 г. в речи А. С. Уварова. Он оценил состояние охранной деятельности как неудовлетворительное, что проявлялось в систематическом бесконтрольном и массовом разрушении памятников старины. При этом он обратил внимание на нарастание темпов и масшта-

бов гибели объектов наследия, отсутствие информации о фактах утраты древностей и не эффективности существующей нормативно-правовой базы охраны памятников. По мнению А. С. Уварова, изменение сложившейся ситуации в лучшую сторону могло быть достигнуто путем организации системы учета объектов наследия и мониторинга их состояния, популяризации и развития образования в сфере археологии. Председатель МАО выразил надежду, что всероссийские археологические съезды будут способствовать реализации этих направлений [112, т. 1, с. XXX–XXXI].

Проблемы охраны памятников старины целенаправленно обсуждались на общем собрании 21 марта 1869 г. Круг рассмотренных вопросов оказался чрезвычайно широким. Выступавшие констатировали многочисленные случаи разрушения древностей вследствие невежества населения, чиновников и служителей церкви [116, т. 1, с. XLVIII–LIV].

Так, А. А. Мартынов (1818–1903, архитектор, историк и археолог, занимался изучением древнерусского зодчества, принимал участие в реставрационных работах на памятниках архитектуры, один из организаторов Московского архитектурного общества) сообщил о случаях уничтожения и перестроек памятников церковной архитектуры Москвы [116, т. 1, с. XLIX–LII; 117]. Н. А. Попов (1833–1891, профессор Московского университета, историк) призвал участников съезда выступить в защиту Коломенского кремля, стены которого были предназначены на слом [116, т. 1, с. LII; 118]. П. И. Мельников (1819–1883, русский писатель, историк и этнограф, специалист по истории старообрядчества. Автор романов «В лесах» и «На горах») также привел примеры утрат древних построек [116, т. 1, с. LI; 119, ч. 2, с. 198–227].

Однако дискуссия не была сведена только к критике существующего положения, одновременно предлагались конкретные меры по изменению ситуации. Д. П. Сонцов (1803–1875, нумизмат, один из основателей МАО) обратил внимание на необходимость активизировать работу археологических обществ по собиранию сведений о древностях от местных жителей и надзору за состоянием памятников старины. Для этого общества могли бы назначать специально уполномоченных «корреспондентов», обязанности которых состояли в информировании своих организаций о

выявленных объектах культурного наследия. Также Д. П. Сонцов указал на целесообразность привлечения центральных и губернских газет для собирания и обобщения сведений об археологических открытиях. Важным условием успешной деятельности научно-археологических обществ по сохранению памятников старины он считал юридическое закрепление их полномочий в этой сфере [116, т. 1, с. XLVIII–XLIX; 120, с. 397].

Профессор Санкт-Петербургского университета К. Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897), систематизировав публикации в прессе по вопросам охраны памятников и предложения ряда участников съезда, представил программу развития системы охранной деятельности. Она предусматривала проведение регулярных археологических съездов, создание новых археологических обществ и музеев в провинции, широкое привлечение губернских статистических комитетов к собиранию сведений о памятниках. Иллюстрируя свое сообщение, К. Н. Бестужев-Рюмин представил проект учреждения музея на развалинах древнего Булгара, разработанный К. Г. Евлентьевым (1824–1885, псковский краевед, член Псковского губернского статистического комитета) [116, т. 1, с. XLIX; 121; 122; 123].

Идея привлечения археологических обществ и статистических комитетов к надзору за памятниками церковной архитектуры была высказана в записке И. А. Голышева (1838–1896, издатель, этнограф и археолог любитель), озвученной на заседании [124; 125].

Интересный проект создания и деятельности археологических отделов при губернских статистических комитетах был изложен в реферате Н. П. Горожанского, опубликованного в трудах съезда [126].

М. В. Толстой (1812–1896, историк церкви) обратил внимание на необходимость издания рисунков памятников, которым грозит разрушение, а также путеводителей по отечественным достопримечательностям [116, т. 1, с. LIV; 127].

Д. М. Струков (1827–1899, архитектор, художник, археолог) заострил внимание на уничтожении старинных вещей, приобретаемых скупщиками металлического лома. Он указал, что «хотьба» (скупка изделий из цветных металлов для переплавки) как промысел наносит существенный вред, и необходимо его запрещение или ограничение правительственным распоряжением.

Также он обратил внимание участников заседания на потребность обеспечить членам научных обществ свободный доступ в церковные хранилища для изучения находящихся в них культурных ценностей [116, т. 1, с. LI–LIV; 128; 129].

Подводя итоги заседания, А. С. Уваров отметил, что суть проблемы обеспечения эффективности охраны культурного наследия заключается в отсутствии в России правительственного органа охраны древностей, официального реестра памятников и жесткого законодательства и привел примеры из опыта Франции [116, т. 1, с. XLVIII–LIV]. Кроме того, он изложил свои представления об основных положениях закона об охране памятников старины. А. С. Уваров указал, что деятельность по сохранению древностей предполагает реализацию мер по двум основным направлениям: выявление и учет объектов, обеспечение их физического существования [130].

По мнению председателя МАО, задача инвентаризации памятников старины должна быть возложена на научно-археологические общества (НАО). А. С. Уваров предложил разделить территорию империи на пять «археологических округов» (Петербургский, Московский, Киевский, Казанский, Одесский), распределенных между археологическими обществами [130, с. 36]. Координировать деятельность НАО и курировать общегосударственный перечень памятников старины должна специальная «Комиссия». В ее состав А. С. Уваров предложил ввести представителей НАО, академии наук, высших светских и духовных учебных заведений, чиновников Министерства внутренних дел, научных учреждений [130, с. 37].

Непосредственный надзор за состоянием объектов, включенных «Комиссией» в список, следовало поручить «блюстителям», назначаемым на три года. Их кандидатуры выдвигались НАО и утверждались министром внутренних дел. А. С. Уваров предложил наделить «блюстителей» рядом полномочий, вплоть до права останавливать любые работы на памятниках старины, угрожающие их состоянию [130, с. 38–39].

Проект А. С. Уварова предполагал разделение объектов культурного наследия на четыре категории: 1) памятники архитектуры (к ним были причислены и «валы, городища, курганы);

2) памятники письменности; 3) памятники живописи; 4) памятники декоративно-прикладного искусства. При этом А. С. Уваров считал, что первоочередные охранные меры, в том числе инвентаризация, должны быть применены к памятникам архитектуры и живописи (к последним, он отнес иконы, монументальные произведения) [130, с. 36].

Объекты наследия, включенные в общегосударственный список, А. С. Уваров предложил разделить на две категории (разряды). Памятники 1-го разряда запрещалось подвергать изменениям без личного разрешения императора. Ремонтные, реставрационные работы на объектах 2-го разряда должны были санкционироваться Министерством внутренних дел или Святейшим Синодом [130, с. 37–38].

В итоге заседания было принято решение о создании комиссии из членов Московского и Русского археологических обществ для разработки мер по охране отечественных древностей [116, т. 1, с. LIV].

В дни работы съезда М. П. Погодин представил обзор истории отечественной археологии (доклад читался 16, 19 и 28 марта). На заключительном заседании (28 марта) он рассмотрел современное состояние и перспективы археологических исследований в России. Кроме того, М. П. Погодин обобщил высказанные участниками съезда предложения по организации охраны исторических памятников. Он отметил необходимость популяризации знаний об археологических древностях и создания описания отечественных достопримечательностей, издания свода памятников и организации мер по физическому сохранению древностей. Особое предложение было связано с развитием железнодорожного строительства: должна быть разработана практика выявления артефактов, находимых при земляных работах и их покупки научными обществами. М. П. Погодин высказался за необходимость обеспечения централизованного хранения археологических коллекций, прекращение распределения вещей из комплексов между центральными и провинциальными музеями. Также он предложил принять меры к разработке правил научной реставрации памятников и обязать Императорскую Археологическую Комиссию выявлять публикации в прессе о находках предметов старины [131].

Проблемы охраны памятников были затронуты на заседаниях 19 и 21 марта 1869 г. при обсуждении вопросов о преподавании археологии в русских учебных заведениях. Дискуссия развернулась вокруг сообщений на эту тему Ф. И. Буслаева (1818–1897, историк, филолог, академик, профессор Московского университета) и П. С. Казанского (1819–1878, историк, профессор Московской духовной академии) [132; 133]. Докладчики и участники съезда, выступившие в прениях, отметили важность распространения знаний о национальных древностях как необходимого условия развития интереса и бережного отношения общества к памятникам старины. В итоге было признано целесообразным введение курсов археологии в светских и духовных учебных заведениях [116, т. 1, с. XLV–XLVIII; 134; 135; 136].

Разработка вопросов учета археологических памятников рассматривалась при обсуждении методики картографирования курганов на общем собрании 21 марта 1869 г. [116, т. 1, с. LIV–LV].

II Археологический съезд в Санкт-Петербурге (1871) занимает особое место по значимости рассмотренных проблем охраны древностей. На его заседаниях обсуждались два важных проекта: о разработке мер по сохранению памятников археологии и о принципах архивной реформы. Кроме того, участники съезда обратились к нескольким частным вопросам охраны древностей.

Идея организации очередного АС в столице империи была высказана на заключительном заседании I съезда 28 марта 1869 г. [137]. Предложение было поддержано Русским археологическим обществом (РАО), секретарь которого В. В. Вельяминов-Зернов (1830–1904, ориенталист, академик) предложил приурочить проведение этого мероприятия к празднованию 25-летия РАО в 1871 г. При РАО была создана комиссия, разработавшая основные организационные и научные принципы работы будущего съезда. Они были одобрены президентом РАО великим князем Константином Николаевичем (1827–1892) 17 января 1870 г. По представлению министра народного просвещения, 20 марта 1870 г. было получено разрешение Александра II на проведение II Археологического съезда зимой 1871 г. в Санкт-Петербурге [138; 139].

Подготовкой съезда занимался Предварительный комитет из 27 представителей различных учреждений и научных обществ, в

основном столичных (19 человек). Его работой руководил секретарь РАО В. В. Вельяминов-Зернов. Предварительный комитет (первое заседание состоялось 16 ноября 1870 г.) сосредоточил усилия на решении организационных вопросов, составлении научной программы съезда и подготовке выставки археологических находок. В процессе подготовки II съезда были проведены небольшие по объему раскопки могильников в бассейне озера Ильмень (Новгородская губерния) с целью получения антропологических материалов для сравнительных исследований краниумов из аналогичных памятников северо-западной части России [140, с. V–VII].

Для обсуждения на съезде был предложен вопрос о мерах «к сохранению и приведению в известность памятников как языческой, так и христианской древности в России» [140, с. XI]. За основу были взяты разработки комиссии, сформированной на I Археологическом съезде, в состав которой входили члены Московского и Русского археологических обществ [116, т. 1, с. XLVIII–LIV].

Предварительный комитет II съезда, рассмотрев представленный проект, решил, что он «может признаваться только материалом для желаемого доклада» [140, с. XX]. Для завершения работы с текстом была сформирована специальная комиссия из членов Предварительного комитета. В ее состав вошли А. С. Уваров (Московское археологическое общество), В. В. Вильяминов-Зернов (Русское археологическое общество, Академия наук), В. Г. Тизенгаузен (Императорская Археологическая Комиссия), Н. Н. Мурзакевич (Одесское общество истории и древностей), А. Ф. Бычков, П. И. Савваитов (Русское археологическое общество) [140, с. XIX–XX].

В процессе своей деятельности Предварительный комитет рассматривал предложения, поступавшие от учреждений и частных лиц, касающиеся различных вопросов изучения памятников старины. Некоторые из них имели прямое отношение к проблемам сохранения древностей. Так, Московская духовная академия просила обратить внимание на необходимость составления общего отчета о произведенных в России археологических исследованиях в форме «систематического руководства или в виде словаря». Фактически речь шла о создании своего рода, свода археоло-

гических источников, без которого «эта наука может делать только медленные и нетвердые шаги вперед» [140, с. ХХI].

Аналогичные предложения были высказаны Н. Я. Аристовым (1834–1882, историк, профессор Варшавского университета) и П. И. Мельниковым [141, с. 283–288]. Н. Я. Аристов предложил составить библиографический указатель археологических публикаций; П. И. Мельников – издать собрание материалов о памятниках старины, напечатанных в губернских и епархиальных ведомостях. Кроме того, Н. Я. Аристов обратил внимание на необходимость популяризации законоположений «относительно старинных вещей, находимых разными лицами» [140, с. ХХI–ХХII].

Предварительный комитет решил подготовить свод законов об охране памятников в России [140, с. ХХ]. Однако в опубликованных материалах II Археологического съезда нет сведений, что эта работа была выполнена.

Заседания съезда проходили в Санкт-Петербурге с 7 по 20 декабря 1871 г. В его работе приняли участие 171 депутат из 18 городов России: 129 человек (три четверти) из столицы, 11 из Москвы, по 5 из Киева и Одессы, 4 из Варшавы, из остальных городов по 1–2 участника [142, с. XXVI–XXIX]. Научный мир России был представлен сотрудниками Академии наук и Академии художеств, Санкт-Петербургского, Московского, Казанского, Киевского (св. Владимира), Новороссийского университетов, Санкт-Петербургской, Московской, Киевской духовных академий, Археологической комиссии, Русского географического общества, Московского общества истории и древностей, Московского археологического общества, Эстонского ученого общества, Общества любителей духовного просвещения, Императорского Эрмитажа, Московского архива министерства юстиции и др. [143, с. XXXIII–LII].

Почетным председателем съезда стал великий князь Константин Николаевич, председателем Совета съезда был избран А. С. Уваров, распорядительный комитет возглавил В. В. Вельяминов-Зернов. Работа форума проходила на общих и секционных заседаниях. Последние были разделены на шесть отделений, руководители которых образовали Ученый комитет (Здесь и далее название отделений даны в соответствии с источником. – *А. III.*): «Первобытные древности» (А. С. Уваров), «Памятники русского и славянских ис-

кусств и художеств» (А. Ф. Бычков), «Памятники русского и славянских языка и письма» (И. И. Срезневский), «Памятники русские и славянские бытовые» (Н. В. Калачев), «Древности восточные» (В. В. Вельяминов-Зернов) и «Древности классические, византийские и западноевропейские» (Л. Э. Стефании) [140, с. XXV]. Всего было зачитано 54 доклада [61, т. 3, с. 421].

Обсуждение наиболее важных вопросов об организации охраны памятников старины и архивной реформе проходило на общих заседаниях съезда 11 и 20 декабря 1871 г.

Проект «мер охранения памятников» был представлен В. Г. Тизенгаузеном (1825–1902, востоковед, историк, археолог) [144, с. 220–244]. По мнению комиссии, его разработавшей, эти меры должны были сосредоточиться на составлении реестра памятников и организации их физического сохранения. Сведения об объектах должны были включать их историю, характеристику состояния и информацию о собственнике. Предусматривалось выделение пяти групп памятников: 1) зодчества; 2) живописи; 3) ваяния и резьбы; 4) изделия из металлов, кости и дерева; 5) ткани, древние одежды. Эту работу предполагалось возложить на исторические и археологические общества. Каждое из них должно было курировать территорию одной или нескольких губерний. Информация о памятниках старины, согласно проекту, сосредотачивалась в специальной комиссии из представителей научных обществ, Академий наук и художеств. Эта комиссия должна была составлять единый реестр, который поступал на утверждение императору. После этого все действия по отношению к объектам, включенным в этот список, могли производиться только по согласованию с комиссией. Для постоянного контроля состояния памятников комиссия должна была назначать смотрителей. Документ был утвержден без принципиальных возражений со стороны участников съезда [64, с. 101–102; 145, с. 59–61]. Фактически в текст повторял основные положения, сформулированные А. С. Уваровым на I Археологическом съезде, но в лаконичных формулировках.

Впоследствии «Проект мер охранения памятников» был представлен в Министерство народного просвещения и широко обсуждался в государственных ведомствах и научных учреждениях. Однако в этих кругах он вызвал существенные возражения.

Прежде всего критике подверглась неопределенность материально-финансового обеспечения мероприятий по охране памятников. Кроме того, отторжение вызвали положения, обеспечивающие приоритет в охранной деятельности научных обществ, а не государственных структур, особенно – незначительная роль Археологической Комиссии. Тем не менее в 1876 г. при Министерстве народного просвещения была создана комиссия «для обдумывания предложений о мерах к охранению на будущее время существующих памятников» под руководством А. Б. Лобанова-Ростовского (1824–1896). В основу ее разработок был положен документ, принятый съездом, а результатом деятельности стал соответствующий законопроект. Однако законом он так и не стал [62, с. 112–117; 146, с. 40–44].

Участникам II Археологического съезда были представлены сообщения о разрушениях памятников старины. Специально этой проблемы был посвящен доклад А. А. Мартынова на общем заседании 11 декабря 1871 г. Он привел список московских архитектурных древностей утраченных по причине невежества и произвола властей: Троицкое подворье и церковь Богоявления, собор св. Николая Гостунского, Крутицкое и Кирилловское подворья, Гербовая башня и др. А. С. Уваров дополнил эту информацию, сообщив о планах по демонтажу части Китайгородской стены для проведения новой улицы [145, с. 59–60].

На этом же заседании Д. М. Струков обратил внимание на факты уничтожения древних кладбищ в Крыму [145, с. 60]. В. А. Прохоров (1818–1882, археолог, специалист по древнерусскому искусству) доложил о плачевном состоянии Новгородских и Псковских церквей, которые «совершенно обезображены множеством новейших пристроек» [147, с. 42].

Можно отметить, что такого рода выступления и их обсуждение способствовали формированию практики обращения к общественному мнению в деле охраны памятников.

Большой резонанс среди участников съезда вызвал доклад И. И. Срезневского (1812–1880, филолог-славист, академик), прочитанный на заседаниях отделения «Памятники русского и славянских языка и письма» 9 и 18 декабря 1871 г. По значимости и остроте рассмотренных в нем проблем он мало уступал дискус-

сиям по вопросам охраны археологических памятников и архивных материалов. И. И. Срезневский посвятил свое выступление организации изучения и сохранения памятников русской письменности [148]. Отметив успехи отечественной археографии, он заострил внимание на ее основных проблемах. Так, при наличии хранилищ, в том числе специализированных, во многих отсутствовали описи фондов, особенно опубликованные. Дело издания памятников не было систематизировано даже в археографической комиссии. Организация хранения, описания, подготовки к публикации материалов часто осуществлялись на низком научном уровне из-за низкой профессиональной подготовки сотрудников древлехранилищ. Причина этого, по мнению докладчика, заключалась в отсутствии специальных кафедр и целенаправленной подготовки специалистов-археографов. Кроме того, многие исследователи не имели постоянного финансирования своих изысканий. С сожалением И. И. Срезневский констатировал зависимость доступности для ученых государственных и частных коллекций памятников письменности от произвола чиновников и владельцев [149; с. 1–15; 150, с. 15; 151, с. 58].

Нужно отметить, что участники съезда неоднократно обращались к вопросам подготовки квалифицированных специалистов в области исследования древностей и необходимости распространения археологических знаний.

Так, на заседании отдела «Памятники русского и славянских искусств и художеств» 16 декабря 1871 г. возникла дискуссия по поводу мнения В. А. Прохорова о преждевременности введения преподавания археологии в университетах из-за недостаточной изученности археологических материалов в России. Против этого суждения высказались А. С. Уваров и Н. П. Кондаков (1844–1925), вполне резонно указав на то, что именно наличие специальных кафедр и позволит осуществить масштабные исследования памятников археологии [147, с. 40; 152]. На заключительном общем заседании 20 декабря 1871 г. А. С. Уваров инициировал обращение съезда к представителям университетов о необходимости скорейшего учреждения при них кафедр археологии [153, с. 66]. Кроме того, Ал. И. Маркевич (1847–1903, профессор Новороссийского университета) предложил объединить в одних руках

преподавание гимназических курсов русской истории, литературы и географии (общее собрание 11 декабря) [145, с. 60; 154, с. 48].

Участники съезда отметили острую потребность в учебной и справочной литературе по археологии. Л. В. Даль (1834–1878, архитектор, академик, исследователь древнерусского зодчества) высказался за издание учебника по археологии одним из научно-археологических обществ. П. А. Гильдебранд (1840–1905) предложил организовать публикацию «памятной книжки для археологов и археографов». П. Н. Петров (1827–1891) выступил с инициативой издания археологического словаря [145, с. 60–61]. По разным причинам эти предложения не были поддержаны.

Необходимо отметить, что идея ввести курс археологии в программу российских университетов и школ, обсуждавшаяся еще на I съезде по инициативе А. С. Уварова, встретила категорическое неприятие со стороны министра народного просвещения Д. А. Толстого (1823–1889), считавшего ее нецелесообразной. Несмотря на то, что курсы лекций, построенные на археологических материалах, читались по крайней мере с 1880–1890-х гг., первые кафедры археологии были созданы в советское время. Первый отечественный учебник по археологии был издан только в 1923 г. (С. А. Жебелев «Введение в археологию») [44, с. 5–8, 32, 223–226].

Среди вопросов, обсуждавшихся на II съезде, имевшим отношение к вопросам охраны древностей, можно назвать проект создания археологической карты славянских памятников представленный И. Ф. Скимборовичем (профессор Варшавского университета). Одоблив идею в целом, участники заседания признали ее чрезвычайно трудоемкой и масштабной, а дальнейшее обсуждение проекта перенесли на будущий III съезд [155, с. 61–64]. Интересная мысль прозвучала в докладе В. Б. Антоновича (1834–1908, историк, археолог, этнограф) на заседании отделения «Первобытные древности» 16 декабря 1871 г., посвященного исследованию курганов Южной России. По его мнению, раскопки этих памятников должны представлять одну из последних стадий их изучения. Им должны предшествовать не разрушающие культурный слой работы по картографированию объектов, их сравнительно-этнографическому анализу, выявлению сведений в письменных источниках [147, с. 43–45].

Не остались без внимания участников съезда проблемы церковной археологии. На заседании 11 декабря 1871 г. П. А. Лашкарев (1833–1899, профессор Киевской духовной академии) изложил проект создания церковно-археологических музеев при духовных академиях. П. И. Савваитов (1815–1895, историк, археолог, археограф) высказал мнение, что более целесообразным было бы учреждение таких музеев при епархиях [145, с. 60–61]. Следует отметить, что уже в 1872 г. при Киевской духовной академии было создано церковно-археологическое общество и музей. Однако широкое распространение церковно-археологические учреждения и древлехранилища при них получили только во второй половине 1890-х – 1910-х гг. [156, с. 83–84; 157, с. 37–50].

Идея организации III Археологического съезда в Киеве была озвучена на заключительных заседаниях II съезда [153, с. 67; 155, с. 65]. Значительную часть работы по организации III Археологического съезда взял на себя киевский университет св. Владимира [43, с. 140–141]. Правительственное разрешение на проведение очередного форума археологов было получено 3 ноября 1873 г. [158, с. 5–6]. Предварительный комитет сформировал программу и список вопросов, «по которым съезду желательно получить сведения». В центре внимания пленарных заседаний должны были стать обсуждения проблем статуса археологии в системе научного знания и организации преподавания этой дисциплины в российских учебных заведениях. Таким образом, специальной дискуссии по вопросам сохранению памятников старины не было запланировано. Тем не менее в рамках работы секции «Древности первобытные» предполагалось обсудить «по каким правилам следует производить раскопки курганов и городищ», а также «как следует математически описывать находки в древних земляных насыпях» [159, т. 1, с. III; 160, т. 1, с. VIII].

Работа III Археологического съезда продолжалась со 2 по 21 августа 1874 г. На форуме присутствовали 204 участника. При этом большая часть их представляла научные силы Киева – 84 человека (41 % от общего числа). Из Москвы прибыли 22 депутата (11 %), из Санкт-Петербурга – 20 (10 %), из Одессы – 8 (4 %), из Варшавы – 7 (3,4 %), из Казани – 5 (2,5 %), представительство еще 35 населенных пунктов России ограничивалось 1–3 участниками. Как и на преды-

дущих съездах, на III Археологическом съезде присутствовали специалисты и любители только из европейской части страны. Новым явлением оказалось значительное число зарубежных исследователей: 11 научных центров Европы (из Австро-Венгрии, Франции и Германии) прислали 15 человек (7 %) [161, т. 1, с. X–XIII].

Еще одним нововведением стало некоторое изменение структуры научной программы. Вместо шести отделений, характерных для I и II археологических съездов, доклады были распределены на восемь секций: «Древности первобытные» (председатель – А. С. Уваров), «Историческая география и этнография» (Н. И. Костомаров), «Памятники искусства и художеств» (Н. Н. Мурзакевич), «Быт домашний и общественный» (В. Ф. Миллер), «Быт церковный» (П. Г. Лебединцев), «Памятники языка и письма» (И. И. Срезневский), «Древности классические, византийские и западно-европейские» (В. И. Модестов), «Древности восточные» (В. В. Вельяминов-Зернов). Наиболее важные вопросы по-прежнему предполагалось обсуждать на общих заседаниях [162, т. 1, с. XV–XVI].

Большое значение для развития теоретических основ археологической науки имели доклады на пленарных заседаниях III Археологического съезда, состоявшихся 5 и 8 августа 1874 г. И. Е. Забелин (1820–1909, историк, археолог) высказал свое мнение по вопросу о задачах археологических исследований и месте археологии в системе гуманитарного знания. А. С. Уваров изложил представления о программе преподавания, предмете и методах археологии. Историк А. Г. Брикнер (1834–1896) заострил внимание на необходимости организации учебных музеев, которые должны обеспечивать освоение практических навыков будущих специалистов. Все доклады вызвали оживленную дискуссию, в которой приняли участие известные российские ученые: Л. К. Ивановский, Д. И. Иловайский, В. И. Модестов, В. В. Никольский, П. В. Павлов, Н. А. Попов [163, т. 1, с. XVIII–XXI; 164, т. 1, с. XXI–XXIV; 165].

Существенное влияние разработок И. Е. Забелина и А. С. Уварова на развитие методологии археологии неоднократно отмечали исследователи [2, с. 79–85; 21, с. 86–87; 32, с. 165–172; 54, с. 239]. Некоторые положения докладов И. Е. Забелина и А. С. Уварова имели прямое отношение к формированию представ-

лений об охране памятников старины. Так, И. Е. Забелин значительное внимание уделил анализу понятия «памятник археологии» и принципам классификации древностей [166, т. 1, с. 2–4, 8–10, 13–15]. А. С. Уваров заострил внимание на определении этого понятия и ценностных характеристиках памятников [167, т. 1, с. 22–24]. Несмотря на некоторые различия в подходах и трактовках этих ученых и их оппонентов, итогом диспута стало признание определяющим критерием «памятника» его статус как *исторического источника* (курсив наш. – А. III.) [164, т. 1, с. XXI–XXII]. А. С. Уварову удалось точно сформулировать эту идею: «...археологическим памятником следует признать только тот остаток вещественный, только то письменное известие или устное сведение, которые поясняют нам культурное состояние древнего быта какого-либо народу в известную эпоху» [167, т. 1, с. 22].

А. Г. Брикнер поставил вопрос о необходимости обеспечить коллекциями наглядных пособий курсы археологии, которые предлагалось ввести в российских университетах. Он предложил сформировать специальную комиссию из участников съезда, которая могла бы разработать и представить на утверждение следующего АС программу формирования таких собраний археологических материалов [168, т. 1, с. 48]. В ходе обсуждения доклада существенное дополнение внес профессор университета св. Владимира П. В. Павлов (1823–1895) [169]. Он обратил внимание на необходимость предоставления открытого доступа в такие музеи публики и организации на их базе просветительских лекций [164, т. 1, с. XXIII–XXIV].

Проблемы сохранения историко-культурного наследия были рассмотрены в докладе киевского лексикографа и этнографа М. М. Левченко (1830–1891) на заседании отделения «Памятники искусств и художеств» 19 августа 1874 г. [170, т. 1, с. XLVIII]. Исследователь привел примеры многочисленных случаев разрушения памятников архитектуры и монументальной скульптуры на территории Малороссии. Также он обратил внимание на необходимость организации мер по охране культурных ценностей и указал на негативные последствия деятельности скупщиков старых вещей. По мнению докладчика, основными причинами уничтожения недвижимых и движимых объектов наследия являются

пренебрежительное отношение, вандализм, алчность со стороны владельцев, населения, служителей церкви и представителей администрации. М. М. Левченко предложил ряд мер, направленных на решение задач охраны памятников старины: 1) распространение в прессе информации о самих объектах и случаях проявления по отношению к ним вандализма; 2) организация работ по графической и фотографической фиксации архитектурных и монументальных сооружений; 3) создание местных музеев древностей [171, т. 1, с. 309–312].

Важным результатом III Археологического съезда стало утверждение «Инструкции для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов», разработанной по поручению ученого совета съезда Д. Я. Самоквасовым, В. Б. Антоновичем и Л. К. Ивановским (1845–1892) [172, т. 1, с. LXIX–LXXIII]. Документ подробно регламентировал приемы раскопок, принципы фиксации и описания находок, способы реставрации вещей. По мнению современных исследователей, положения «Инструкции...» были основаны на собственном опыте исследователей и передовых достижениях российских и зарубежных коллег [173, с. 25; 174, с. 38]. Создание данного документа можно рассматривать как важное достижение в сфере регламентации методики полевых археологических исследований.

На закрытии III Археологического съезда 21 августа 1874 г. А. С. Уваров объявил о проведении IV съезда в Казани [172, т. 1, с. LXXIV].

Казанский (IV) археологический съезд прошел с 31 июля по 17 августа 1877 г. «Правила съезда» были утверждены министром народного просвещения 8 декабря 1876 г. [175, с. 11–12]. В работе форума приняли участие 336 человек из 39 городов России. Самую большую группу составляли местные ученые и любители старины – 172 участника (51 % от общего числа). Из Санкт-Петербурга на IV Археологический съезд прибыли 39 человек (12 %), из Москвы – 19 (6 %), из Киева – 15 (4,5 %), из Астрахани – 8 (2 %), из Нижнего Новгорода, Перми, Симбирска, Тифлиса – по 6 (1,8 % в каждом случае). Представительство других населенных пунктов страны ограничивалось 1–4 делегатами. Важно отметить существенное расширение географии участников съезда за счет привлечения исследова-

телей из Поволжья (Уфа, Пенза, Уржум, Саратов и др.), Приуралья и Урала (Вятка, Екатеринбург), Средней Азии (Самарканд) и Кавказа (Тифлис). Научные силы империи представляли сотрудники Академии наук, 7 университетов (Санкт-Петербургского, Московского, Казанского, Киевского, Александровского, Дерптского, Харьковского), 2 историко-филологических институтов (Санкт-Петербург, Нежин), 2 духовных академий (Казанской, Киевской), 2 археографических комиссий (Санкт-Петербург, Вильно), 5 статистических комитетов (Центрального, Казанского, Нижегородского, Черниговского, Саратовского), 11 научных обществ (Московского и Русского археологических, Московского и Одесского обществ истории и древностей, Эстонского ученого, Казанского естествоиспытателей, любителей кавказской археологии, Нестора летописца, Казанского церковно-археологического, любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Русского географического), 2 архивов (Главного министерства иностранных дел и Московского министерства юстиции). Зарубежную науку представляли 9 человек (2,7 %) из Франции, Австро-Венгрии, Османской империи [176, т. 1, с. XVIII–XXIV].

Чтение научных докладов и дискуссии проходили на общих и секционных заседаниях распределенных по шести отделениям: «Древности первобытные» (председатель А. С. Уваров), «Историческая география и этнография» (П. Д. Шестаков), «Памятники искусств и художеств» (М. В. Толстой), «Быт домашний и общественный» (С. М. Шпилевский), «Памятники языка и письма» (И. И. Срезневский), «Древности восточные» (И. Ф. Готвальд) [175, с. 11; 176, т. 1, с. XVIII–XXIV].

Обсуждение проблем охраны культурного наследия прежде всего предполагалось в связи с включением в программу IV Археологического съезда вопроса о мерах «сохранения археологических памятников» в зонах железнодорожного строительства. Кроме того, некоторые аспекты организации охранной деятельности планировалось затронуть при обсуждении принципов организации и работы научно-археологических обществ [177, с. 13].

Обеспечение охраны памятников археологии при строительстве железных дорог рассматривалось на заключительном заседании IV Археологического съезда 17 августа 1877 г. Д. А. Корсаков

(1843–1919, историк) доложил собравшимся содержание письма А. В. Черникова-Анучина (ок. 1836–1899), содержащее проект необходимых мер [178, с. 120–124]. Автор документа предложил съезду ходатайствовать перед правительством о законодательном закреплении следующего порядка действий: 1) на стадии проектных работ губернаторы командируют членов статистических комитетов для выявления, учета и описания памятников на местах, отведенных под прокладку путей; 2) сотрудники статистических комитетов маркируют объекты, представляющие научную ценность и подлежащие аварийным раскопкам, столбами со специальными знаками и номерами, соответствующими очередности раскопок; 3) информация о наличии памятников старины передается администрации железной дороги, которая предпринимает меры по сохранению указанных древностей; 4) при отсутствии возможности провести научные исследования работы выполняются строителями под наблюдением члена статистического комитета или «местного археолога». Кроме того, А. В. Черников-Анучин поставил вопрос о необходимости организовать учет археологических памятников на всей территории страны. Для выполнения этой задачи он предложил привлечь сотрудников статистических комитетов, волостных правлений, археологов, землемеров, лесничих, агрономов. Информация об объектах должна была фиксироваться в унифицированном виде на специальных бланках [179, т. 1, с. СХХIX–СХХХ].

Нужно отметить, что в 1860–1870-х гг. в России действительно шло активное строительство железнодорожной сети. Так, если до 1862 г. общая протяженность таких путей сообщения составляла 3 204 версты (3 418 км), то к 1873 г. она достигла 13 272 верст (14 159 км), в ближайшие годы планировалось ввести в эксплуатацию еще 3044 версты (3 247 км) железных дорог [180, с. 8, 14–15]. Отсутствие регулирования охранных археологических работ создавало существенную угрозу объектам культурного наследия в зонах возведения железнодорожных конструкций. Проект А. В. Черникова-Анучина был не совершенным: не указывалась организация, отвечающая за собирание сведений о памятниках; не учитывалось кадровое обеспечение аварийных раскопок и др. Тем не менее данный документ интересен для изучения под-

ходов к формирующимся в России принципам охранной деятельности. К сожалению, автор проекта на съезд не прибыл, дискуссия не состоялась, каких-либо решений по данному вопросу принято не было.

Обсуждение принципов деятельности научно-археологических обществ было проведено на пленарном заседании 5 августа 1877 г. в связи с проектом создания такой организации в Казани [181, т. 1, с. LVI–LX]. После завершения работы съезда при местном университете начало функционировать Общество археологии, истории и этнографии. В частности, оно внесло существенный вклад в дело сохранения памятников Болгара [88, с. 81–85; 182; 183, с. 150–152]. На заседании 5 августа 1877 г. основное внимание собравшиеся уделили научной программе будущей научной организации [43, с. 150; 181, т. 1, с. LVI–LX]. Стоит отметить, что на заключительном собрании участников IV Археологического съезда 17 августа 1877 г. был принят «Проект ходатайства о мерах к сохранению развалин в селе Успенском-Болгарах, Спасского уезда, Казанской губернии», который предусматривал передачу памятника под надзор Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и выделение единовременного государственного пособия в сумме 300 руб. [179, т. 1, с. CXXXII–CXXXIII].

Проблемы сохранения курганов, городищ и валов поднял Д. Я. Самоквасов. На общем заседании 10 августа 1878 г. он представил доклад, в котором обратил внимание на то, что раскопки этих памятников представляют не меньшую угрозу, чем распахка и кладоискательство. Ученый предложил рассмотреть ряд мер, направленных на обеспечение квалифицированных исследований этих объектов: 1) раскопки должны быть нацелены на решение научных задач и проводиться только с разрешения «археологических учреждений и археологических обществ»; 2) археологи должны точно следовать «Инструкциям...» (прежде всего принятой III Археологическим съездом), которые подлежали регулярной корректировке на археологических съездах; 3) квалификация лиц, осуществляющих раскопки должна подтверждаться предоставлением ими отчетной документации в организации, разрешившие проведение работ (при этом, авторские права сохраняются за исследова-

телем); 4) лица, чьи отчеты будут признаны не удовлетворительными, лишаются права производить раскопки. Доклад вызвал дискуссию, в ходе которой свои мнения высказали А. С. Гацисский, Л. К. Ивановский, В. В. Радлов, А. С. Уваров. В целом они поддерживали коллегу. Итогом обсуждения стало решение направить проект Д. Я. Самоквасова министру народного просвещения для рассмотрения [184, т. 1, с. XC–XCIII].

Не остались без внимания участников IV Археологического съезда вопросы сохранения археологических находок, особенно памятников нумизматики. Любитель древностей из Самарканда Д. О. Петров-Борзна сообщил на заседании 8 августа 1878 г. о распространении в Средней Азии промысла кладоискателей. Найденные ими монеты покупаются за бесценок торговцами из Афганистана и Индии с целью перепродажи на европейском антикварном рынке [185, т. 1, с. LXV–LXVI]. Археолог, нумизмат и коллекционер из Казани В. К. Савельев (1810–1882) представил обзор частных собраний монет в Поволжье и привел случаи утраты ценных памятников, в том числе в результате их продажи зарубежным антикварам (15 августа 1878 г.) [186, т. 1, с. CXVI–CXVII].

На закрытии IV Археологического съезда А. С. Уваров объявил, что следующий форум российских археологов состоится в Тифлисе [179, т. 1, с. CXXVI].

Инициатором проведения V Археологического съезда был наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич (1832–1909), предоставивший в распоряжение организаторов 15 000 руб. из личных средств. Подготовка съезда осуществлялась силами Московского археологического общества и Общества любителей кавказской археологии [32, с. 175–180; 43, с. 150–154; 60, с. 118; 187, с. XIII, XV].

Тифлисскому съезду предшествовала обширная исследовательская программа древностей Кавказа. На первом заседании Московского подготовительного комитета были обозначены перспективные направления изысканий, А. С. Уваров представил проект «правил для предполагаемых к отправлению на Кавказ экспедиций» [188, с. 1–8]. Документ содержит ряд положений, направленных на обеспечение сохранности артефактов и полевой научной документации. Исследователи должны были вести под-

робные дневники раскопок, а по их окончании составить подробные отчеты, приложив к ним описи найденных вещей. Все материалы археологических работ (находки, документы, фотографии) передавались в Московское археологическое общество для научной обработки, а затем – в Тифлисский музей [188, с. 8–9]. Эти меры позволяли сохранить максимальной объем информации об исследованиях и обеспечить целостность вещевых коллекций.

Положения «проекта правил» А. С. Уварова были использованы при подготовке конкретных инструкций, адресованных ученым, согласившимся произвести исследования курганов и пещер в регионе (В. Б. Антонович, И. С. Поляков, В. П. Бернштам) [189, с. 42–46]. В 1880 г. А. С. Уваров посетил Эриванскую губернию с целью изучения местных древностей. По результатам наблюдений он представил Тифлисскому предварительному комитету перечень объектов культурного наследия, нуждавшихся в срочных охранных мерах [190, с. 332–333].

«Правила съезда» были утверждены министром народного просвещения 12 апреля 1880 г. [191, с. I–III]. V Археологический съезд работал с 8 по 21 сентября 1881 г. Нужно отметить, что в литературе нет точных сведений о числе участников съезда. Так, П. С. Уварова в мемуарах свидетельствует, что «ни один съезд не отличался таким многолюдством, как Тифлисский» [60, с. 126]. Однако в списке членов и участников V Археологического съезда, опубликованном в «Трудах» этого форума, значится только 91 фамилия (без указания принадлежности к организации и месту проживания) [192, с. XI–XII].

Председателем ученого комитета съезда был избран А. С. Уваров, секционные заседания проходили по восьми отделениям: «Памятники первобытные» (председатель – А. С. Уваров); «Памятники языческие и классические» (Л. К. Ивановский); «Памятники христианские» (Н. О. Эмин); «Восточные древности» (К. П. Патканов); «Памятники искусств и художеств» (Н. И. Петров); «Памятники языка и письменности» (Д. З. Бакарадзе); «Лингвистика» (В. Ф. Миллер); «Историческая география и этнография» (А. Я. Аристов) [Там же].

Несмотря на то, что специального обсуждения проблем сохранения памятников археологии на съезде не было запланирова-

но, эти вопросы рассматривались в ряде докладов и в ходе дискуссий. Так, различные аспекты выявления и изучения объектов историко-культурного наследия получили освещения в нескольких исследовательских программах древностей Кавказа, утвержденных участниками V Археологического съезда. Для их разработки была сформирована специальная комиссия, представившая планы исследований в области лингвистики – Л. П. Загурского (1827–1891, лингвист, этнограф), В. Ф. Миллера (1848–1913, лингвист, этнограф, археолог), нумизматики – В. Г. Тизенгаузена, физической антропологии – Л. К. Ивановского (1845–1892, археолог) [193, с. LXXXIX–XC; 194, с. XCVIII–CVII].

Вопрос о необходимости составления археологической карты России был поставлен Д. Н. Анучиным на заседании отделения «Памятники языческие и классические» 19 сентября 1881 г. Ученый предложил взять за основу военно-топографическую карту Российской империи. Археологи должны были наносить выявленные объекты на отдельные листы этого атласа, что позволило бы на очередных археологических съездах составить, а в дальнейшем дополнять и корректировать сводную археологическую карту [195, с. XXIII].

Для обсуждения проекта была сформирована специальная комиссия в составе Д. Н. Анучина, В. Б. Антоновича, В. Г. Тизенгаузена, Е. Д. Фелицына (1848–1903, историк, археолог, этнограф), Г. Д. Филимонова (1828–1898, искусствовед, коллекционер, археолог), которая огласила итоги своей работы на заключительном заседании V Археологического съезда 21 сентября 1881 г. Прежде всего ученые отметили необходимость разработки унифицированной системы знаков, обозначающих археологические памятники, а также легенд к ним и методики составления карты. Выполнение этой работы решили поручить Московскому археологическому обществу, которое должно было составить проект и обсудить его с сотрудниками статистических комитетов, научных учреждений и обществ к весне 1883 г. Подготовленные материалы предполагалось рассмотреть на VI Археологическом съезде [193, с. XCI]. Результатом проведенной МАО работы стала публикация брошюры Д. Н. Анучина с методическими рекомендациями по картографированию памятников первобыт-

ной археологии. Издание распространялось на VI съезде в Одессе [59, с. 48–49; 196, с. 8]. В последующие годы МАО продолжало собирать сведения для создания всероссийского атласа, однако он так и не был закончен.

Проблема сохранения культурных ценностей также рассматривалась на V Археологическом съезде. По предложению А. В. Комарова (1830–1904, генерал, этнограф, археолог и орнитолог-любитель) съезд принял решение обратиться к наместнику на Кавказе великому князю Михаилу Николаевичу с ходатайством об издании распоряжения, запрещающего несанкционированные археологические раскопки на казенных и общественных землях. Необходимость такого документа была обусловлена распространением в регионе кладоискательства и вывоза археологических находок за рубеж [193, с. ХСІ].

В соответствии с традицией, сложившейся на предшествующих съездах, в нескольких докладах были приведены конкретные примеры сохранения или уничтожения памятников старины. Так, Д. Я. Самоквасов сообщил о фактах разрушения курганных могильников в окрестностях Пятигорска в результате дорожных работ, деятельности местных жителей по добыче строительных материалов и разбивке виноградников [197, с. XXVI–XXVIII; 198, с. 47–49, 53–54]. В выступлении А. И. Стоянова (1845–?, директор Кутаисской гимназии, этнограф и археолог-любитель), обнародованной записке Н. Н. Мурзакевича были приведены примеры восстановления памятников церковной архитектуры в Кутаиси и Пицунде [199, с. XXXIII–XXXIV]. Было заслушано сообщение А. В. Прахова (1846–1916, историк искусства, художественный критик-археолог) о методике реставрации фресковой живописи [200, с. LXIII].

Идея организации очередного съезда российских археологов в Одессе была озвучена на закрытии V Археологического съезда в Тифлисе. Обязательства по проведению очередного форума взял на себя Новороссийский университет [193, с. ХСV]. Для разработки «правил съезда» был образован предварительный комитет. Его работой руководили председатель Московского археологического общества А. С. Уваров и вице-президент Одесского общества истории и древностей Н. Н. Мурзакевич. «Правила съезда» были утверждены министром народного просвещения И. Д. Деляновым (1818–1897)

30 июня 1883 г. [201, т. 1, с. XLIII]. Председателями комитета стали А. С. Уваров, Н. П. Кондаков и Ф. И. Леонтович (1833–1911, историк, правовед, проректор Новороссийского университета) [202, с. 2; 203, т. 1, с. XLIX; 204, т. 1, с. 15–23].

Проблемы охраны археологических памятников были подняты на стадии подготовки съезда. Во-первых, была поставлена задача изучения истории археологических исследований в Крыму. Во-вторых, распорядительный комитет выразил желание «иметь подробные каталоги Одесского и Феодосийского музеев» и сведения о частных коллекциях предметов старины в Новороссийском крае. В-третьих, была отмечена необходимость выполнить картографирование археологических памятников Южной России [205, т. 1, с. XXXII, XXXVIII].

Нужно отметить, что наиболее успешно были реализованы проекты, связанные со вторым и третьим блоками. К сожалению, не был подготовлен полный каталог коллекции музея Одесского общества истории и древностей. К 1884 г. заинтересованные лица могли пользоваться только несколькими краткими описаниями собрания, подготовленными Н. Н. Мурзакевичем [206]. Памятники, хранившиеся в Феодосийском музее (с 1850 г. находился под патронажем ООИД), были представлены в нескольких «Указателях». Последний из них на тот момент был подготовлен хранителем музея О. Ф. Ретовским (1849–1925) [207, с. 23; 208, с. 391–393; 209, с. 155–162]. Съезду были посвящены публикации каталогов частных собраний монет П. О. Бурачкова (1818–1894, нумизмат, коллекционер) и произведений античного ювелирного искусства Ю. Х. Лемме (1833–1904, коллекционер) [210; 211, р. 6].

Русское археологическое общество осуществило финансирование подготовки свода античных эпиграфических памятников Северного Причерноморья. Выполнение этого проекта РАО поручило В. В. Латышеву (1855–1921, историк, филолог), который в 1883 г. совершил экспедиционную поездку по Южной России с целью изучения материалов из местных собраний. Однако трудоемкость этой работы не позволила выпустить задуманное издание к открытию съезда [212, т. 2, с. 49–54].

Масштабная работа по картографированию археологических памятников южных регионов России была выполнена профессо-

ром Новороссийского университета Л. Ф. Воеводским (1846–1901, историк, филолог). Составленная им карта представляет свод данных письменных и археологических источников, а также является результатом анализа трудов по исторической географии Северного Причерноморья и прилегающих территорий [202, с. 8–9].

Большой интерес имеет работа А. А. Матвеева, изданная к началу VI Археологического съезда. В ней представлены история исследований и историографический обзор проблем изучения курганов, городищ и «каменных баб» европейской части юга России [213, ч. 3, с. 9–48, 66–89]. В тексте книги содержатся сведения об отдельных памятниках, кроме того, в нее включен перечень курганов Новороссийского края и бассейна Дона, составленный по опубликованным материалам [213, ч. 3, с. 91–96].

А. А. Матвеев рассмотрел общие вопросы сохранения погребальных и поселенческих памятников. Так, он обратил внимание на необходимость строго соблюдения методики археологических раскопок, поскольку «чуть не девять десятых прежде собранного материала... в сущности лишены научной ценности» [213, ч. 3, с. 3]. Кроме того, он пишет, что «раскопкою... кургана оригинал памятника уничтожается, а потому неполнота в описании раскопки или ошибки в этом описании в большинстве случаев не могут быть исправлены. Следовательно, раскопка, неправильно и неполно описанная, не только бесполезна для науки, но вредна: уничтожая исторический памятник, она может привести к неверным в науке выводам» [213, ч. 3, с. 52].

Особо А. А. Матвеев остановился на необходимости привлечения общественности к делу сохранения археологического наследия: «Между тем, неумолимое время в союзе с не менее суровым человеком всякий день вычеркивает безжалостно цифру за цифрой из возможного в будущем капитала знания, одна только скромная наука протягивает свой скудный плащ, чтобы уберечь на пользу потомству непризнанное толпою достояние. Нравственный долг велит нам в этом случае не проходить молчанием подобное явление, напротив, предписывает призвать на помощь науке культурные силы общества» [213, ч. 3, с. 5].

Значительную часть труда А. А. Матвеева составляют инструкции для проведения археологических исследований. Основ-

ные принципы разведочных работ, описания курганов и курганных групп изложены в «Общей инструкции для курганной экскурсии» [213, ч. 3, с. 49–51]. «Специальная инструкция для исследования курганов» содержит указания по методике археологических раскопок. Она составлена на основе аналогичного документа, разработанного Д. Я. Самоквасовым, Л. К. Ивановским, В. Б. Антоновичем и утвержденного на III Археологическом съезде в Киеве (1874) [172, т. 1, с. LXXIX–LXXXIII; 213, ч. 3, с. 51–57]. Дополнением к ней являются «Антропологическая инструкция» А. П. Богданова (1834–1896), а также «Инструкция при эксплорации каменных гробов и древних кладбищ», в основу которой были положены разработки польского археолога Г. О. Оссовского (1835–1897) [213, ч. 3, с. 58–62]. «Инструкция для описания городищ и валов» представляет собой сочетание положений нескольких инструкций Д. Я. Самоквасова и А. А. Браунера (1857–1941). «Программа для собирания сведений о каменных бабах» основана на аналогичной разработке МАО [213, ч. 3, с. 72, 89–91]. Значение публикации А. А. Матвеева заключается в том, что разбросанные по разным изданиям методические рекомендации были собраны вместе. Таким образом, он составил ценное пособие для археологов, способствовавшее освоению принципов научных археологических исследований.

По сложившейся традиции комитет съезда организовал несколько научных экспедиций для изучения археологических памятников Южной России. В. Б. Антонович произвел изучение пещер и курганов по берегам Днестра; Р. А. Прендель (1851–1904, геолог) и И. М. Видгальм (1835–1903, зоолог) провели археологическую разведку на о. Березань; А. А. Браунер исследовал археологические памятники в Екатеринославском уезде [214, т. 1, с. XLIV–XLV].

Открытие VI Археологического съезда состоялось 15 августа 1884 г. под председательством исполняющего обязанности попечителя Одесского учебного округа И. С. Некрасова (1836–1895, филолог) [215]. В его работе приняли участие 372 депутата из 54 городов России. Еще 10 человек (2,7 % от общего числа) прибыли из-за границы (Австро-Венгрия, Османская империя). Численно преобладали исследователи из Одессы – 142 человека (38 %). Представительные делегации прибыли из Санкт-Петербурга – 53

(14 %), Киева – 32 (8,6 %), Москвы – 31 (8,3 %), Варшавы – 10 (2,7 %), Севастополя – 8 (2,2 %), Харькова – 7 (1,9 %). Нужно отметить выраженную активность крымских ученых и любителей старины. Всего на VI Археологический съезд приехали 19 человек (5 %) из Севастополя (8), Керчи (2), Симферополя (2), Феодосии (2), Ялты (2), Алушты (1), Евпатории (1) и Судака (1). Научные круги Российской империи представляли делегаты Академии наук и Академии художеств, Императорского Эрмитажа, Археологической комиссии, Императорской Археологической Комиссии, семи университетов (Санкт-Петербургского, Московского, св. Владимира, Харьковского, Варшавского, Дерптского, Александровского), Санкт-Петербургского археологического института, Историко-филологического института в Нежине, трех духовных академий (Санкт-Петербургской, Московской, Киевской), 11 научных обществ (Московского и Русского археологических, Русского географического, Одесского общества истории и древностей, Московского истории и древностей, Нестора-летописца, Санкт-Петербургского архитекторов, Московского архитектурного, Православного Палестинского, Московского юридического, Киевской временной комиссии по разбору древних актов), Московского архива министерства юстиции [203, т. 1, с. XLIX–LXII].

Вниманию участников VI съезда были предложены 137 докладов и сообщений широкого тематического и хронологического диапазона [61, т. 3, с. 421]. Председателем Ученого комитета VI Археологического съезда был избран Н. П. Кондаков. Доклады и дискуссии проходили на общих заседаниях и секционных по десяти отделениям: «Древности первобытные» (председатель – Д. Н. Анучин), «Памятники языческие» (П. А. Путятин), «Памятники классические» (И. В. Помяловский), «Памятники общественного и домашнего быта» (М. М. Ковалевский), «Памятники юридические» (Ф. И. Леонтович), «Памятники искусства» (Н. П. Кондаков), «Памятники языка и письма» (А. Ф. Бычков), «Памятники исторической географии» (Д. Я. Самоквасов), «Памятники византийские» (В. Г. Васильевский), «Восточные древности» (А. Я. Гаркави) [203, т. 1, с. LI].

Как отметил известный российский филолог и историк И. В. Помяловский (1845–1906): «съезд вполне оправдал возла-

гавшиеся на него надежды: по обилию материалов, которые были представлены ... по вниманию, с которым относилась к нему образованная публика, он нисколько не уступал ни одному из предшествовавших съездов» [202, с. 25]. Работа VI Археологического съезда завершилась 1 сентября 1884 г. [216, т. 1, с. XXI].

Проблемы охраны памятников оказались в центре внимания двух докладчиков. На заседании отделения «Памятники искусства» 25 августа 1884 г. выступил смотритель духовного училища из Переславля-Залеского, историк, протоиерей А. И. Свирелин (1830–1906) с докладом «О сохранении памятников старины». Он поставил вопрос о необходимости возложить обязанности практической охраны памятников старины на их владельцев (учреждения, ведомства, частных лиц). При этом вставала проблема отсутствия квалифицированных специалистов, которые могли бы курировать эту деятельность. Выход А. И. Свирелин видел в создании уездных археологических советов, состоящих из «местных учителей» под руководством члена одного из археологических обществ. Кроме того, докладчик отметил необходимость разработки четкой инструкции для составления археологическими обществами реестров памятников всех форм собственности. Выступая в прениях, профессор русской словесности Дерптского университета П. А. Висковатов (1842–1905), отметил, что проблему охраны памятников на местах могли бы решить частные общества, подобные организациям по защите животных. Другой оппонент высказал суждение о невозможности разработки универсальной инструкции по охране древностей [217].

Второй доклад, «О средствах к охранению старины», был сделан на заседании этого же отделения 28 августа 1884 г. киевским ученым К. И. Турчаковским (1847/1850–1897). Докладчик предложил создать специальное общество для сохранения древних памятников по аналогии с подобными европейскими организациями. Идея встретила поддержку участников съезда [218]. Стоит отметить, что некоторые русские археологические общества активно занимались охраной памятников (МАО, ООИД) [11, с. 54–56; 13, с. 42–78]. Однако первое специализированное «Общество охранения древностей» было создано только в 1907 г. в Варшаве [70, с. 54].

В различной степени вопросы охраны памятников старины затрагивались в других докладах и сообщениях. Так, Л. Ф. Воеводский (1846–1901, историк, филолог) изложил методику составления им карты древних поселений на юге России, рассмотрев и некоторые общие принципы картографирования археологических памятников [219, с. 7]. А. Л. Крылов (1845–1916), говоря «О старине Донской области», отметил необходимость создания библиографических указателей публикаций об исторических и археологических памятниках [220, т. 4, с. 29–73]. Архитектор, реставратор и археолог В. В. Суслов (1857–1921) представил методику обмеров и фиксации сведений о памятниках деревянного зодчества северной России [221, т. 1, с. 253].

Во время съезда не были оставлены без внимания вопросы популяризации археологических древностей и распространения сведений о памятниках в научных кругах. В Новороссийском университете прошла специально организованная выставка. На ней были представлены материалы из раскопок, рисунки и фотоснимки памятников старины. Значительная часть экспозиции состояла из материалов памятников Северного Причерноморья [222, т. 1, с. LXXIX–LXXVII].

Вице-президентом ООИД В. Н. Юргевичем (1818–1898) была подготовлена новая экспозиция музея общества [223, с. 110; 224, с. 409–421]. Даже после окончания работы съезда В. Н. Юргевич предоставлял «разные справки по Музею по просьбе как членов бывшего съезда, так и вновь прибывших в Одессу археологов», что свидетельствует о большом интересе участников съезда к этой коллекции [225].

После окончания съезда его участники (90 человек) отправились в Крым. На полуострове состоялось посещение раскопок ООИД на Херсонесском городище, а также осмотр памятников в окрестностях Севастополя и Бахчисарая [226, т. 1, с. LXXVIII–LXXX].

Таким образом, на первых шести археологических съездах, в организации которых принимал непосредственное участие А. С. Уваров, была заложена традиция широкого общественного обсуждения проблем сохранения культурного наследия в России. Показательно, что наиболее общие и важные вопросы этого направле-

ния рассматривались на пленарных заседаниях. Особое внимание организаторы и участники съездов уделили решению задач юридического обеспечения сохранности памятников старины, а также развитию археологического (в широком понимании того времени) образования в высших учебных заведениях.

Кроме того, в 1869–1884 гг. регулярно обсуждались проблемы создания системы учета объектов историко-культурного наследия, картографирования памятников археологии, методики археологических раскопок, противодействия кладоискательству и перемещению артефактов за границу.

Постоянной практикой съездов стали информационные сообщения о фактах разрушения памятников старины.

Организаторы и участники съездов регулярно осуществляли деятельность по выявлению, изучению и популяризации объектов культурного наследия, что проявлялось в организации научных экспедиций, раскопок (до начала очередного АС), выставок (во время работы АС), изданиях материалов исследований и текстов докладов (труды съездов, предварительных комитетов, специальные публикации и др.).

Глава 3

ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ НА VII–XV АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДАХ (1887–1911)

Одесский съезд 1884 г. был последним, организованным А. С. Уваровым. После его смерти 29 декабря 1884 г. руководство Московским археологическим обществом и организация Всероссийских археологических съездов перешли к его вдове — П. С. Уваровой [65, с. XVI, XXI–XXII; 95, с. 304–328].

В сложившихся обстоятельствах местом проведения очередного VII Археологического съезда был выбран Ярославль. Географическая близость к Москве и наличие в городе Демидовского юридического лица, имевшего статус высшего учебного заведения, готового оказать содействие организации научной конференции, оказались факторами, определившими решение Предварительного комитета [58, с. 57; 60, с. 132; 91, с. 40–46; 227, с. 261–273].

По мнению А. С. Смирнова, предпочтение Ярославля и отказ от идеи проведения съезда в Харькове был обусловлен не организационными, а политико-идеологическими причинами. Прежде всего стремлением организаторов АС избежать острых дискуссий по национальному (украинскому) вопросу, возможных на съездах в городах южных губерний империи, а также желанием подчеркнуть внимание МАО к русофильским взглядам Александра III в сфере культуры и просвещения [228, с. 348–349].

На стадии подготовки VII Археологического съезда были сформулированы «Запросы, на которые желательно получить разъяснения на съезде». В список вошли вопросы, непосредственно относящиеся к решению проблем сохранения историко-культурного наследия. Так, предполагалось обсудить проекты «руководства для русской археологии» и библиографического указателя «археологических» статей. Кроме того, на предстоящем съезде планировалось рассмотреть вопрос о разработке «положения» о провинциальных музеях [229, с. 17]. Нужно отметить, что

в дни работы VII Археологического съезда состоялось широкое обсуждение только последней темы [230, с. 107].

Съезд прошел с 6 по 20 августа 1887 г. На него прибыли 240 участников из 46 населенных пунктов Российской империи, а также Австро-Венгрии (Вена) и Германии (Кенигсберг). Отечественные научные силы представляли исследователи из Ярославля – 59 человек (24,6 % от общего числа участников), Санкт-Петербурга – 58 (24 %), Москвы – 31 (13 %), Казани – 8 (3 %), Ростова Великого – 5 (2 %), из Киева, Нижнего Новгорода и Одессы – по 4 (по 1,7 %), из других частей страны приехали от 1 до 3 делегатов [231, с. 23–28].

В работе съезда официально участвовали 36 учреждений: Императорская Археологическая Комиссия, Главное артиллерийское управление, Московский главный архив Министерства иностранных дел, Вятский губернский статистический комитет, Археографическая комиссия, Академия художеств, 3 музея (Исторический, Румянцевский, Ростовский церковных древностей), 7 университетов (Санкт-Петербургский, Московский, Казанский, Киевский, Харьковский, Варшавский, Дерптский), 3 высших учебных заведения не университетского статуса (Санкт-Петербургский археологический институт, Демидовский юридический лицей, Историко-филологический институт в Нежине), 3 духовные академии (Санкт-Петербургская, Московская, Казанская), 11 научных обществ (Русское и Московское археологические, Одесское общество истории и древностей, Русское географическое, Православное Палестинское, Московское истории и древностей российских, Московское испытателей природы, Московское любителей духовного просвещения, Санкт-Петербургское архитекторов, Археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Церковно-археологическое при Киевской духовной академии), 3 ученые архивные комиссии (Рязанская, Тверская, Тамбовская) [231, с. 20–22].

Председателем съезда был избран И. Е. Забелин. Научная программа VII Археологического съезда предусматривала общие и секционные заседания, распределенные по восьми отделениям: «Древности первобытные» (председатель – П. С. Уварова), «Древности исторические, географические и этнографические» (Л. Н. Майков и В. Ф. Миллер), «Русские памятники художеств»

(Н. В. Покровский), «Русского быта – домашнего и общественно-го» (И. Е. Забелин), «Памятники церковные» (И. Е. Троицкий), «Памятники славяно-русского языка и письма» (А. Ф. Бычков), «Древности классические, славяно-византийские и западноевропейские» (И. В. Цветаев), «Древности восточные» (Н. И. Веселовский) [231, с. 20].

Вопрос о необходимости развития в России спасательных археологических раскопок был поднят в первый день работы VII съезда, на заседании отделения «Первобытные древности». Данную проблему поставил казанский исследователь И. А. Износков (1835–1917, математик, археолог, коллекционер, педагог, товарищ председателя Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете) [89, с. 137–139]. Он сообщил коллегам о многочисленных фактах разрушения курганов и городищ весенними разливами рек Суры и Меши в Казанской губернии. Особенное беспокойство докладчика вызвала судьба кургана и городища возле с. Рождествина, практически полностью уничтоженного половодьями. И. А. Износков обратил внимание участников заседания «на необходимость позаботиться о сохранении таких почти безследно исчезающих памятников древности» [232, с. 43].

Обсуждение проблем сохранения объектов культурного наследия в Казанской губернии продолжилось на заседании отделения «Древности восточные» 16 августа 1887 г. И. А. Износков рассказал о деятельности Общества археологии, истории и этнографии по организации охраны древностей Болгарского городища. Его доклад был дополнен сообщением Н. А. Толмачева (1823–1901, врач, профессор Казанского университета коллекционер, археолог, этнограф, антрополог) об эпиграфических памятниках Болгара, в том числе вопросам их документирования. Доклады сопровождала оживленная дискуссия, участники которой отметили, что основными факторами, способствующими разрушению архитектурно-археологических комплексов Болгарского городища, являются действия местных жителей (в том числе кладоискательство) и природные процессы. Практически все выступавшие высказались за необходимость организации эффективной охраны памятника [89, с. 242; 233, с. 82–84]. Предложения

Н. А. Толмачева были рассмотрены 19 августа 1887 г. Советом съезда [234, с. 101].

На заседании 16 августа 1887 г. А. В. Селиванов (1851–1915, зоолог, археолог, один из основателей Рязанской ученой архивной комиссии) доложил об организации исследований и охраны мавзолеев (текие) Шах-Али хана (XVI в.) и Афган-Мухаммед султана (XVII в.) в г. Касимове. Он подчеркнул, что государственная субсидия (1803 руб.) на проведение реставрации этих памятников была получена благодаря активным действиям местного мусульманского духовенства и членов Рязанской губернской архивной комиссии. Н. И. Веселовский, комментируя выступление, отметил необходимость «сохранять для потомства немногие оставшиеся у него татарские памятники, как например Касимовские» [234, с. 81–82; 235].

Важные вопросы организации сохранения памятников старины были подняты на заключительном заседании VII Археологического съезда 19 августа 1887 г. А. В. Селиванов информировал участников съезда о необходимости принять меры для исправления опечатки в тексте указа от 18 февраля 1841 г. (№ 14280), опубликованного в Полном собрании законов Российской империи [230, с. 102]. Указ «О находимых в земле казенными крестьянами древних монетах» регламентировал порядок передачи государству культурных ценностей, найденных на казенных землях. Согласно § 9, монеты XIII в. и более поздней чеканки не попадали под действие данного нормативного акта [236, с. 124–125]. Докладчик указал на явную ошибку издателей и сообщил о попытке Рязанской ученой архивной комиссии и Санкт-Петербургского археологического института добиться в 1884 г. внесения необходимого исправления в кодификационном отделе Государственного Совета. Участники заседания приняли решение направить от имени съезда ходатайство в Министерство народного просвещения об ускорении решения данной проблемы [230, с. 102].

Большое значение для развития системы охраны культурного наследия и музейного дела имело выступление П. С. Уваровой «К вопросу о провинциальных музеях» [58, с. 122–126; 79, с. 75–78; 230, с. 107; 237, т. 2, с. 259–328]. В опубликованной версии доклада изложены типология (11 категорий) и краткие характеристики

80 провинциальных музеев России, а также обозначены основные проблемы организации музейного дела в стране [237, с. 259–281]. Основным предметом обсуждения участников заседания стал «Проект положения для губернских и областных музеев», в котором нашли отражение представления П. С. Уваровой об организации сохранения культурных ценностей [237, с. 282–284].

Прежде всего П. С. Уварова предложила решить правовой статус провинциальных музеев путем передачи их в собственность города, губернии или области. Таким образом, эти учреждения попадали в сферу государственного патронажа (§ 1). Проект исключал возможность отчуждения коллекций, включая их продажу или передачу другому ведомству (§ 4). Государство могло оказывать финансовую помощь музеям, успешно действовавшим более трех лет (§ 16). Местные власти должны были принимать меры против кладоискательства и разрушения памятников старины по обращениям музейных работников (§ 14) [Там же].

Другой аспект существования местных музеев, рассмотренный П. С. Уваровой, заключался в обеспечении контроля за научной и фондовой работой музеев со стороны археологических обществ. По ее мнению, эти организации должны осуществлять периодические проверки музейных коллекций, содействовать публикации каталогов собраний (§ 9). Представители археологических обществ должны входить в состав «Совета музея» – коллективного управляющего органа (§ 10). Охранная деятельность самих музеев должна заключаться в составлении региональных археологических карт (§ 12) и контроле раскопок частных лиц (включая выдачу разрешений и получение отчетов, § 13). П. С. Уварова предложила дать местным музеям право передавать ценные находки в центральные музейные собрания (§ 15) [Там же].

Замечания, в том числе критические, прозвучали в ответном выступлении И. Ф. Лихачева (1826–1907, вице-адмирал, коллекционер) [89, с. 36–37, 205–211]. Так, он признал важность и актуальность проблемы организации деятельности провинциальных музеев. Однако И. Ф. Лихачев отметил, что решение вопроса о правовом статусе музейных собраний путем передачи их в общественную собственность не такое простое и однозначное дело, как полагает П. С. Уварова. По его мнению, различная, в том числе ведомствен-

ная, принадлежность музеев более эффективна [238, с. 329]. Также он обратил внимание на необходимость регламентации таких вопросов, как организация пожарно-технической безопасности музейных помещений, финансовое обеспечение функционирования музеев (содержание, ремонт, освещение и отопление), интегрирования частных коллекций в общественные собрания памятников старины и искусства [238, с. 329–330, 332, 336].

Большой интерес для изучения развития системы охраны памятников в России представляет предложенный И. Ф. Лихачевым проект создания специализированного «Общества охраны национальных памятников» [239, с. 337–356]. Прежде всего докладчик охарактеризовал значимость памятников истории и культуры для просвещения, патриотического и нравственного воспитания населения. Он указал на необходимость срочно «оградить археологические памятники и произведения национального искусства от расхищения и уничтожения» вне зависимости от форм собственности [Там же, с. 337–340]. При этом И. Ф. Лихачев подчеркнул, что считает не целесообразным создание специальной государственной службы охраны древностей. По его мнению, такая структура потребует существенных бюджетных расходов, но эффективность ее деятельности будет низкой из-за наличия большого числа памятников, рассредоточенных на огромных пространствах Российской империи. Кроме того, И. Ф. Лихачев высказал опасения, что подобное ведомство погрязнет в бюрократической волоките, а его сотрудники будут извлекать личную выгоду в большей степени, чем заботиться о сохранении историко-культурного достояния страны. Таким образом, роль правительства должна состоять в содействии созданию и поддержке общественной организации, занимающейся решением проблем охраны памятников старины и искусства [Там же, с. 340–341].

«Общество охраны национальных памятников» должно объединить тех, «кому дороги памятники нашей истории и народного духа» [Там же, с. 341]. Целью существования организации должна стать практическая охрана древностей, в отличие от историко-археологических обществ, ориентированных на изучение свидетельств прошлого [Там же, с. 343].

Деятельность «Общества...», по мнению И. Ф. Лихачева, должна быть организована по четырем основным направлениям: 1) выявление и учет объектов историко-культурного наследия (составление «инвентаря археологического и эстетического имущества страны»); 2) создание региональных карт архитектурно-археологических памятников; 3) содействие правительству в разработке нормативно-правового обеспечения охраны недвижимых и движимых объектов старины и искусства (регламентация вывоза культурных ценностей и деятельности провинциальных музеев, ограничение и контроль прав частных владельцев, мониторинг археологических раскопок); 4) организация просветительской работы, популяризация и актуализация культурного наследия [Там же, с. 344–347].

И. Ф. Лихачев обрисовал организационные принципы деятельности «Общества охраны национальных памятников». При этом он указал на опыт других общественных организаций и научных обществ. Так, он полагал, что в состав общества будут входить покровители (члены царствующего дома), почетные и действительные члены, а также сотрудники. Для организации взаимодействия с существующими археологическими обществами он предложил включать их членов в региональные отделения будущей организации автоматически. Финансовые средства «Общества...» должны были формироваться из пожертвований (в частности почетных членов) и взносов действительных членов. Для обеспечения широкого участия общественности в деятельности организации И. Ф. Лихачев считал нужным ограничить годовой взнос 10 руб. [Там же, с. 341–343].

Таким образом, структура и финансирование «Общества охраны национальных памятников» соответствовали действующей модели функционирования научно-археологических, сложившейся еще в первой половине XIX в. [73, с. 145–147; 240].

Нужно отметить, что после окончания работы VII съезда Московское археологическое общество издало доклад П. С. Уваровой отдельным изданием, что вызвало активную переписку председателя МАО с заинтересованными лицами [58, с. 122–125]. Однако на законодательном уровне статус провинциальных музеев, их права и принципы организации так и не были регламентиро-

ваны в Российской империи. Идея привлечения государственных средств для обеспечения функционирования местных музеев может быть оценена как утопическая. Так, губернские ученые архивные комиссии до 1909 г. не получали финансирования из казны. Более того, если на стадии разработки и обсуждения соответствующего законопроекта речь шла о выделении 1500–2000 руб. в год каждой комиссии, закон 1909 г. предусматривал предоставлении только 200 руб. Стабильное финансирование этих организаций обеспечивалось местными властями [241, с. 193, 195–196].

Не многим лучше обстояло дело с учреждением «Общества охраны национальных памятников». Первая подобная организация была создана в 1907 г. в Варшаве («Общество сохранения древностей») [70, с. 54]. Всероссийское «Общество защиты памятников искусства и старины» начало функционировать в Санкт-Петербурге в 1909 г. [242, с. 203–204; 243, с. 259–260].

Неудачной оказалась попытка создания в Ярославле «Общества любителей археологии и этнографии», возможность учреждения которого рассматривалась на VII Археологическом съезде. Вместо него в 1889 г. начала функционировать Ярославская губернская ученая архивная комиссия [91, с. 46].

На заседании Совета VII Археологического съезда 19 августа 1887 г. по инициативе П. С. Уваровой было принято единогласное решение о проведении VIII Археологического съезда в январе 1889 г. в Москве в ознаменование 25-летия Московского археологического общества [234, с. 101].

VIII Археологический съезд состоялся 9–25 января 1889 г. в Москве. В его работе приняли участие 381 человек. Они прибыли из 51 населенного пункта Российской империи и шести зарубежных научных центров. Вполне естественно (учитывая повод и место проведения АС), что наибольшее число участников представляли Москву – 193 (49,4 %). Из других городов съезд посетили ученые из Санкт-Петербурга – 47 человек (12 %), Одессы – 11 (2,8 %), Киева – 9 (2,3 %), Варшавы – 8 (2 %), Ярославля и Нижнего Новгорода – по 7 (1,8 %), Симферополя – 6 (1,5 %), Харькова – 5 (1,3 %). Делегации из других мест включали от 1 до 4 участников. Иностранные археологи – 12 человек (3 %) – приехали из Франции (7 человек), Германии (3), Австро-Венгрии (2) [244, с. 23–26].

На VIII Археологический съезд прибыли представители 7 российских учреждений (Академии наук, Главного штаба, Главного артиллерийского управления, Синодального архива, Московской городской думы, Московского главного архива Министерства иностранных дел, Московского архива Министерства юстиции, Финляндской археологической комиссии), 9 университетов (Санкт-Петербургского, Московского, Александровского, Дерптского, Варшавского, Новороссийского, Казанского, св. Владимира, Харьковского), 3 духовных академий (Санкт-Петербургской, Московской, Киевской), 3 высших учебных заведений (Археологического института в Санкт-Петербурге, Лазаревского института восточных языков в Москве, Демидовского юридического лицея в Ярославле), 1 гимназии (Симферопольской), 17 научных обществ (Русского, Московского и Финляндского археологических, Одесского общества истории и древностей, Истории и древностей российских, Историко-филологических при Новороссийском и Харьковском университетах, Любителей древней письменности в Санкт-Петербурге, Любителей естествознания, антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге, Московского нумизматического, Московского испытателей природы, Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, Петровского исследователей Астраханского края, Уральского любителей естествознания, Санкт-Петербургского и Московского архитекторов, Феллинского литературного), 5 церковных обществ (Православного Палестинского, Московского любителей духовного просвещения, Церковно-археологического при Киевской духовной академии, Ярославской архиерейской ризницы, Владимирского Александро-Невского братства), 7 губернских статистических комитетов (Витебского, Владимирского, Воронежского, Казанского, Новгородского, Пензенского, Тверского), 7 ученых архивных комиссий (Костромской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Саратовской, Таврической, Тверской) 3 музеев (Исторического, Ростовского церковных древностей, Тверского) [Там же, с. 23–36].

Председателем съезда был избран А. Ф. Бычков. Доклады читывались на общих собраниях и заседаниях девяти отделений: «Древности первобытные» (председатель Д. Н. Анучин); «Древности историко-географические и этнографические» (В. Б. Антонович); «Памятники искусства и художеств» (И. Е. Забелин); «Русско-

го быта, домашнего, юридического и общественного» (И. А. Линниченко); «Памятники церковные» (Н. Ф. Красносельцев); «Славяно-русского языка и письма» (С. О. Долгов); «Древности классические, славяно-византийские и западноевропейские» (Ф. И. Успенский); «Древности восточные» (Ф. Е. Корш); «Памятники археографические» (Ф. А. Бюлер) [Там же, с. 22].

Как и на предшествующих съездах, вопросы сохранения памятников истории и культуры были подняты на подготовительной стадии. Так, предварительная программа VIII Археологического съезда предполагала обсуждение проблем составления археологических карт, мер «к сохранению и приведению в известность памятников как языческой, так и христианской древности», «определение метода и приемов в исследовании памятников» [245, с. 9]. Инициатором обсуждения этих вопросов был член МАО Е. Р. Романов (1855–1922, археолог, этнограф) [246, с. 145–148].

Предварительный комитет VIII Археологического съезда активно собирал коллекцию предметов церковной старины для выставки, сопровождавшей работу съезда. Также были продолжены работы по составлению археологических карт отдельных регионов России и Археологического словаря [247, с. 38–45]. МАО разработало анкету и перечень условных обозначений для картографирования археологических памятников, которую распространило среди провинциальных любителей древностей, членов статистических комитетов, духовенства и др. Это позволило получить 18 локальных карт памятников археологии [Там же, с. 43–44].

На заседаниях VIII Археологического съезда особое внимание было уделено вопросам охраны памятников церковной старины и архивных материалов [57, с. 91–92].

На открытии съезда П. С. Уварова, отчитываясь о деятельности Предварительного комитета, указала на основные проблемы сохранения культурных ценностей, находящихся в церквях и монастырях. Руководитель Московского археологического общества сочла нужным отметить, что: 1) бесконтрольное перемещение вещей из одного хранилища в другое часто приводит к утрате ценных предметов; 2) многие служители церкви пренебрежительно относятся к старинным артефактам, не понимая их значения для науки; 3) отсутствие системы учета ценностей способст-

вует нелегальной продаже вещей коллекционерам; 4) существующее законодательство не предусматривает эффективных мер сбережения недвижимых памятников, находящихся во владении церкви. Кроме того, П. С. Уварова критически оценила действия руководства Святейшего Синода, который, по ее мнению, не только не способствовал созданию эффективной системы охраны церковных древностей, но регулярно оказывал противодействие Московскому археологическому обществу в его деятельности по сохранению культовых памятников [248, с. 40–41].

Предложения по изменению существующих условий, неблагоприятных для обеспечения сохранности церковных древностей, прозвучали на пленарном заседании 15 января 1890 г. в докладе В. Т. Георгиевского (1861–1923), исследователь древнерусского искусства, архивист, музейный работник) [249, с. 63–54; 250, с. 81–84; 251, с. 654–655].

Докладчик, как и П. С. Уварова, отметил остроту проблемы сохранения культурных ценностей в церковных учреждениях. Он указал, что необходимым условием для создания эффективной системы охраны памятников старины является «возбуждение в обществе интереса к древностям посредством широкого распространения в нем археологических знаний». По его мнению, просветительская работа в этой сфере могла быть связана с введением курса церковной археологии в программы духовных семинарий и созданием при них церковно-археологических музеев [249, с. 63–65].

Выступление В. Т. Георгиевского вызвало возражение А. А. Титова (1844–1911, археолог-любитель, палеограф и этнограф) [252]. Оппонент усомнился в эффективности просветительской работы среди духовенства и крайне скептически оценил перспективы деятельности епархиальных музеев. По его мнению, обеспечить сохранение культурных ценностей в провинции могли только муниципальные музеи [250, с. 82].

В отличие от А. А. Титова, предложения В. Т. Георгиевского поддержал Д. М. Струков. Он отметил, что священники действительно часто не представляют научного значения древностей, а отсутствие минимальных знаний не позволяет им составлять описи исторических предметов. Д. М. Струков предложил поставить продажу вещей из церковных хранилищ под контроль спе-

циальных комитетов, состоящих их образованных прихожан. Также он высказал идею о лицензировании деятельности старьевщиков, занимающихся скупкой церковных предметов со стороны научно-археологических обществ [250, с. 83].

Участники VIII Археологического съезда уделили внимание вопросам сохранения памятников церковной архитектуры. А. А. Титов рассказал об успешном опыте реставрации храма св. Иоанна Богослова в Ростове, осуществленной на частные пожертвования [253, с. 72–74; 254, с. 337–341]. Д. М. Струков сообщил о реставрации фресковой живописи в одном из средневековых храмов на Северном Кавказе, деятельность которого была возобновлена в 1887 г. [255, с. 142–143].

На заседаниях VIII Археологического съезда были приведены примеры уничтожения археологических памятников. В частности, В. Н. Поливанов (1848–1915, археолог, историк) сообщил о систематическом разграблении остатков средневекового (татарского?) могильника у с. Муранок, недалеко от г. Сызрани. Участок с захоронениями находился на землях Министерства уделов и был отдан под хозяйственное освоение. В течение 10 лет могильник бесконтрольно разорялся крестьянами, продававшими изделия из серебра скупщикам и коллекционерам [40, с. 217–219; 256, с. 37–40; 257, с. 57–58].

При подведении итогов работы VIII Археологического съезда, из круга проблем, связанных с охраной памятников старины, совет съезда выделил вопрос об организации преподавания археологии в духовных семинариях. Организаторы форума предложили В. Т. Георгиевскому разработать и представить на рассмотрение Московского археологического общества проекты программы курса и положения об устройстве епархиальных музеев [258, с. 197].

Организация IX Археологического съезда имела специфику, обусловленную двумя обстоятельствами. Во-первых, выбор места проведения очередного АС, а также следующего, X (Рига, 1896), был обусловлен прямым указанием Александра III. Во-вторых, съезд ознаменовал перенос внимания МАО на западные районы империи [43, с. 166–174; 58, с. 57; 259]. Вмешательство императора в деятельность археологических съездов неоднократно подчеркивала П. С. Уварова. Так, на волю самодержца председатель МАО сосла-

лась на самом IX Археологическом съезде [260, с. 119–120]. Много позже она отразила этот факт в своих мемуарах [60, с. 119–120].

По мнению А. С. Смирнова, к 1890-м гг. представители высшей власти оценили роль археологии в системе государственной пропаганды и значение археологических съездов как одной из форм распространения имперской идеологии [259, с. 69]. Эти обстоятельства вызвали ряд проблем, которые пришлось решать организаторам IX Археологического съезда [261, с. 1–2].

Несмотря на особую идеологическую ориентированность IX Археологического съезда, проблемы охраны памятников старины были подняты на этапе подготовки форума. Несколько вопросов, включенных в список перспективных для обсуждения, имели прямое отношение к сфере сохранения историко-культурного наследия. Так, Уральское общество любителей естествознания из г. Екатеринбурга (УОЛЕ) предложило рассмотреть меры «к охранению памятников древности от разрушения и расхищения», а также о привлечении местных исследователей к охранный деятельности [262, с. 13; 263]. В. В. Суслов обратил внимание на необходимость составления карты памятников древнерусской архитектуры [262, с. 17; 264].

Российские ученые предложили обсудить ряд вопросов организации охраны конкретных памятников. Н. И. Петров высказал мысль о возможности восстановления первоначального облика нескольких икон, подвергшихся поновлению, из храмов западных губерний России [262, с. 17; 265, с. 262–265]. А. А. Куник (1814–1899, историк) указал на необходимость обеспечить сохранение Троцкого (Троцкого) замка XIV в. [262, с. 13]. П. А. Гильдебрандт предложил разработать проект справочника «для археологов, археографов, этнографов, антропологов и языковедов» [Там же].

Нужно отметить, что до начала работы съезда были проведены работы по картографированию памятников Виленской губернии [246, с. 133–134; 266]. Карта, составленная Ф. В. Покровским (1855–1903), была основана на исследованиях автора, архивных данных, опубликованных работах по археологии региона, а также на материалах, полученных составителем от «местной деревенской интеллигенции» [266, с. VII].

Заседания IX Археологического съезда прошли в Вильно с 1 по 14 августа 1893 г. В его работе приняли участие 395 человек. Деле-

гаты съезда представляли 3 центральных учреждения (Академия наук, Академия художеств, Императорская Археологическая Комиссия); 7 университетов (Санкт-Петербургский, Московский, Варшавский, Казанский, Новороссийский, Юрьевский, св. Владимира); 3 духовные академии (Санкт-Петербургская, Московская, Киевская); 2 института (Санкт-Петербургский археологический, Историко-филологический в Нежине); 2 московских архива (Главный Министерства иностранных дел и Министерства юстиции); 10 научных обществ (Московское и Русское археологические, Одесское общество истории и древностей, Московское истории и древностей российских, Московское нумизматическое, любителей древней письменности, Историческое Нестора-летописца в Киеве, Историко-филологическое при Новороссийском университете, Московское испытателей природы, любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете), 3 церковные общества (любителей духовного просвещения, Церковно-археологическое при Киевской духовной академии, Православного Свято-Владимирского братства в г. Владимире-Волынском); 12 губернских статистических комитетов (Витебский, Владимирский, Волынский, Воронежский, Гродненский, Донской, Калужский, Ковенский, Минский, Могилевский, Новгородский, Смоленский); 9 губернских ученых архивных комиссий (Калужская, Нижегородская, Орловская, Пермская, Рязанская, Саратовская, Таврическая, Тамбовская, Тверская); 5 музеев (Императорский исторический, Московский публичный, Румянцевский, Ростовский церковных древностей, Тульского епархиального древлехранилища); 2 гимназии (Рижская Александровская и Симферопольская); 3 зарубежные организации (Общество антиквариев Франции, Археологическое общества в Шаранте и Французская ассоциации развития наук) [267, с. 6–18].

Председателем съезда была избрана П. С. Уварова. Секционные доклады были разделены по десяти отделениям: «Древности первобытные» (председатель – В. Б. Антонович); «Древности исторические, географические и этнографические» (А. И. Павинский); «Памятники искусства» (Н. В. Покровский); «Памятники быта юридического и общественного» (Н. И. Веселовский); «Древности церковные» (Н. И. Петров), «Памятники языка и письма» (А. И. Кирпичников); «Древности классические и византий-

ские» (Ф. И. Успенский); «Древности литовские и славянские» (Т. Д. Флоринский); «Древности восточные» (Т. Д. Флоринский); «Памятники археографические» (В. Н. Сторожев) [268, с. 5].

Проблемы сохранения историко-культурного наследия были затронуты при обсуждении вопросов об устройстве археолого-этнографических музеев, реставрации средневековой фресковой живописи и предотвращении грабительских раскопок памятников Северного Причерноморья.

Профессор Московской духовной академии, доктор богословия А. Д. Беляев (1849–1919) представил доклад о принципах устройства экспозиций и архитектурных решениях зданий музеев археолого-этнографического профиля. При этом он обратил внимание на необходимость сохранения целостности коллекций. По его мнению, крайне нежелательной является практика разделения археологических находок из одного комплекса между различными отделами внутри музея, разными хранилищами и тем более между учреждениями разных стран. В качестве примера он привел факт рассредоточения египетских древностей среди большого числа европейских собраний [269, с. 82–83; 270, с. 584–588].

Некоторые аспекты методов реставрации средневековых фресок были рассмотрены в сообщениях В. В. Сулова и Н. В. Покровского (1848–1917, археолог, профессор Санкт-Петербургской духовной академии) на примере работ в Спасо-Преображенском соборе Мирожского монастыря (XII в.) в Пскове [271, с. 41–45; 272].

Бедственное положение городища Ольвия, подвергавшегося систематическому разграблению, было показано в докладе Э. Р. фон Штерна (1859–1924) 12 августа 1893 г. [273, с. 96; 274]. Активное обсуждение этой проблемы продолжилось 13 августа 1893 г. в связи с выступлением Ю. А. Кулаковского (1855–1919) о результатах изучения античных памятников Керчи [39, с. 205–206]. Докладчик отметил успехи Императорской Археологической Комиссии по сохранению керченских древностей. В это же время он указал, что территория Ольвии, находящаяся в частной собственности, эксплуатируется местными жителями для получения артефактов, которые сбываются коллекционерам и торговцам антиквариатом [275, с. 111–112].

В ходе состоявшейся дискуссии эти наблюдения были подтверждены Ф. И. Успенским (1845–1928), который изложил личные впечатления от посещения городища и указал на значительный масштаб торговли ольвийскими находками на антикварном рынке Одессы [47, с. 72–86; 275, с. 111–112].

Ю. А. Кулаковский и Ф. И. Успенский подчеркнули тот факт, что расхищение материалов памятника не только создает условия для утраты ценных вещей, но и лишает науку важных источников. От имени археологического съезда П. С. Уварова предложила обратиться к владелице имения, на территории которого находится городища, с просьбой предоставить возможность Одесскому обществу истории и древностей провести научные раскопки древнего города [275, с. 111–112]. По решению Совета съезда переписка с собственницей была поручена председателю Московского археологического общества [276, с. 125].

На заседании Совета съезда 11 августа 1893 г. было рассмотрено ходатайство УОЛЕ о мерах по сохранению памятников старины и расширении полномочий представителей научных обществ в деле противодействия уничтожению и разграблению объектов историко-культурного наследия. К сожалению, представители УОЛЕ на съезде отсутствовали. Участники заседания решили запросить пояснений по этому вопросу от Уральского общества любителей естествознания, а также поручить Предварительному комитету будущего X съезда подготовить информацию для обсуждения [260, с. 120]. Более точно задачу Предварительного комитета сформулировала П. С. Уварова при подведении итогов работы IX археологического съезда 14 августа 1893 г.: «Выработать правила о сохранении древних памятников на Руси и права их обследования, более удовлетворяющие требованиям науки, чем те, которые находятся в употреблении» [260, с. 125].

X съезд в Риге, так же, как IX Археологический съезд в Вильно (1893), был организован в Прибалтийском крае по указанию Александра III. Город проведения очередного форума П. С. Уварова назвала на заключительном заседании IX Археологического съезда [276, с. 124].

Непосредственная подготовка съезда началась после формирования и первых заседаний предварительного комитета 5–7 января

1894 г. в Москве. По традиции в его состав вошли представители МАО, других научных обществ и высших учебных заведений, в том числе прибалтийских. Отделения предварительного комитета были организованы в Риге, Ревеле, Дерпте и Митаве [277, с. 1–5; 278, с. 5–8]. «Правила съезда» были утверждены министром народного просвещения И. Д. Деляновым 14 июня 1894 г. [279, с. 18–19].

На стадии подготовки съезда Предварительный комитет рассмотрел некоторые проблемы, связанные с сохранением памятников старины Прибалтики. На заседании 23 марта 1895 г. в Митаве было принято решение обратиться через священников и газеты к крестьянам с просьбой «доставить к съезду имеющиеся у них находки и древности» [280, с. 86].

На этом же заседании Я. И. Лудмер (журналист, историк) сообщил о бедственном состоянии исторического архива курляндских герцогов. П. С. Уварова, воспользовавшись случаем, немедленно обратилась к присутствовавшему губернатору с просьбой о «возможности допустить курляндское рыцарство в вышеозначенный архив для разбора дел, составления каталога и открытия доступа в него ученых» [Там же, с. 88].

Первое предложение больших последствий не имело, сельские жители не спешили расставаться со старинными вещами. Существенные результаты были достигнуты Я. И. Лудмером и К. А. Военским (1860–1928, историк), сделавшими общий обзор и аннотированный каталог материалов герцогского архива в Митаве [281, с. 77–81; 282, с. 224–283].

Десятый съезд в Риге прошел с 1 по 15 августа 1896 г. После завершения заседаний, 16–21 августа, состоялась экскурсия по Восточной Пруссии. Почетным председателем X Археологического съезда был объявлен великий князь Сергей Александрович (1857–1905). На съезде он не присутствовал. Функции председателя X Археологического съезда выполняла П. С. Уварова. Председателем ученого комитета, курировавшего научную программу, стал Ф. И. Успенский, в то время директор созданного в 1894 г. Русского археологического института в Константинополе [47].

Доклады участников съезда были распределены по 11 отделениям: «Древности первобытные» (председатель – Д. Н. Анучин), «Древности историко-географические и этнографические»

(Е. Н. фон Нотбек), «Памятники искусств и художеств» (А. И. Кирпичников), «Быта домашнего, юридического, общественного и военного» (Д. А. Корсаков), «Древности церковные» (Н. В. Покровский), «Памятники языка и письма» (А. А. Кочубинский), «Древности классические, византийские и западноевропейские» (А. И. Кирпичников), «Древности прибалтийские» (И. А. Энгельман), «Древности восточные» (А. А. Цигарелли), «Нумизматики и сфрагистики» (Г. А. Бруйнинг), «Памятники археографические» (Д. И. Багалея) [283, с. 6].

А. С. Смирнов, признавая большой успех научной программы и высокий организационный уровень X Археологического съезда по сравнению с предшествующим съездом, обратил внимание на политическую подоплеку форума, обусловленную особенностями культурной политики российского правительства в Прибалтике [43, с. 174–175]. Можно отметить, что из 10 председателей отделений только 3 представляли местные научные организации – Е. Н. фон Нотбек (Эстляндское литературное общество в Ревеле), И. А. Энгельман (Юрьевский университет) и Г. А. Бруйнинг (Общество истории и древностей Прибалтийских губерний). Остальные ученые были делегированы на съезд высшими учебными заведениями (Московским, Новороссийским, Харьковским, Казанским университетами, Санкт-Петербургской духовной академией) и научными обществами (Русское археологическое, Одесское истории и древностей) преимущественно из центральной и южной России.

В Ригу прибыли 619 человек (согласно опубликованному списку) из 78 населенных пунктов Российской Империи и 12 зарубежных научных центров, что позволяет рассматривать рижский съезд как один из наиболее представительных [283, с. 10–15].

Региональная направленность съезда определила значительное участие ученых из северо-западной России. Нужно отметить, что Протоколы X Археологического съезда не дают возможность достоверно установить место проживания 116 участников (18,7 %). Таким образом, приводимые цифры отражают в большей степени тенденции, чем точную структуру представительства. Так, Ригу представляли 245 человек (39,6 % от общего количества), Юрьев – 20 (3,2 %), Митаву – 12 (1,9 %), Ревель – 8 (1,3 %). Большие группы исследова-

телей прибыли из Москвы – 34 человека (5,5 %), Санкт-Петербурга – 4,7 %, Киева и Одессы – по 13 (по 2,1 %), Харькова и Варшавы – по 7 (по 1,1 %). Впервые после IV съезда (Казань, 1877) заметным на общем фоне было представительство научных сил Поволжья и Урала. Из Казани, Нижнего Новгорода, Саратова, Симбирска, Перми, Уфы приехали 13 человек (2,1 %). Кроме того, на X Археологическом съезде присутствовали два делегата из Сибири (Томск, Минусинск) [Там же, с. 10–25].

Зарубежную науку представляли 16 человек (2,6 %). Большая часть иностранцев были учеными из Германии (10 человек), среди которых были такие известные личности, как Р. Вирхов (1821–1902), Г. Конвенц (1855–1922), Г. Коссина (1858–1931). Кроме того, на съезде присутствовали исследователи из Австро-Венгрии, Бельгии, Франции, США (по 1 человеку) и Англии (2) [Там же].

Некоторые из зарубежных гостей уже принимали участие в работе российских съездов. В частности, антрополог и археолог Р. Вирхов выступал с докладом на V съезде в Тифлисе (1881) [192, с. XI; 284]. Представитель Общества французских антиквариев барон Ж. де Бай был, можно сказать «завсегдатаем» регулярно посещая Всероссийские археологические съезды, начиная с VIII Археологического съезда в Москве (1897) [244, с. 27]. Присутствие американки З. Ньюталь (Археологическая ассоциация Пенсильванского университета) было нетипичным, так как российские форумы археологов, как правило, привлекали внимание только европейских ученых. Возможно, представительница Нового света была приглашена П. С. Уваровой, которая познакомилась с ней на международном съезде в 1892 г., посвященному 500-летию открытия Америки [60, с. 162, 166].

Научный мир России был представлен депутатами от 7 учреждений (Императорской Археологической Комиссии, Академии художеств, Археографической комиссии, Русского археологического института в Константинополе, Виленского учебного округа, Главного артиллерийского управления, Варшавской казенной палаты); 8 университетов (Санкт-Петербургского, Московского, Варшавского, Дерптского, Казанского, Новороссийского, Харьковского, св. Владимира); 2 духовных академий (Санкт-Петербургской, Киевской); Историко-филологического института кн. Безбородко;

22 научных обществ (Русского, Московского, Финского, Псковского археологических, Одесского истории и древностей, Московского истории и древностей Российских, Истории и древностей Прибалтийских губерний, Любителей древней письменности, Рижского латышского, Ученого эстонского Юрьевского университета, Финно-угорского, Нестора-летописца, Любителей естествознания, Антропологии и этнографии при Московском университете, Археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Московского испытателей природы, Научного изучения о-ва Эзеля, Историко-филологических при Новороссийском и Харьковском университетах, Латышского и Эстляндского литературных, Рижского литературного кружка, Курляндского литературы и искусств); Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии; 5 музеев (Императорского исторического, Рижского церковно-археологического, Ростовского церковных древностей, Смоленского церковно-археологического, Тульского епархиального древлехранилища); 2 архивов (Московского главного министерства иностранных дел, Московского министерства юстиции); 7 ученых архивных комиссий (Калужской, Костромской, Нижегородской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Таврической), 6 губернских статистических комитетов (Владимирского, Воронежского, Гродненского, Ковенского, Курляндского, Лифляндского) [283, с. 7–10].

Несмотря на то, что вопросы сохранения историко-культурного наследия не вошли в официальную программу X Археологического съезда, их обсуждению было уделено существенное внимание, согласно сложившейся к тому времени традиции. Можно выделить три основных направления работы съезда по данной проблеме. Во-первых, рассматривалась деятельность Императорской Археологической Комиссии по осуществлению контроля реставрации архитектурных памятников, а также практики распределения по музеям случайных находок и археологических коллекций. Во-вторых, участники съезда обменивались опытом сохранения и организации использования памятников старины, прежде всего, на примере Прибалтийских губерний. В-третьих, на съезде обсуждалась проблема выявления подделок археологических находок античного времени.

В день открытия съезда П. С. Уварова, отчитываясь о деятельности Предварительного комитета и его отделений, представила общий обзор предшествовавших съездов, оценив их успехи и неудачи. Она отметила, что на фоне солидных достижений остались две острые проблемы, которые безуспешно пытался решить еще А. С. Уваров. Первая из них заключалась в попытках ввести преподавание археологии в российских университетах, а вторая – в упорядочении законодательства об охране памятников старины. По словам председателя Московского археологического общества, решение первого вопроса «остается пока совершенно без движения», а в отношении второго несмотря на то, что «правительство несколько раз старалось выяснить себе этот вопрос, он остается в том же, если еще не в худшем положении» [285, с. 33–34].

В качестве наглядных примеров разрушения исторических памятников – «этих пока никому не нужных, никому не милых, но тем не менее дорогих свидетельств старины русской» – П. С. Уварова привела факты перестройки церкви в Мирожском монастыре под Псковом, уничтожения или варварской реставрации древностей Киево-Печерской лавры [Там же, с. 34].

Вопросы охраны памятников археологии вновь были затронуты в последние дни работы съезда на заседаниях Совета 14 и 15 августа 1896 г. Так, 14 августа Совет съезда принял обращение к Императорской Археологической Комиссии по вопросу о комплектовании фондов провинциальных музеев. Суть проблемы заключалась в том, что наиболее интересные находки, полученные в ходе «официальных» раскопок (т. е. проводившихся с ведома и под контролем ИАК), а также случайно найденные ценные артефакты, передавались в ИАК для размещения в государственных музеях Санкт-Петербурга и Москвы. Совет съезда просил Археологическую Комиссию, «чтобы вещи, добываемые на казенных землях из могильников известной местности, если они не нужны главным музеям Империи: Императорскому Эрмитажу и Императорскому Российскому историческому музею, предоставлялись музеям тех местностей, в которых найдены эти вещи» [286, с. 126]. Кроме того, совет съезда предложил ИАК разъяснить представителям местных административных органов, что случайные находки, сделанные на част-

новладельческих землях, не подлежат отчуждению в пользу государства [Там же].

Еще один запрос в Археологическую Комиссию, сформулированный на заседании Совета съезда 14 августа 1896 г., был вызван крайне неудачными реставрационными работами, произведенными в Софийском соборе Новгорода под руководством В. В. Сулова. В результате «реставрации» были уничтожены или серьезно повреждены фрески XII в. [25, с. 164]. Дело получило широкую огласку, в том числе привлекло внимание Московского археологического общества. В соответствии с указом 1889 г. о статусе и правах ИАК, проведение реставрационных работ на монументальных памятниках старины можно было выполнять только по согласованию с Комиссией [287, с. 95; 288, с. 144]. Таким образом, по мнению Совета съезда, основная ответственность за варварское обращение с фресками собора лежала на этом учреждении.

На заключительном заседании X Археологического съезда 15 августа 1896 г., его участники вновь обратились к проблемам сохранения памятников старины. Е. Э. фон Нотбек представил доклад «О принятии мер для сохранения древних памятников зодчества в Прибалтийском крае», в котором речь шла об опыте охраны архитектурных объектов г. Ревеля. По инициативе докладчика Ревельская городская дума в 1891 г. рассмотрела проект создания исполнительной комиссии для сохранения таких объектов. Однако он не был поддержан губернским присутствием. В 1892 г. дума создала эту комиссию, но в сфере ее деятельности оказались только здания, принадлежавшие городу [289, с. 128–129].

Во время работы съезда были рассмотрены некоторые частные вопросы охраны историко-культурного наследия.

Так, О. Х. Апеельгрэн-Кивало (1853–1937, хранитель Гельсингфорского исторического музея) охарактеризовал электрохимический метод реставрации и консервации металлических артефактов в докладе «О новом способе чистки и сбережения металлических предметов». Желавшие могли получить брошюру с описанием технологии процесса [290, с. 66].

Представитель Одесского общества истории и древностей, профессор Новороссийского университета Э. Р. фон Штерн выступил с докладом о приемах распознавания подделок античных

предметов старины. Докладчик рассмотрел наиболее распространенные способы фальсификации монет, керамических, ювелирных и других изделий, якобы найденных на памятниках Северного Причерноморья [291, с. 50; 292, с. 189–196].

Сообщение вызвало столь большой интерес, что на заключительном заседании съезда 15 августа 1896 г. было озвучено предложение Э. Р. фон Штерну не только опубликовать текст доклада в трудах съезда, но также составить и разослать в печатные издания, в том числе специализированные, циркулярное письмо с информацией о методике выявления поддельных вещей [293, с. 110].

Такое пристальное внимание к этому вопросу было обусловлено ростом количества подделок произведений античного искусства на антикварном рынке. В числе жертв фальсификаторов оказались не только частные коллекционеры, но и музеи Кракова, Франкфурта-на-Майне, Парижа, а также известные европейские ученые. В частности, широкую огласку получил случай приобретения Лувром за 200 000 франков поддельной золотой короны скифского царя Сайтаферна, якобы найденной в окрестностях Ольвии [294, с. 42–43; 295, с. 35–49; 296]. По мнению совета съезда, для пресечения этой преступной деятельности «остается только одно средство..., а именно, придавать подделкам фальсификаторов как можно более широкой гласности и этим предостерегать публику от покупки подделок» [292, с. 189].

Необходимо отметить, что еще до X Археологического съезда члены Одесского общества истории и древностей обращали внимание на проблему распространения поддельных античных памятников. В 1895–1896 гг. на страницах «Записок» ООИД были опубликованы статьи Э. Р. фон Штерна, В. В. Латышева, А. Л. Бертье-Делагарда, в которых рассматривались характерные примеры и способы распознавания фальшивок [297–299]. После съезда Э. Р. фон Штерн в 1897 г. опубликовал заметку о подделках античной керамики в этом же издании [300, с. 37–41].

XI Археологический съезд открыл серию съездов, проведенных в юго-западных областях Российской империи [43, с. 177–182; 58, с. 57–58]. Решение об организации XI форума российских археологов в Киеве было принято на заседании совета X Археологического съезда в Риге (14 августа 1896 г.) [286, с. 127].

Традиционно вопросы организации охраны памятников старины были поставлены на этапе подготовки съезда. В предварительный список докладов были включены сообщения К. В. Корвин-Пиотровского (1854–?) «О мерах к сохранению памятников зодчества в Юго-Западном крае», П. С. Уваровой «О необходимости введения в университетах кафедр археологии», Т. Д. Флоринского (1854–1919, филолог, историк) «О важности составления общей программы собирания и изучения остатков старины у всех славянских народов» [301, с. 16]. Кроме того, на заседания Московского Предварительного комитета XI Археологического съезда в январе 1897 г. были сформулированы «запросы», в том числе Н. В. Покровского и В. В. Суслова о мерах по сохранению и реставрации памятников русского средневекового зодчества [302, с. 6; 303, с. 25–26].

XI Археологический съезд работал с 1 по 20 августа 1899 г. В заседаниях приняли участие 450 человек из более 80 населенных пунктов России и других стран (материалы протоколов не позволяют установить место проживания 76 человек, 16,9 % от числа участников). Самая многочисленная группа представляла научные силы Киева – 130 человек (28,9 % от всех делегатов). Из Санкт-Петербурга прибыли 44 участника (9,8 %), из Москвы – 29 (6,4 %), Варшавы – 12 (2,7 %), Казани и Харькова – по 8 (по 1,8 %), Одессы – 7 (1,6 %), Нежина и Юрьева – по 6 (по 1,3 %), Риги – 5 (1,1 %) [304, с. 37–46].

Участники XI Археологического съезда представляли 76 организаций и учреждений России: 8 университетов (Санкт-Петербургский, Московский, Варшавский, Казанский, Новороссийский, св. Владимира, Харьковский, Юрьевский); 3 института (Археологический в Санкт-Петербурге, Историко-филологический в Нежине, Лазаревский восточных языков); 4 духовные академии (Санкт-Петербургская, Московская, Казанская, Киевская); 1 духовную семинарию (Смоленская); 4 археологических общества (Русское, Московское, Одесское истории и древностей, Псковское); 6 исторических обществ (Истории и древностей Российских, Киевское древностей и искусств, Любителей древней письменности, Любителей истории и древностей Прибалтийских губерний, Несторолетописца, Ученого Эстонского); 5 историко-филологических обществ (при Историко-филологическом институте в Нежине, при Но-

вороссийском университете, при Харьковском университете, Киевского отделения общества классической филологии и педагогики, Рижского латышского); 5 естественно-научных обществ (Русского географического, Русского геологического, Любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Московского испытателей природы, антропологии, истории и этнографии при Казанском университете); 5 церковно-археологических обществ (при Киевской духовной академии, Волынского, Подольского епархиального историко-статистического комитета, Смоленского церковно-археологического комитета, Холмского св. Богородицы братства); 4 музея (Московский публичный и Румянцевский, Московскую оружейную палату, Рижский церковно-археологический); 5 архивов (Общий Министерства императорского двора, Московский главный Министерства иностранных дел, Московский Министерства юстиции, Св. Синода, Киевский центрального); 7 учреждений разных типов (Археографическая комиссия, Киевская археографическая комиссия, Управление Варшавского генерал-губернатора, Варшавская казенная палата, Главное артиллерийское управление, Киевское городское общественное управление, Рижский учебный округ); 6 губернских статистических комитетов (Витебский, Волынский, Воронежский, Ковенский, Лифляндский, Смоленский); 12 ученых губернских комиссий (Бессарабская, Владимирская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Орловская, Рязанская, Симбирская, Таврическая, Тамбовская, Черниговская, Ярославская). Российские зарубежные организации были представлены Русским археологическим институтом в Константинополе [Там же, с. 34–36].

Иностранные ученые прибыли из 7 стран: Австрии (25 человек – 5,6 % от общего числа участников), Болгарии (5 – 1,1 %), Германии (6 – 1 %), Румынии (2 – 0,4 %), по 1 из Сербии и США (по 0,2 %), Франции (3 – 0,7 %). Они представляли 8 организаций и учреждений: Чешскую академию наук и Пражский университет, Краковскую академию, Общество любителей чешских древностей, Общество антиквариев Франции, Высшую школу в Софии, общество «Пруссия» [Там же].

Почетным председателем съезда вновь стал великий князь Сергей Александрович, а председателем – П. С. Уварова. Доклады были

распределены по 11 секциям: «Древности первобытные» (председатель – Д. Н. Анучин), «Древности историко-географические и этнографические» (Д. И. Багалей), «Памятники искусств и художеств» (А. И. Кирпичников и А. А. Павловский), «Быт домашний, юридический, общественный и военный» (Ф. Я. Фортинский), «Древности церковные» (Н. В. Покровский), «Памятники языка и письма», «Древности византийские, классические и западноевропейские» (Ю. А. Кулаковский), «Древности южных и западных славян» (В. И. Ламанский), «Древности восточные» (В. В. Вельяминов-Зернов), «Памятники археографические» (П. В. Голубовский) [Там же, с. 32–33].

Проблемы сохранения объектов историко-культурного наследия были затронуты в день открытия съезда 1 августа 1899 г. в отчете П. С. Уваровой о деятельности Предварительного комитета XI Археологического съезда. Председатель съезда сообщила о результатах запросов и ходатайств X Археологического съезда в Риге по вопросам охраны памятников старины. Так, Императорская Археологическая Комиссия представила свое видение ситуации по вопросу распределения археологических находок между центральными и провинциальными музеями. ИАК сообщила (31 января 1897 г.), что «Не только вещи, добываемые при раскопке могильников на казенных и общественных землях, но и случайные археологические находки, делаемые на этих землях, по выделении из них тех предметов, которые должны поступить в государственные музеи, передаются по возможности, в музеи тех губерний, в которых вещи найдены» [305, с. 50–51]. По мнению Комиссии, одна из главных проблем сохранения целостности археологических коллекций заключается в сложном положении местных хранилищ древностей: «Так как существование большинства губернских и городских музеев вообще мало обеспечено, доступность их, способы хранения и самая целостность могущих поступить в них из комиссии коллекций, составляющих государственное достояние, не вполне гарантированы, одним словом вся организация большинства музеев в точности не определена, то Комиссия впредь до окончательного выяснения положения таких провинциальных музеев, считает долгом относиться к раздаче вещей этим музеям с крайнею осторожностью» [Там же, с. 51].

В официальном ответе была высказана позиция ИАК по поводу находок на землях, находящихся в частной собственности. Поскольку эти территории находились вне сферы контроля Археологической Комиссии, руководство последней полагало, что забота о древностях, находившихся в частном владении, является прерогативой Министерства внутренних дел [Там же].

Кроме того, П. С. Уварова сообщила, что на основании ходатайства X Археологического съезда в Риге ИАК поручила доценту Санкт-Петербургского университета И. А. Шляпкину (1858–1918, филолог, историк искусства) рассмотреть все обстоятельства реставрационных работ в Софийском соборе Новгорода, приведших к утрате ценных памятников средневековой фресковой живописи [Там же].

Наиболее важные вопросы охраны историко-культурного наследия были рассмотрены на общих заседаниях XI Археологического съезда 16 и 18 августа 1899 г. Прежде всего интерес представляет проект Ал. И. Маркевича «О сохранении старинных памятников». Ученый привел примеры неблагополучного состояния ряда памятников Северного Причерноморья и указал на основные препятствия организации их охраны. Особенно он обратил внимание на плохое состояние Аккерманской крепости, крымских памятников Чабан-Куле, укреплений в Арабате, древностей горы Митридат в Керчи и др. По мнению Ал. И. Маркевича, успешному сохранению памятников старины мешает не только невежество населения, но прежде всего отсутствие заинтересованности и квалифицированных кадров тех учреждений, в ведении которых находятся объекты наследия. Решение проблемы Ал. И. Маркевич видел в передаче памятников под патронаж научно-археологических обществ. При этом он полагал, что при «распределении» объектов необходимо учитывать факторы территориальной близости и транспортной доступности объектов по отношению к размещению членов таких организаций. Ал. И. Маркевич обратил внимание на возможность финансирования охранных работ за счет организации хозяйственной эксплуатации памятников и прилегающих к ним территорий. В качестве примера он привел опыт Одесского общества истории и древностей по сохранению крепости в Судак. Ученый предложил МАО взять на себя роль координатора действий научных обществ по установле-

нию контроля над памятниками и использовать возможности Предварительного комитета будущего съезда для распределения обязанностей. По его мнению, формирования общих представлений о состоянии памятников старины позволило бы конкретизировать предложения по совершенствованию законодательства в сфере сохранения историко-культурного наследия [306, с. 159–161].

Выступление Ал. И. Маркевича вызвало оживленную дискуссию. Так, П. С. Уварова воспользовалась случаем для того, чтобы упрекнуть Императорскую Археологическую Комиссию в монополизации сферы охраны памятников. Председатель ИАК А. А. Бобринский (1852–1927), присутствовавший на съезде как частное лицо, возразил руководителю МАО [307, с. 95–117]. Он указал на то, что Комиссия имеет ограниченный штат и скромное финансирование, не позволяющие осуществлять масштабные охранные работы на всей территории империи. В этих обстоятельствах ИАК вполне сочувственно относится к проекту активного привлечения научно-археологических обществ к решению проблем сохранения историко-культурного наследия [306, с. 161].

В ходе обсуждения доклада были приведены многочисленные примеры гибели памятников старины. Участники дискуссии пришли к общему мнению о необходимости организации учета объектов историко-культурного наследия с привлечением научно-археологических обществ, губернских статистических комитетов и ученых архивных комиссий. Также было принято решение направить от имени съезда ходатайство в Министерство внутренних дел о подтверждении законодательных норм охраны памятников [Там же].

Второй доклад, связанный с вопросами охраны памятников старины, был сделан на общем заседании съезда 18 августа 1899 г. П. С. Уваровой. Она обратилась к проблеме подготовки квалифицированных археологов в российских университетах. Прасковья Сергеевна представила обзор дискуссий по этой проблеме на предшествовавших съездах и сформулировала два предложения: просить правительство открыть в университетах кафедры археологии и создать специальную комиссию для разработки учебных программ и пособий [Там же, с. 161–163].

По традиции участники XI Археологического съезда уделили внимание некоторым частным проблемам охраны памятников. Так, В. М. Виттыг на пленарном заседании 16 августа 1899 г. представил обзор состояния исследований и охраны памятников археологии в Царстве Польском [308, с. 141]. Докладчик подверг серьезной критике деятельность Императорской Археологической Комиссии. Он указал на несовершенство системы выдачи открытых листов на право проведения археологических изысканий на казенных и крестьянских землях. По его мнению, длительная процедура и частые отказы препятствовали оперативному изучению объектов, которым угрожало уничтожение. Также докладчик критически оценил практику ИАК сохранять в своих руках ценные нумизматические находки и монетныеклады, разделять такие комплексы между разными музеями. Для изменения неблагоприятной ситуации В. М. Виттыг предложил поручать предварительное изучение памятников нумизматики местными исследователями для подготовки публикаций материалов, призвал ИАК чаще передавать артефакты в провинциальные музеи, сохраняя целостность коллекций. Кроме того, ученый обратил внимание на целесообразность создания научно-археологического общества в Царстве Польском, открытия историко-археологического музея местных древностей и учреждения журнала для публикации результатов исследований памятников региона [309, с. 465–468].

Э. Р. фон Штерн 10 августа 1899 г. на заседании отделения «Памятников искусств и художеств» вновь поставил вопрос о необходимости прекратить разграбление древностей Ольвии и других античных центров Северного Причерноморья [310, с. 108]. Н. И. Веселовский (1848–1918, востоковед, археолог) представил доклад о разрушении памятников Самарканда в ходе локальных военных конфликтов в середине XVIII в. [311, с. 110].

Итоги обсуждения проблем сохранения памятников старины были подведены на заседании Совета съезда 19 августа 1899 г. Участники приняли решение о направлении в государственные структуры трех ходатайств: 1) о выделении средств на раскопки Ольвии; 2) о создании в Варшаве научно-археологического общества или открытия отделения МАО; 3) об учреждении кафедр археологии в российских университетах. Московскому археологи-

ческому обществу было поручено разработать и представить на XII Археологическом съезде проект мер по привлечению научных обществ к делу охраны историко-культурного наследия на основе предложений Ал. И. Маркевича [312, с. 164].

Решение об организации очередного XII Археологического съезда в Харькове было озвучено 19 августа 1899 г. на заседании Совета XI Археологического съезда [Там же]. В середине 1880-х гг. этот город фигурировал как кандидат на проведение VII Археологического съезда, но тогда предпочтение было отдано Ярославлю [313, с. 264]. Потенциал Харькова как крупного административного и хозяйственного центра, в котором располагался один из старейших в Российской империи университетов, способствовал формированию благоприятных условий для работы всероссийского форума археологов [92, с. 15–17; 314, с. 13–17]. Большой вклад местных властей, представителей Харьковского университета и ответственности города в дело подготовки XII Археологического съезда отметила П. С. Уварова еще на стадии работы Предварительного комитета [315, с. 18–19].

Среди докладов, предложенных для обсуждения на XII Археологическом съезде, к вопросам организации охраны памятников старины имело отношение сообщение А. С. Раевского (1871–?, делопроизводитель ИАК, с 1910 – библиотекарь ИАК) о проекте «сети археологических учебных заведений и их нормального учебного плана» [64, с. 180; 316, с. 233; 317, с. 212]. Кроме того, была запланирована серия выступлений, посвященных картографированию памятников археологии: Харьковской (Д. И. Багaley), Калужской (В. М. Кашкаров), Воронежской (Л. М. Савелов), Черниговской и Полтавской (Д. Я. Самоквасов), Курской (В. К. Трутовский) губерний; Кубанской области (В. М. Сысоев) [316, с. 233–234]. Н. И. Златоверховников (1865–1921; историк-любитель, один из основателей и активный сотрудник Курской губернской ученой архивной комиссии) обратился к Предварительному комитету XII Археологического съезда с запросом, «каким образом можно было бы осуществить издание карты курганов по губерниям и не объявить ли курганы заповедной собственностью» [317, с. 127–128; 318, с. 239].

ХII Археологический съезд состоялся в Харькове 15–27 августа 1902 г. В его работе приняли участие 398 человек (в опубликованном списке не указаны места проживания участников съезда) [319, с. 251–259]. Они представляли 64 организации: 8 университетов (Санкт-Петербургский, Московский, Варшавский, Казанский, св. Владимира, Новороссийский, Харьковский, Юрьевский), 3 института (Археологический в Санкт-Петербурге, Лазаревский восточных языков, Историко-филологический в Нежине), 4 духовные академии (Санкт-Петербургскую, Московскую, Киевскую, Казанскую), 4 археологических общества (Русское, Московское, Псковское, Одесское истории и древностей), 6 исторических обществ (Истории и древностей Прибалтийских губерний, Любителей древней письменности, Московское нумизматическое, Общество любителей изучения Кубанской области, Ученое эстонское при Юрьевском университете, Археологии, истории и этнографии при Казанском университете), 3 историко-филологических общества (при Историко-филологическом институте в Нежине, при Харьковском и Новороссийском университетах), 2 естественно-научных (Любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Московское общество испытателей природы), 3 научных общества разных типов (Юридическое при Харьковском университете, Екатеринославское научное, Русское библиологическое), 2 церковно-археологических общества (Церковно-историческое и археологическое при Киевской духовной академии, Калужское церковное историко-археологическое), 5 музеев (Российский исторический, Московские публичный и Румянцевский, Минусинский, Ростовский музей церковных древностей), 1 архив (Московский министерства юстиции), 4 губернских статистических комитета (Волынский, Воронежский, Екатеринославский, Курский), 14 ученых архивных комиссий (Владимирская, Воронежская, Калужская, Костромская, Оренбургская, Орловская, Пермская, Рязанская, Симбирская, Таврическая, Тамбовская, Тверская, Черниговская, Ярославская), 5 учреждений разных типов (Императорская Археологическая Комиссия, Киевская комиссия для разбора древних актов, Главное артиллерийское управление, Подольский епархиальный губернский статистический

комитет, Харьковская городская управа). Зарубежную науку представляли делегаты из Австрии (И. Янко – Национальный этнографический музей в Будапеште) и Франции (Ж. де Бай и Р. Жироду) [319, с. 251–259; 320, с. 247–250].

Почетным председателем XII Археологического съезда был великий князь Сергей Александрович, а обязанности председателя были возложены на П. С. Уварову [321, с. 245]. Во время работы съезда работали девять отделений: «Древности первобытные» (председатель – Н. И. Веселовский), «Древности историко-географические и этнографические» (Н. Ф. Сумцов), «Памятники искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики» (Е. К. Редин), «Быт хозяйственный и домашний, юридический, общественный и военный» (Д. И. Багалей), «Древности церковные» (Н. В. Покровский), «Памятники языка и письма» (Е. Ф. Карский), «Древности классические, византийские, восточные и западноевропейские» (Э. Р. фон Штерн), «Древности славянские» (М. С. Дримов), «Памятники археологические» (А. С. Лебедев, Ал. И. Маркевич) [321, с. 245–246; 322, с. 296].

Вопросы сохранения памятников старины были затронуты на торжественном открытии XII Археологического съезда 15 августа 1902 г. П. С. Уварова сообщила участника съезда о результатах действий Московского археологического общества по реализации решений предшествовавшего XI Археологического съезда. В частности, она констатировала провал очередной попытки добиться открытия кафедр археологии в университетах России. По ее словам, министр народного просвещения Н. П. Боголепов (1846–1901) отклонил это предложение, указав не целесообразность рассмотрения этого вопроса до принятия нового университетского устава [313, с. 268].

П. С. Уварова информировала собравшихся об открытии в Варшаве Общества истории, филологии и права [Там же]. Стоит отметить, что Министерство народного просвещения долгое время отказывалось санкционировать создание подобной научной организации, опасаясь антироссийских настроений среди польской интеллигенции [259, с. 67–75]. Тем не менее Н. П. Боголепов уступил просьбам ученых и в 1900 г. при Варшавском университете было основано научное общество, одним из направлений

деятельности которого было провозглашено изучение «научных вопросов по местной истории, археологии, этнологии и праву» [323, с. 186–187].

П. С. Уварова охарактеризовала положительные изменения в решении проблемы пресечения грабительских раскопок городища Ольвия и положительно оценила совместные действия на памятнике ИАК и ООИД [313, с. 268]. Однако ситуация в Парутино в действительности была не столь благополучной, как ее обрисовала председатель МАО [324, с. 498–511]. В 1900–1901 гг. Археологическая Комиссия вела длительные переговоры с владельцем земли. Договор об аренде территории городища для производства раскопок был подписан только в конце 1901 г. При этом угроза кладоискательства и повреждений культурного слоя сохранялась [Там же, с. 505–511].

На заседании Совета XII Археологического съезда 27 августа 1902 г. был рассмотрен вопрос о необходимости законодательного запрещения вывоза культурных ценностей за границу. Обсуждение было вызвано обращением к съезду библиографа и коллекционера В. Н. Рогожина (1859–1909) [325]. Члены совета приняли решение направить в правительство ходатайство об издании соответствующего закона [326, с. 389].

Из частных вопросов сохранения древностей на XII Археологическом съезде большое внимание было уделено картографированию археологических памятников. Так, Л. М. Савелов (1868–1947, архивист, генеалог) представил обзор и карту более 600 археологических памятников Коротоякского уезда Воронежской губернии. Результаты работы докладчика получили высокую оценку Д. Я. Самоквасова [327, с. 352; 328, с. 157–167; 329].

Д. И. Багaley (1857–1932) изложил результаты своей работы по описанию и картографированию памятников археологии Харьковской губернии (более 645 отдельных объектов, находок и комплексов). Сообщение вызвало оживленную дискуссию между докладчиком и Н. И. Веселовским о методике составления археологических карт [330, с. 31; 331, с. 364–365; 332, с. 1–92]. Д. И. Багaley при публикации материалов выступления в трудах XII Археологического съезда особое внимание уделил проблеме источников археологического картографирования [333, с. I–IV].

Результаты трудов по созданию карт памятников были представлены воронежским краеведом В. А. Перелешиним (Воронежская губерния) и Е. Д. Фелициным (Кубанская область) [334, с. 383–385; 335, с. 36; 336].

В докладе Ал. И. Маркевича была дана оценка перспективы сохранения Хотинской крепости и рассмотрен опыт деятельности Одесского общества истории и древностей по организации охраны древностей Судака и Аккермана. Докладчик указал, что финансовое обеспечение таких работ может быть получено в результате коммерческого использования территорий таких памятников [337, с. 371].

Н. И. Троицкий (1851–1920, богослов, археолог) рассмотрел итоги раскопок Херсонесского городища в 1902 г. и указал на положительные изменения в деле охраны памятника после передачи его в ведение Императорской Археологической Комиссии [338, с. 297–298].

Совет XII Археологического съезда на заседании 27 августа 1902 г. обратился к вопросу о месте проведения следующего форума российских археологов. Выбор между Екатеринодаром и Екатеринославом был сделан в пользу второго города [326, с. 389].

На этапе подготовки XIII Археологического съезда для обсуждения были предложены два доклада, имевшие непосредственное отношение к проблемам сохранения памятников старины. С. Е. Зверев (1860–1920, археолог-любитель) выразил желание представить обзор литературы по археологии Воронежского края. В. А. Харламов (1875–1957, историк, этнограф) планировал представить результаты работы по составлению археологической карты Донской области [339, с. 43; 340]. Однако на самом съезде эти выступления не прозвучали. Также не был рассмотрен запрос В. Е. Данилевича (1872–1936, историк, археолог) о разработке унифицированной легенды для составления карт монетных кладов [317, с. 107–108; 341, с. 46].

Московское археологическое общество предприняло попытку организовать масштабное анкетирование с целью получения сведений о местных древностях среди любителей старины южно-русских губерний. Для этого были подготовлены специальные программы по сбору сведений о разных типах памятников архео-

логии и истории, этнографии [342, с. 179]. Предварительный комитет разослал около 3 000 печатных экземпляров анкет, но получил всего 192 ответа, из которых больше половины не имели научной ценности [94, с. 91].

Заседания XIII Археологического съезда прошли с 15 по 22 августа 1905 г. В научную программу съезда были включены экскурсии в окрестности Днепровских порогов (23–28 августа) и Севастополь (24–27 августа) [343, с. 267–269; 344, с. 269–273]. Очередное собрание российских археологов состоялось на фоне не стабильной внутривосточной обстановки, что существенно повлияло на организацию и работу форума [43, с. 166–171; 60, с. 183–187]. Одним из результатов этого стало заметное сокращение числа участников съезда до 243 человек. Тем не менее на XIII Археологический съезд прибыли исследователи из 60 населенных пунктов Российской империи. Большая часть депутатов приехали из городов южной и центральной России, а также из крупных университетских и научных центров (для 18 человек место проживания в протоколах съезда не указано): из Екатеринослава – 80 человек (32,9 % от всех участников), Москвы – 23 (9,5 %), Киева – 18 (7,4 %), Харькова – 14 (5,8 %), Одессы – 10 (4,1 %), Санкт-Петербурга – 6 (2,5 %), Полтавы – 5 (2,1 %). Из Казани, Курска, Чернигова – по 4 (по 1,7 %) [345, с. 166–171]. Научные круги России на съезде представляли сотрудники 49 учреждений: 6 университетов (Санкт-Петербургского, Московского, Варшавского, Новороссийского, св. Владимира, Харьковского); 4 духовных академий (Санкт-Петербургской, Московской, Казанской, Киевской); Санкт-Петербургского археологического института; 2 археологических обществ (Московского и Русского); 5 научно-исторических обществ (Нестора-летописца, Истории и древностей российских, Киевского древностей и искусств, Истории и древностей Прибалтийских губерний, Историко-родословного в Москве); Общества антропологии, истории и этнографии при Казанском университете; 2 историко-филологических обществ (при Новороссийском и Харьковском университетах); 2 архитектурных (Московского и Санкт-Петербургского общества архитекторов); 4 церковно-археологических (Воронежского и Орловского церковно-археологических комитетов, Киевского церковно-исторического и археологического, Подольского церковно-

го историко-археологического общества); 4 музеев (Российского исторического, Московских публичного и Румянцевского, Ростовского церковных древностей); 2 архивов (Московских главного Министерства иностранных дел и Министерства юстиции); 5 статистических комитетов (Воронежского, Екатеринославского, Курского, Лифляндского, Смоленского); 10 губернских ученых архивных комиссий (Екатеринославской, Курской, Оренбургской, Пермской, Полтавской, Симбирской, Таврической, Тамбовской, Черниговской, Ярославской); а также Академии художеств, Главного артиллерийского управления, Киевской комиссии для разбора древних актов, Екатеринославского общественного управления [346, с. 163–165]. Единственным иностранным ученым на XIII Археологическом съезде был французский археолог Ж. де Бай [345, с. 166].

Председателем съезда была избрана П. С. Уварова. Научная программа форума предполагала работу десяти отделений: «Древности первобытные» (председатель – Э. Р. фон Штерн), «Древности историко-географические и этнографические» (Д. И. Багалей), «Памятники искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики» (Е. К. Редин), «Быт хозяйственный и домашний, юридический, общественный и военный» (В. З. Завитневич), «Древности церковные» (Н. В. Покровский), «Памятники языка и письма» (Н. И. Петров), «Древности классические, византийские, восточные и западноевропейские» (В. П. Бузескул), «Древности славянские» (Т. Д. Флоринский), «Археография и архивоведение» (А. С. Сениянский), «Старина Запорожская» (Д. И. Эварницкий) [347, с. 161–162].

П. С. Уварова, выступая на открытии съезда, озвучила результаты деятельности МАО по исполнению резолюций XII Археологического съезда, в том числе имевших отношение к решению вопросов сохранения историко-культурного наследия. Успехов в этом направлении не было достигнуто. П. С. Уварова только констатировала, что Московское археологическое общество решило не возбуждать ходатайство о принятии закона, запрещающего вывоз за рубеж культурных ценностей «ввиду серьезности вопроса» [342, с. 178–179].

Наиболее активное обсуждение участников XIII Археологического съезда вызвали несколько докладов, в которых речь шла

о значении фотофиксации в практике сохранения архитектурных и археологических памятников. Первый раз этот вопрос был поднят на заседании отделения «Памятников искусств, нумизматики и сфрагистики» 19 августа 1905 г. Сообщение В. М. Щербаковского (1876–1957, историк, археолог, этнограф) «О различных памятниках искусства в малороссийских церквях» сопровождалось большим количеством фотоснимков церковных древностей. Председатель отделения Е. К. Редин (1863–1908), комментируя выступление, отметил, что для археологии фотографии являются не просто иллюстративным материалом, а ценным источником информации. Однако в частных коллекциях эти документы остаются бесполезными для исследователей и подвергаются риску быть утраченными. Е. К. Редин предложил организовать централизованное хранение негативов фотоснимков памятников старины при Московском археологическом обществе. По его мнению, МАО могло издавать каталоги этого собрания и продавать желающим отпечатки «за небольшую цену». Идея Е. К. Редина получила одобрение присутствующих, а П. С. Уварова пообещала обсудить возможность ее реализации с членами МАО [348, с. 222–223; 349].

Вновь вопрос о роли фотографии в деле изучения и сохранения древностей был поднят 20 августа 1905 г. на заседании отделения «Древности классические, византийские, восточные и западноевропейские». А. С. Раевский представил подборку фотоснимков археологических находок из памятников юга России из коллекции Императорской Археологической Комиссии. Материалы вызвали интерес участников заседания. П. С. Уварова отметила большое значение таких презентаций для распространения информации об археологических открытиях и предложила ИАК регулярно привозить на археологические съезды такие фотовыставки [350, с. 229–230].

На этом же заседании Н. И. Веселовский познакомил коллег с альбомом мозаик мавзолея Гур-Эмир в Самарканде изданным ИАК. Он сообщил, что зарисовки памятника были выполнены на основании распоряжения С. Ю. Витте (1849–1915). Ученый отметил плохое состояние памятника и то, что художники успели зафиксировать фрагменты комплекса, утраченные в результате раз-

рушительного землетрясения и расхищения элементов декоративного убранства [350, с. 229; 351; 352, с. 793].

На заключительном заседании XIII Археологического съезда П. С. Уварова подчеркнула значение работ по фотографированию и графической фиксации для изучения и сохранения памятников старины, что было наглядно продемонстрировано в выступлениях А. С. Раевского и Н. И. Веселовского [353, с. 264].

Еще одно направление дискуссии по проблемам организации охраны древностей было связано с проблемами картографирования памятников археологии. В частности, 22 августа 1905 г. на заседании отделения «Первобытные древности» обсуждались методика, возможности использования письменных источников и научных публикаций для проведения таких работ. Интерес участников съезда к этому вопросу был вызван докладом Е. Н. Мельник-Антонович (1859–1942, историк, археолог) о «Карте курганов-майданов», выявленных на территории Южной России (более 1300 объектов в Киевской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, Черниговской и других губерниях) [354, с. 247–250; 355, с. 121–129].

Несмотря на то, что Чернигов был определен как место проведения XIV Археологического съезда еще в Екатеринославе, на первом заседании Московского предварительного комитета 7 февраля 1906 г. были рассмотрены альтернативные варианты. Участникам заседания было озвучено предложение Н. П. Кондакова и А. И. Соболевского (1856–1929, лингвист) провести XIV Археологический съезд в Самарканде или Севастополе. Вопрос был поставлен на голосование и 58 голосами «за» и 5 «против» решен в пользу Чернигова [356, с. 4–5].

На стадии подготовки съезда Московским и Черниговским предварительными комитетами была проделана значительная работа по сбору информации и изучению древностей Чернигова и окрестностей, Полтавской, Харьковской, Орловской губерний [357–359]. Предварительная программа XIV Археологического съезда включала несколько вопросов, связанных с проблемой сохранения культурного наследия. Так, Н. И. Веселовский предложил обсудить методику исследования курганов, а Э. Р. фон Штерн – подготовку проекта инструкции для производства раскопок. Вопрос о сохранении земляных насыпей, курганов, городищ и валов поставил Н. И. Златовер-

ховников (1865–1921, курский краевед). Д. Я. Самоквасов собирался представить карту северянских поселений и могильников. П. М. Добровольский (1871–1910, любитель древностей, правитель дел Черниговской губернской ученой архивной комиссии) поставил вопрос о текущем положении губернских ученых архивных комиссий и перспективах их деятельности [360, с. 24, 30].

XIV Археологический съезд прошел с 1 по 12 августа 1908 г. в Чернигове. Первоначально планировалось завершить работу форума 15 августа. По словам П. С. Уваровой, раннее окончание XIV Археологического съезда было вызвано необходимостью значительного числа участников отбыть к месту службы [361, с. 150].

В работе XIV Археологического съезда приняли участие 275 депутатов из 51 населенного пункта России и двух городов Австрии. Самая многочисленная делегация представляла город проведения съезда (Чернигов) – 87 человек (31,6 % от числа участников). Из Санкт-Петербурга на XIV Археологический съезд прибыли 37 человек (13,5 %), из Москвы – 30 (11 %), из Киева – 29 (10,5 %), из Одессы – 11 (4 %), из Харькова – 9 (3,3 %), из Воронежа 5 (1,8 %), делегации из других городов включали от 1 до 4 депутатов [362, с. 153–163].

Российские участники съезда представляли 75 обществ, организаций, учреждений: 2 университета (Московский, Харьковский); 3 института (Московский археологический, Лазаревский восточных языков, Историко-филологический в Нежине); 4 духовные академии (Санкт-Петербургскую, Казанскую, Киевскую, Московскую); 10 средних учебных заведений (Коммерческое училище им. Цесаревича Алексея, Глуховская, Новгородсеверская, Стародубская, Черниговские мужская и женская гимназии, Черниговское реальное училище, Черниговские духовная семинария, училище, епархиальное женское училище); 4 археологических общества (Московское, Русское, Археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Одесское истории и древностей); 7 исторических обществ (Истории и древностей российских при Московском университете, Историко-родословное, Киевское общество древностей и искусств, Московское нумизматическое, Киевское Нестора-летописца, Новгородское любителей древности, Истории и древностей Прибалтийского края); 4 историко-филологических общества (при Новороссийском и

Харьковском университетах, Любителей древней письменности, Русское библиографическое); 1 естественно-научное общество (Московское испытателей природы); 8 церковно-археологических обществ (Воронежский церковно-археологический комитет, Историко-археологическое общество Казанской епархии, Комиссия по осмотру памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии, Подольское церковное историко-археологическое общество, Полтавское церковный историко-археологический комитет, Православное палестинское общество, Церковно-историческое и археологическое общество при Киевской духовной академии, Церковно-археологическая комиссия при епархиальном древлехранилище в Чернигове); 1 архитектурное общество (Московское); 3 музея (Исторический, Румянцевский, Екатеринославский); 2 архива (Московский главный Министерства иностранных дел, Московский Министерства юстиции); 2 губернских статистических комитета (Воронежский, Черниговский); 12 губернских ученых архивных комиссий (Владимирская, Воронежская, Екатеринославская, Курская, Оренбургская, Орловская, Полтавская, Рязанская, Таврическая, Тверская, Черниговская, Ярославская); Академию наук, Археологическую комиссию, Департамент герольдии Сената, Березинское и Клинцовское городские общественные управления, Мглинскую и Новозыбковскую городские управы, Черниговскую губернскую земскую управу, Черниговскую духовную консисторию, украинское общество «Просвет». Зарубежную науку представляли австрийские ученые из Праги и Кракова (3 человека, 1,1 % от всех участников). Кроме того, Н. К. Горталов (1863–?, преподаватель древних языков Первой Казанской гимназии, историк, общественный деятель) имел статус делегата от французского Alliance Scientifique Universelle [90, с. 362; 363, с. 1–6].

На заседании совета съезда 31 июля 1908 г. председателем XIV Археологического съезда была избрана П. С. Уварова. Доклады участников АС были распределены по 9 секциям: «Древности первобытные» (председатели – Д. Я. Самоквасов, В. З. Завитневич), «Древности историко-географические и этнографические» (И. А. Линниченко), «Памятники искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики» (Д. В. Айналов), «Древности юридические, быт хозяйственный, домашний и военный» (М. В. Дов-

нар-Запольский), «Древности церковные» (Н. В. Покровский), «Памятники языка и письма» (А. И. Соболевский), «Древности классические, византийские, восточные и западноевропейские» (Э. Р. фон Штерн), «Древности славянские» (П. А. Лавров), «Археология и архивоведение» (Л. М. Савелов) [364].

В дни работы съезды наибольшее внимание было уделено двум вопросам сохранения культурного наследия: а) обсуждение предложений для правительственной комиссии, занимающейся подготовкой проекта закона об охране памятников старины; б) дискуссия о разработке инструкции для проведения археологических раскопок. Кроме того, на заседаниях XIV Археологического съезда были рассмотрены проблемы организации сохранения нескольких конкретных объектов.

Проект обращения в комиссию, созданную при Министерстве внутренних дел для подготовки проекта закона об охране памятников, с перечнем мер, необходимых для максимально эффективной организации охранной деятельности, был представлен Н. В. Султановым (1850–1908, архитектор, реставратор, искусствовед, историк архитектуры) 5 августа 1908 г. на заседании ученого комитета XIV Археологического съезда [365; 366]. Николай Владимирович обратил внимание собравшихся, что представляемый проект во многом основан на тех идеях, которые обсуждались на предшествующих археологических съездах [365, с. 75]. Предметом обсуждения стали «Положения», разработанные Комиссией по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников [367; 368]. Комиссия начала свою деятельность еще в 1904 г. и представила на обсуждение специалистов «Основные положения» и «нерешенные вопросы». Однако из-за сложной внутриполитической обстановки работа была остановлена, ее возобновление произошло в конце 1908 г. [62].

Предложения, сформулированные на заседании ученого комитета XIV Археологического съезда, существенно дополняли положения, разработанные официальной комиссией. Прежде всего более четко была выстроена структура органов охраны памятников. Так, предполагалось создать общеимперское «межведомственное правительственное учреждение», в состав которого должны войти представители Императорской Археологической

Комиссии, Академии художеств, Святейшего Синода, Министерства внутренних дел, археологических и исторических обществ. В официальном проекте речь шла о некоем центральном органе без каких-либо уточнений его состава [365, с. 76; 367, с. 46].

Территорию страны предполагалось разделить на «археологические округа», а функции «окружного органа» поручить археологическим или историческим обществам [365, с. 75]. Правительственный проект предусматривал создание 15 археологических округов, а назначение обществ на роль окружных учреждений предполагалось осуществлять с их согласия [367, с. 46–49].

На местах функции охраны памятников старины планировалось возложить на губернские ученые архивные комиссии или/и церковно-археологические общества/комитеты (существующие или созданные при необходимости), подчиненные окружным учреждениям [365, с. 75]. В официальном проекте этот вопрос не был решен, предполагалась передать функции охраны памятников либо ученым архивным комиссиям, либо создать новые губернские органы [367, с. 49].

По проекту, рассмотренному на съезде, недвижимые объекты охраны подразделялись на три категории: «а) памятники государственного значения; б) памятники местного значения; в) памятники, не имеющие особой археологической ценности» [365, с. 76]. Правительственный документ предполагал выделение только двух категорий – наиболее ценные («предмет особой заботливости правительства» и «все остальные») [367, с. 46].

Официальный вариант проекта содержал только общее описание функций органов охраны памятников старины всех уровней: учет, мониторинг состояния, экспертиза проектов реставрации, контроль осуществления ремонтно-реставрационных работ [Там же]. Проект съезда сохранил неопределенность полномочий окружных и местных учреждений: «регистрация памятников», «попечение об их сохранении», «разрешение вопросов о ремонте и реставрации памятников второй категории и все необходимые сношения с центральным учреждением» [365, с. 75–76]. Однако функции центрального органа были описаны подробно: «1) Заведывание и распределение сумм, отпускаемых казной; 2) Решение всех вопросов, касающихся реставрации древних памятников

первой категории; 3) Высший контроль действий окружных учреждений по реставрации памятников вообще; 4) Решение вопросов о категории памятника и о переходе их из одной категории в другую; 5) Решение вопроса о принудительном отчуждении недвижимых памятников старины, находящихся в частном владении; 6) Разрешение сломки памятников в первых двух категориях; 7) Разрешение всякого рода спорных вопросов, могущих возникнуть между окружными Обществами и местными учреждениями, и разрешение всякого рода археологических сомнений, могущих возникнуть в Окружных Обществах» [Там же, с. 76].

Проект закона об охране памятников старины, рассмотренный на съезде, отличался от официального более серьезной проработкой вопроса материального обеспечения охранной деятельности. Финансирование органов надзора и необходимых работ на объектах государственного значения предполагалось осуществлять за счет ежегодного пособия из средств Министерства императорского двора в размере 60 000 руб. Содержание памятников местного значения должно было осуществляться городскими и земскими органами, а в случае их использования в практических целях – заинтересованными учреждениями [Там же, с. 75–76]. В министерском документе четко была зафиксирована обязанность пользователей выделять средства на поддержание памятников старины. В отношении других объектов предусматривалось финансирование со стороны органов охраны, но источник денег не был определен [367, с. 46–47].

Проект «Положения» об охране древностей, представленный XIV Археологическому съезду содержал предложения по трем важным проблемам, которые были обозначены в правительственном варианте как «нерешенные еще Комиссией вопросы»: 1) возможность отчуждения в государственную собственность памятников, находящихся на частных землях; 2) запрет вывоза за границу культурных ценностей; 3) ответственность за повреждение и разрушение памятников старины [368, с. 49–51].

Первый вопрос предлагалось решить радикально – объекты на частных землях попадали в сферу государственной охраны, что влекло наложение на владельцев обязательств исполнения норм охранного законодательства, а правительство должно было получить право отчуждения недвижимых памятников в случае

необходимости. Предполагалось запретить вывоз за рубеж отечественных древностей. Лиц, виновных в повреждении или уничтожении памятника старины, предлагалось наказывать наложением штрафа, лишением свободы и обязывать осуществить за собственный счет ремонтно-реставрационные работы [365, с. 76–77]. Трактовка последнего положения почти совпадала с мерами, предусмотренными правительственным проектом [368, с. 51].

Документ, рассмотренный съездом, содержал еще один пункт, отсутствовавший в официальном проекте, – о введении преподавания археологии в университетах, духовных семинариях и об «усилении» этого курса в духовных академиях [365, с. 77]. Этот вопрос регулярно обсуждался на всероссийских археологических съездах с 1869 г. Не исключено, что данный пункт был внесен с целью еще раз обратить внимание министерства народного просвещения на старую проблему.

Ученый комитет XIV Археологического съезда одобрил представленный проект, и на заключительном заседании съезда было оформлено решение направить его в Министерство внутренних дел [369, с. 151].

Предметом активных дискуссий на заседаниях XIV Археологического съезда стал вопрос о разработке новой инструкции по проведению археологических раскопок. Так, этой проблеме был посвящен доклад А. В. Селиванова, сделанный утром 7 августа 1908 г. на заседании отделения «Древности первобытные». Ученый обратил внимание на недостатки существующих пособий как в части методики раскопок, так и в области регламентации условий хранения артефактов. Докладчик сформулировал конкретные предложения, направленные на улучшение названных аспектов археологических исследований: 1) вещи из погребений должны сохраняться как единый комплекс, для обеспечения его целостности артефакты следует нашивать на отдельные планшеты («картоны») с указанием номера погребения, при этом информация о находках должна быть продублирована в дневнике раскопок; 2) описание погребений и инвентаря из могил должно быть выполнено на специальной карточке; 3) археолог должен вести дневник раскопок с указаниями точных мест находок предметов погребального инвентаря; 4) коллекции должны сохраняться как

единый комплекс, а в случае изъятия из него вещей их следует заменять фотографическими снимками [370, с. 81–82].

В прениях Д. Я. Самоквасов отметил, что все эти требования содержатся в инструкции МАО 1874 г., но он считает возможным внести в нее некоторые исправления, отражающие актуальные представления о методике раскопок и хранении находок. Участники заседания приняли решение обратиться в совет съезда с просьбой подготовить и опубликовать новую редакцию инструкции 1874 г. [Там же, с. 82].

В тот же день (7 августа 1908 г.) состоялось заседание ученого комитета XIV Археологического съезда, на котором была сформирована специальная комиссия для составления инструкции по производству археологических раскопок. В ее состав вошли Д. Я. Самоквасов, А. В. Селиванов, Э. Р. фон Штерн, В. А. Городцов (1860–1945) [3, с. 585–613; 371, с. 81]. На следующий день (8 августа 1908 г.) на заседании комиссии были заслушаны предложения по совершенствованию руководства по производству археологических раскопок [372].

Заседание 8 августа 1908 г. началось с выступления А. В. Селиванова. Он обратил внимание на недостатки методики фиксации вещей из погребений и отсутствие строгих правил хранения артефактов, полученных в результате археологических исследований. Ученый подверг критике формулировки ряда положений инструкции (1895) А. А. Спицина (1858–1931) по изучению памятников археологии. Так, по мнению докладчика, издание не содержит четких указаний на то, как должны осуществляться учет и паспортизация находок. А. В. Селиванов отметил, что А. А. Спицин рассматривает практику нашивки вещей из погребений на специальные планшеты как желательную, но не обязательную для исследователей, а предложенная методика в целом не обеспечивает сохранности мелких предметов [372, с. 93–94; 373, с. 51–53]. Критические замечания были высказаны выступавшим в адрес Императорской Археологической Комиссии в связи с сохранением практики разделения комплексов по разным хранилищам [372, с. 95].

Доклад сопровождался большим количеством примеров из полевой практики и завершился изложением предложений по усовершенствованию правил фиксации и хранения артефактов,

озвученных А. В. Селивановым 7 августа 1908 г. [Там же, с. 96]. Важным замечанием ученого стало утверждение, что не соблюдение археологами научно обоснованных правил раскопок, учета и хранения материалов обесценивает результаты исследований для науки [Там же].

Вопрос о профессиональной ответственности лиц, занимающихся археологическими работами, стал лейтмотивом выступления Э. Р. фон Штерна. По словам докладчика, раскапывая памятник, археолог, по сути, уничтожает его и, «за исключением немногих случаев, никто больше не в состоянии изучить эти остатки, проверить нашу работу», а «ошибки, которые допущены при раскопке, почти всегда не исправимы» [Там же, с. 97].

Исходя из этой установки, Э. Р. фон Штерн озвучил несколько принципиально значимых предложений по организации археологических раскопок. Прежде всего ученый обратил внимание на требования к квалификации археологов. Ее уровень должен был обеспечиваться тем, что открытые листы на право осуществления археологических исследований следует выдавать только лицам, имеющим опыт работ, полученный под руководством признанного специалиста [Там же]. Проблему отсутствия археологического образования в России Э. Р. фон Штерн предложил решать научно-археологическим обществам, которые могли бы взять на себя функции подготовки археологов и обеспечить не только преподавание научно-методической базы, но и организацию полевой практики под руководством опытных руководителей «в разных районах» [Там же, с. 99].

Также докладчик обратил внимание на необходимость научного планирования археологических исследований, разумное соотношение возможностей исследователя (финансовых, временных и др.) и масштабов памятника, что должно обеспечить качественное и полное исследование выбранного комплекса. При этом археолог должен максимально полно и точно осуществлять фиксацию выявленных конструкций (в том числе фотографирование), составлять планы и профили раскопок, производить учет и паспортизацию находок. По словам ученого, необходимо работать «столько же, сколько киркою и лопатой, рулеткой, карандашом, и, где только возможно, фотографическим аппаратом», «чем

больше измерений, чем больше рисунков и фотографических снимков, тем ценнее раскопки» [Там же, с. 98].

Особое внимание Э. Р. фон Штерн обратил на требование осуществлять работы до достижения материка и привел несколько примеров (раскопки Ольвии, на о-ве Березань), когда игнорирование этого правила привело исследователей к недостоверным выводам [Там же].

Важно отметить, что Э. Р. фон Штерн указал на необходимость исследователей отвечать за состояние памятников и после завершения раскопок. Наиболее эффективным способом обеспечения сохранности выявленных археологических объектов он считал их консервацию под слоем грунта [Там же, с. 99].

В продолжение дискуссии П. С. Уварова огласила записки, представленные съезду Н. В. Веселовским и В. В. Хвойко (1850–1914) по вопросу о разработке инструкций по проведению раскопок [Там же, с. 99–100]. Н. И. Веселовский сделал акцент на трех проблемах. Во-первых, он, как и Э. Р. фон Штерн, указал на необходимость наличия опыта у лиц, стремящихся получить открытый лист на право проведения раскопок. Во-вторых, исследователь отметил потребность контролировать добросовестность археологов и привел несколько примеров фальсификации результатов раскопочной деятельности. В-третьих, он подчеркнул необходимость осуществлять раскопки до материка [Там же, с. 100]. Записка содержит многочисленные примеры, когда не соблюдения этих требований негативно сказывалась на результатах исследований археологических памятников [Там же, с. 101–104]. В. В. Хвойко представил подробный обзор опыта собственных раскопок на памятниках разных типов [Там же, с. 104–110].

Итогом заседания стало принятие резолюции, включавшей список рекомендаций для составления новой инструкции для проведения археологических раскопок. Прежде всего было принято решение издать материалы выступлений А. В. Селиванова, Э. Р. фон Штерна, Д. Я. Самоквасова, прозвучавших на XIV Археологическом съезде под общим названием «Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей» [Там же, с. 110]. Новая инструкция должна основываться на положениях руководства о раскопках 1874 г., утвержденных на III Археологическом съезде, и

предложениях, высказанных на заседании комиссии XIV Археологического съезда. Издание планировалось осуществить с большим количеством иллюстраций и примерами дневников правильно организованных и проведенных раскопок. Его объем не должен был превысить 50 страниц. Составление новых правил раскопок съезд поручил Д. Я. Самоквасову и В. А. Городцову [Там же, с. 110–111]. На заключительном заседании XIV Археологического съезда П. С. Уварова сообщила, что инструкция получила одобрение съезда и будет распространяться Московским археологическим обществом [374, с. 150].

Нужно отметить, что смерть Д. Я. Самоквасова не позволила ему завершить работу над инструкцией. «Руководство...» В. А. Городцова МАО опубликовало в 1914 г. Книга содержит подробные рекомендации для археологов на 56 страницах, снабжена 52 иллюстрациями, поясняющими методы раскопок, особенности инструментов и т. д. [375].

Как и на других всероссийских археологических съездах, не остались без внимания участники XIV Археологического съезда частные вопросы охраны памятников старины. Б. В. Фармаковский 7 августа 1908 г. на заседании отделения «Древности классические, византийские, восточные и западно-европейские» выступил с докладом, сопровождая его показом фотографических снимков посредством «волшебного фонаря», в котором рассмотрел ряд сюжетов истории этого античного полиса, осветил результаты раскопок 1901–1908 гг., а также дал оценку состояния памятника и перспектив его сохранения [376; 377, с. 81–85]. Докладчик отметил, что одна из основных проблем, препятствовавших эффективной охране и изучению Ольвии, заключалась в том, что городище находилось на частной земле, принадлежавшей семье Мусиных-Пушкиных. Длительное время владельцы противодействовали научному изучению памятника [324, с. 487–507].

Проблема сохранения ольвийских древностей поднималась на IX, XI и XII археологических съездах [273, с. 96; 275, с. 111–112; 310, с. 108; 313, с. 268]. Положительные изменения произошли только после того, как в 1901 г. Императорской Археологической Комиссии удалось достигнуть соглашения с землевладельцем и приступить к научным раскопкам (с 1902 г.) [324,

с. 507]. За несколько полевых сезонов Б. В. Фармаковскому (1870–1928) удалось открыть оборонительные сооружения древнего города [324, с. 511–513; 378]. В докладе на съезде Борис Владимирович высказал мнение, что единственным эффективным способом сохранения остатков стен и башен является их консервация под слоем почвы [377, с. 82–83].

При обсуждении доклада П. С. Уварова выступила против этой идеи, указав на то, что сохранение оборонительных сооружений в открытом виде будет способствовать привлечению к памятнику внимания и организации мер по его сохранению и изучению, аналогичных тем, что были предприняты на Херсонесском городище. Б. В. Фармаковский скептически отнесся к этому предположению, обратив внимание на то, что Ольвия расположена в неблагоприятных природных условиях, не менее разрушительных, чем активное антропогенное воздействие [Там же, с. 83].

Еще один вопрос об организации охранных мероприятий на памятниках археологии был связан с раскопками, проведенными В. В. Хвойко в Киеве летом 1907 г. [379, с. 909–911; 380]. Доклад о них был представлен И. А. Линниченко 4 августа 1908 г. на заседании отделения «Памятники искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики» [381]. Выступавший отметил высокое научно-историческое значение исследований археологического слоя Киева домонгольского периода. С целью обеспечения продолжения раскопок и сохранения остатков построек, выявленных на частной земле, И. А. Линниченко обратился к съезду с просьбой направить ходатайство императору с предложением о приобретении в казну усадьбы М. М. Петровского, на территории которой были сделаны важные открытия. При обсуждении доклада П. С. Уварова поддержала эту идею [Там же, с. 59–60].

Проблема сохранения от поновления иконостаса XVII–XVIII в. Введенской церкви Троицкого монастыря в Чернигове была поднята 8 августа 1908 г. П. М. Добровольским на заседании отделения «Древности церковные». Н. В. Покровский (1848–1917, искусствовед, археолог, директор Археологического института в Санкт-Петербурге) сообщил, что вопрос передан на рассмотрение Императорской Археологической Комиссии [382; 383, с. 1211–1219; 384, с. 134–143].

Дискуссия о проблемах сохранения памятников архитектуры XVIII–XIX вв. состоялась 9 августа 1908 г. на заседании отделения «Памятники искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики» [385]. Предметом обсуждения стали доклады Г. Г. Павлуцкого и Ф. Ф. Горностаева. Профессор университета св. Владимира в Киеве Г. Г. Павлуцкий (1861–1924) поставил вопрос о сохранении построек в стиле ампир в Полтавской губернии [Там же, с. 127]. Ф. Ф. Горностаев (1867–1915, историк архитектуры, архитектор, художник) обратил внимание на плачевное состояние дворца в селе Ляличи (Суржанского уезда Черниговской губернии, сейчас – Сурожский р-н Брянской обл.), построенного Дж. Кваренги (1744–1817) по заказу П. В. Завадовского (1739–1812) [385, с. 128–129; 386, с. 133–134].

Стоит отметить, что обсуждение охраны памятников светской архитектуры XVIII–XIX в. было новым явлением в научных программах Всероссийских археологических съездов.

Результаты дискуссий по вопросам охраны памятников старины были зафиксированы в решениях XIV Археологического съезда, озвученных П. С. Уваровой на заключительном заседании. Так, Московскому археологическому обществу было поручено довести до сведения министерства внутренних дел рекомендации для «Положения...» об охране древностей. На МАО возлагалась обязанность обеспечить публикацию и распространение обновленной инструкции для производства археологических раскопок. Кроме того, было решено направить от имени съезда ходатайство Николаю II о покупке государством усадьбы М. М. Петровского в Киеве для продолжения исследований слоев домонгольского периода истории города. Еще одно ходатайство решили направить в Императорскую Археологическую Комиссию для принятия мер по сохранению археологических материалов на территории усадьбы княгини Трубецкой (возможно, сведения о «княгине Трубецкой» ошибочные, речь шла об усадьбе Трубецкого) в Киеве (комплекс в районе Десятинной церкви) [379, с. 917; 387, с. 150–151].

На XIV Археологическом съезде в Чернигове были названы четыре возможных места проведения будущего XV съезда: Холм, Севастополь, Симферополь, Новгород. Однако на первом заседании Предварительного комитета по устройству XV Археологического

съезда 3 января 1909 г. выяснилось, что совет Холмского православного братства отказался от идеи проведения форума, мотивировав это решение отсутствием необходимых кадров и денежных средств. Крымские города были отвергнуты предварительным комитетом, который посчитал, что между потенциальными организаторами (местными учеными) нет консенсуса относительно конкретного населенного пункта. Эти обстоятельства определили решение в пользу Новгорода. Вероятно, этому способствовало активное лоббирование со стороны новгородских властей – на заседание 3 января 1909 г. прибыли губернатор П. П. Башилов (1857–1919) и городской голова А. А. Соловьев (1861 – после 1918) [388, с. 9–10].

По мнению А. С. Смирнова, предпочтение одному из городов северо-западной России было отдано прежде всего по политическим мотивам. Ни власти, ни Московское археологическое общество не желали повторения демаршей «украинофилов» на предшествовавших съездах в Южной России [43, с. 194]. Стоит отметить, что в Новгородской губернии уже с 60–70-х гг. XIX в. археологикраеведы активно изучали местные памятники старины и по мере возможностей предпринимали меры по их сохранению [389].

В период подготовки XV Археологического съезда Новгородский предварительный комитет и Новгородское общество любителей древности (НОЛД) провели большую работу по выявлению, изучению и собиранию памятников старины. Так, были организованы раскопки курганов и жальников в Новгородской губернии, на Рюриковом городище, на территории Новгородского кремля. В регионах были обследованы более 400 усадеб и культовых построек, собрана коллекция, включающая около 2000 предметов. Члены НОЛД подготовили и издали несколько исследований, посвященных местным древностям [87, с. 5; 390].

Заседания XV Археологического съезда проходили с 22 июля по 4 августа 1911 г. Для участников форума была организована специальная выставка, проводились экскурсии по местным достопримечательностям [87, с. 5]. С 5 по 8 августа 1911 г. 38 членов съезда совершили поездку в Псков [391].

В работе XV Археологического съезда приняли участие 401 человек. Из них 388 – российские археологи и любители старины, 13 – зарубежные ученые (3 % от общего числа). Российские участники

прибыли из 74 населенных пунктов империи. Наиболее многочисленную группу составили местные научные силы – 120 человек из Новгорода (29,9 % от общего числа). Также присутствовали гости из Санкт-Петербурга – 78 (19,4 %), Москвы – 35 (8,7 %), Киева – 15 (3,7 %), Харькова – 14 (3,5 %), Пскова – 6 (1,5 %), Одессы – 5 (1,2 %), Воронежа – 5 (1,2 %), Нежина – 4 (1 %). Делегации из других мест состояли из 1–3 человек [392, с. 40–56; 393].

Российские участники представляли 85 обществ, учреждений, организаций: 5 университетов (Санкт-Петербургский, Московский, Новороссийский, св. Владимира, Харьковский); 5 институтов (Санкт-Петербургский и Московский археологические, Высшие женские курсы, Историко-филологический в Нежине, Лазаревский восточных языков); 3 духовные академии (Санкт-Петербургская, Московская, Киевская); 5 археологических обществ (Русское, Московское, Псковское, археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Одесское истории и древностей); 8 исторических обществ (Истории и древностей российских при Московском университете, Историкородословное в Москве, Московское нумизматическое, Русское военно-историческое, Киевское древностей и искусств, Несторалетописца, Новгородское любителей древностей, Ученое эстонское при Юрьевском университете); 6 историко-филологических и литературных (историко-филологические в Нежине, при Новороссийском и Харьковском университетах, Любителей древней письменности, Любителей российской словесности при Московском университете, Эстляндское литературное); 3 естественнонаучных (Русское географическое, земледелия при Санкт-Петербургском университете, Калужское изучения природы местного края); 2 архитектурных (Санкт-Петербургское и Московское); 6 церковно-археологических обществ (Калужское, Киевское, Подольское, Полтавское, Воронежский, Орловский церковно-археологических комитеты); Киевское общества охраны памятников старины и искусства; 3 церковные организации (Православное Палестинское общество; Иконописная палата Донского монастыря, Холмское свято-богородичное братство); 11 музеев (Александра III, Старого Петербурга, Екатеринославский областной, Казанский отечествоведения, Кивеский художественно-

промышленный и научный, Румянцевский и Московский публичный, Ростовский церковных древностей, Тверской историко-археологический, древностей Тульской епархиальной палаты, Углический древностей); 3 архивов (Московский главный Министерства иностранных дел, Московский Министерства юстиции, Московское отделение общего архива Министерства императорского двора); Воронежского статистического комитета; 15 губернских ученых архивных комиссий (Витебская, Владимирская, Воронежская, Екатеринославская, Калужская, Костромская, Курская, Нижегородская, Полтавская, Рязанская, Саратовская, Таврическая, Тверская, Черниговская, Ярославская); Академии наук; Академии художеств; Археографической комиссии; Комиссии для составления диалектологической карты русского языка при Академии наук; Главного артиллерийского управления; департамента Герольдии; Новгородского городского общественного управления; Новгородского губернского земства [394].

Зарубежные научные круги были представлены учеными из Австро-Венгрии – 3 человека (Вена, Пльзень, Брюн); Германии – 5 (Кенигсберг, Галле); Швеции – 4 (Стокгольм); Франции – 1 (Париж) [393].

Председателем съезда была избрана П. С. Уварова. Программа XV Археологического съезда предусматривала заседания по девяти отделениям: «Древности первобытные» (председатель – В. Е. Данилевич), «Древности историко-географические и этнографические» (М. В. Довнар-Запольский), «Памятники искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики» (Г. Г. Павлуцкий, В. К. Трутовский), «Древности юридические, быт хозяйственный, домашний и военный» (А. С. Лаппо-Данилевский), «Древности церковные» (Н. В. Покровский), «Памятники языка и письма» (И. А. Шляпкин), «Древности классические, византийские, восточные и западноевропейские» (Э. Р. фон Штерн); «Древности славянские» (И. Е. Евсеев), «Археографии и архивоведения» (Л. М. Савелов) [392, с. 40–41].

Проблемы охраны памятников старины были затронуты в ряде выступлений на торжественном открытии XV Археологического съезда 22 июля 1911 г. Архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений (А. Г. Станницкий, 1862–1936) указал на общественную

значимость изучения и сохранения историко-культурного наследия. По словам иерарха: «Старина – это то волшебное зеркало, в котором в перспективе веков мы видим себя, своих предков и каждую грань церковной, общественной и государственной жизни ... Презрение к старине – это именно признак некультурности известного народа или лица и самый верный показатель его падения, а затем и уничтожения» [395, с. 16–17].

Архиепископ, имел степень доктора богословия (1904), был известен трудами по истории церкви в Молдавии. Священнослужитель предпринимал и конкретные действия по организации сохранения памятников церковной старины. В 1906 г. он учредил Псковский церковно-археологический музей, а в 1913 г. инициировал создание Новгородского церковно-археологического общества. На этапе подготовки XV Археологического съезда он способствовал поиску информации о церковных древностях Новгородского края и собиранию экспонатов для выставки [396; 397].

О важности для науки и отечественной истории новгородских памятников говорил председатель Новгородского общества любителей древностей М. В. Муравьев (1867–1932) [398]. Он обратил внимание собравшихся, что многие новгородские комплексы требуют срочных охранных и реставрационных мер, но правительственные распоряжения в сфере сохранения культурного наследия часто не исполняются. В качестве одного из примеров М. В. Муравьев рассказал об уничтожении части росписей Софийского собора в конце XIX в. [395, с. 19–21].

Отчет П. С. Уваровой о деятельности предварительного комитета XV Археологического съезда содержал сведения о работе Московского археологического общества по исполнению решений XIV Археологического съезда в Чернигове, которые имели отношения к охране памятников археологии. Разработка новой инструкции для производства археологических раскопок, учитывающей особенности разных типов объектов и дополненной иллюстративным материалом была поручена Д. Я. Самоквасову и В. А. Городцову. Глава МАО анонсировала представление результатов этой работы на одном из заседаний, но ни один из разработчиков на съезд не прибыл и вопрос больше не поднимался. Без последствий оказалось обращение МАО в Министерство внутренних дел о привлечении предста-

вителей научных обществ к обсуждению проекта закона об охране памятников старины. П. С. Уварова проинформировала участников заседания о том, что МАО направило ходатайство в Военно-историческое общество об установлении контроля за местами исторических сражений. Однако никаких сведений о практических действиях она не сообщила. Глава Московского археологического общества не упустила возможности в очередной раз выступить с критикой в адрес Императорской Археологической Комиссии. По словам П. С. Уваровой, просьба «обратить внимание» ИАК на «усадьбу Трубецкого» около Десятинной церкви в Киеве была проигнорирована в Санкт-Петербурге [399, с. 65–67]. Стоит отметить, что упрек ИАК был не справедливым – в 1910 г. Д. В. Милев (?–1914) по поручению Комиссии осуществил аварийные раскопки на этом участке и исследовал несколько погребений X в. и хозяйственных сооружений XVII в. [379, с. 917].

В последующие дни обсуждение вопросов охраны памятников старины происходили на пленарных и секционных заседаниях. Так, был поднят вопрос о совершенствовании законодательства в сфере сохранения историко-культурного наследия и об исполнении положений существующих нормативно-правовых актов. Любитель древностей, географ и метеоролог из Ставропольской губернии Л. Я. Апостолов (1865–1932) сделал доклад о раскопках городища Мажар, произведенных в 1907 г. председателем Ставропольской ученой архивной комиссии Г. Н. Прозрителевым (1849–1933) [400; 401]. В докладе была описана типичная для того времени ситуация: историк-краевед получил информацию о находках керамики и монет, сделанных при строительстве Батайско-Азовской железнодорожной линии. Оказалось, что сооружения будущего вокзального комплекса в г. Азове возводятся «внутри древнего городища», а земляные работы сопровождаются находками огромного количества фрагментов древней керамики. Г. Н. Прозрителев узнал от рабочих, что здесь встречались целые сосуды, а ценные вещи скупил подрядчик. Исследователь поставил вопрос о необходимости привлечения к ответственности руководителей дорожных строительных работ за «уничтожение невежественными работниками и разграбление ценных в научном отношении остатков прошлого» [402, с. 108–110].

От имени Ставропольской ученой архивной комиссии, докладчик предложил от имени XV Археологического съезда ходатайствовать о внесении в существующие законы ряда дополнений, призванных исключить подобные случаи: «1) чтобы никто не мог производить раскопки без разрешения Археологической Комиссии даже на собственных землях и участках, 2) чтобы лица, имеющие археологический интерес, обязаны были сообщать Археологической Комиссии о начале земляных работ и принятых мерах к сохранению найденных при работах предметов, 3) чтобы все клады и предметы, имеющие археологическое значение, были признаны государственным достоянием..., 4) чтобы лица, уничтожившие или продавшие археологические предметы без разрешения археологических обществ, подвергались ответственности» [Там же, с. 111]. Участники заседания решили рассмотреть перспективу ходатайства перед правительством на общем собрании съезда [Там же]. Однако какого-либо решения по данному вопросу XV Археологический съезд не принял.

Широкое обсуждение на съезде получили вопросы сохранения культовых памятников (недвижимых и движимых). Особое внимание было уделено проблемам разработки теоретических основ и методов реставрации таких объектов. Одним из инициаторов дискуссий стал новгородский историк и реставратор А. И. Анисимов (1877–1937) [403]. На заседании отделения «Памятников искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики» 27 июля 1911 г. он сделал доклад о выполненной под его руководством реставрации фресок церкви Феодора Стратилата (конец XIV в.) в Новгороде. Докладчик подробно описал методику расчистки и укрепления красочного слоя. Особый акцент он сделал на необходимости восстановления первоначального вида храма [404, с. 104].

А. И. Анисимова поддержал привет-доцент Казанского университета, искусствовед Б. П. Денике (1885–1941) [405]. По его мнению, задача реставраторов церкви Феодора Стратилата должна заключаться в том, что бы они «сохранили открываемые фрески от всякого поновления и переписки» [404, с. 105].

Несколько иной аспект сохранения памятников церковного искусства затронул А. И. Анисимов на заседании отделения «Церковные древности» 2 августа 1911 г. Он обратил внимание собравшихся

на крайне небрежное отношение служителей церкви к старинным иконам и церковной утвари. Основываясь на результатах обследования, проведенного в рамках подготовки XV Археологического съезда, Александр Иванович сообщил, что эти вещи, как правило, складываются в непригодных помещениях (подвалах, колокольных), продаются скупщикам. Для предотвращения утраты ценных памятников докладчик предложил ряд мер: 1) осуществить обследование всех церквей Новгорода и окрестностей для выявления таких объектов, 2) создать в Новгороде церковно-археологический музей для сохранения культовых вещей, вышедших из употребления, 3) выполнить научную реставрацию, выявленных памятников иконописи [406, с. 174].

Наличие аналогичных проблем сохранения церковных древностей зафиксировал в Пскове Г. М. Казаков (1872–1927, реставратор, коллекционер). Осматривая по поручению МАО церкви и монастыри, он установил, что только небольшая часть древних икон и книжных памятников находятся в удовлетворительном состоянии. Краевед отметил, многочисленные факты намеренных повреждений старинных икон (распиливание, удаление красочного слоя и др.), отсутствие надлежащих условий хранения раритетов. Г. М. Казаков предложил комплекс мер, направленных на обеспечение сохранности памятников церковной старины: 1) произвести обязательную регистрацию культурных ценностей в церквях и монастырях, 2) запретить снимать подлинные древние оклады с икон, 3) запретить помещать иконы под новые сплошные оклады; 4) не убирать и не поновлять памятники эпиграфики, 5) поручать реставрации только квалифицированным специалистам, 6) ограничить реставрацию памятников иконописи только удалением загрязнений и консервацией красочного слоя [407, с. 170].

Еще два докладчика затронули проблему сохранения памятников церковной архитектуры Новгорода и комплекса Детинца. Острая критика реставрационных работ, проведенных в Софийском соборе в 1893–1900 гг., прозвучала в выступлении архиепископа Новгородского и Старорусского Арсения на общем заседании 2 августа 1911 г. Доклад вызвал оживленную дискуссию, в результате которой было принято решение обратиться в Святейший Синод от имени XV Археологического съезда с просьбой «чтобы па-

мятники, подобные Св. Софии всегда находились под особым техническим и художественным контролем сторонних специалистов и время от времени ревизовались особо» [408, с. 171]. М. В. Муравьев обрисовал общее состояние охраны архитектурных памятников и культурных ценностей в новгородских хранилищах. Он привел многочисленные примеры уничтожений, повреждений, переделок ценных исторических объектов. Особое внимание он предложил уделить решению проблемы сохранения и изучения комплекса Детинца [409].

Несмотря на широкий круг проблем охраны памятников старины, обсуждавшийся на заседаниях XV Археологического съезда, резолюция съезда, утвержденная на заключительном заседании 3 августа 1911 г., имела отношение только к древностям Новгорода. Проекты Л. Я. Апостолова и Г. М. Казакова повторно не обсуждались. Участники съезда поддержали просьбу архиепископа Арсения об обращении в Синод для принятия мер к сохранению Софийского собора, а также предложение М. В. Муравьева о запросе в Министерство внутренних дел для выделения дополнительных средств, необходимых для сохранения Детинца [Там же, с. 181].

XVI Археологический съезд должен был состояться в Пскове 22 июля по 6 августа 1914 г. [410]. Предварительная программа форума не содержит специальных вопросов охраны памятников старины. Традиционно обращение к этой проблематике предполагали некоторые доклады на более широкие темы, а также проекты изучения древностей и подготовки выставки [411; 412]. Однако из-за начала Первой мировой войны съезд был отменен [58, с. 128].

П. С. Уварова, возглавив после смерти мужа Московское археологическое общество, стремилась сохранить начинания А. С. Уварова и обеспечить их развитие. Она приложила огромные усилия для продолжения традиции всероссийских археологических съездов, долгое время сохранявших статус единственной общероссийской публичной площадкой для обсуждения актуальных проблем археологии, в том числе вопросов сохранения объектов историко-культурного наследия.

Нужно отметить, что под руководством П. С. Уваровой сохранялись принципы организации, подготовки и проведения,

формирования научных программ съездов отечественных археологов. Так, внимание к проблемам охраны памятников старины подчеркивалось тем, что важные вопросы этой сферы рассматривались преимущественно на пленарных заседаниях и советах археологических съездов. Проблемные ситуации, складывавшиеся на конкретных объектах, в микрорайонах, связанных с отдельными видами древностей, обсуждались на секционных заседаниях. П. С. Уварова постепенно ввела практику информирования участников съездов о результатах реализации решений съездов, принятых для обеспечения сохранения историко-культурного наследия.

В 1880–1890-х гг. основное внимание занимало обсуждение научно-практических направлений охранной деятельности: картографирование, учет, методы раскопок памятников археологии. На съездах этого периода неоднократно рассматривались вопросы организации деятельности провинциальных музеев древностей, сохранения недвижимых и движимых культовых ценностей.

Для начала XX в. можно отметить некоторое расширение круга проблем охраны культурного наследия, обсуждавшихся на всероссийских археологических съездах. Предметами дискуссий были вопросы изменения законодательства в сфере охраны памятников старины, расширения полномочий научно-археологических обществ, профессиональной этики.

Характерной чертой научных программ VII–XV археологических съездов было внимание к обеспечению сохранения конкретных объектов. Основной формой деятельности съездов на этом направлении стала практика регулярных обращений в официальные инстанции для принятия необходимых охранных мер.

Глава 4

**ВОСПРИЯТИЕ ВСЕРОССИЙСКИХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ
ПРОВИНЦИАЛЬНЫМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ
(НА ПРИМЕРЕ ТАВРИЧЕСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ
КОМИССИИ)**

**§ 1. Оценка археологических съездов участниками –
членами Таврической ученой архивной комиссии**

Всероссийские археологические съезды были ярким событием интеллектуальной жизни России второй половины XIX – начала XX в. Работа очередного АС получала освещение в центральных и местных газетах, столичных научных журналах. Особый интерес представляют обзоры деятельности АС, опубликованные в провинциальной научной периодике и отражающие отношение специалистов и любителей древностей к археологическим съездам. Таврическая ученая архивная комиссия была одной из первых организаций этого типа. Сотрудники ТУАК активно занимались изучением и сохранением объектов культурного наследия Таврической губернии, регулярно участвовали в работе археологических съездов. «Известия» ТУАК стали площадкой для оперативного и регулярного представления впечатлений об очередном АС провинциальных исследователей, отражением их реакции на осуждение актуальных проблем российской археологии, в том числе вопросов сохранения культурного наследия. Анализ материалов, опубликованных в этом издании, позволяет получить целостную картину восприятия археологических съездов и их вклада в разработку принципов сохранения памятников старины адресной аудиторией.

Губернские ученые архивные комиссии (ГУАК) представляли собой особый тип научно-исторических обществ России конца XIX – начала XX в. Идея создания этих организаций принадлежала Н. В. Калачеву (1819–1885) и была связана с реформой ар-

хивного дела в Российской империи [413; 414, с. 135–138]. Деятельность ГУАК регламентировалась Положением Комитета министров от 13 апреля 1884 г. «Об учреждении ученых архивных комиссий и исторических архивов» [241, с. 188–189].

Инициатива учреждения ГУАК формально принадлежала губернатору, который исполнял обязанности неперемennого попечителя архивной комиссии [415, с. 126–128]. Этим ГУАК принципиально отличались от традиционных научно-исторических обществ, которые юридически не зависели от местной администрации. Структура ГУАК основывалась на модели, апробированной научными организациями России: председатель, товарищ председателя, правитель дел, казначей, почетные и действительные члены [Там же, с. 127].

Основная задача ГУАК состояла в обеспечении сохранения в собственных архивах ценных исторических документов губернских и уездных учреждений, утративших практическое значение [241, с. 189; 416, с. 30–35]. Положение от 13 апреля 1884 г. допускало возможность включать в круг занятий комиссий выявление, изучение и сохранение других объектов историко-культурного наследия [417, с. 57]. Члены ГУАК проводили археологические раскопки, изучали памятники архитектуры, осуществляли археографические и этнографические исследования. Кроме архивов, в структуру ГУАК могли входить музеи и библиотеки [418–420].

В 1884 г. свою деятельность начали Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тверская комиссии. В последующие годы были учреждены Костромская (1885), Саратовская (1886), Нижегородская, Оренбургская и Таврическая (1887) губернские ученые архивные комиссии [421, с. 377, 389–422]. Таким образом, ГУАК входит в число первых ГУАК, основанных на начальном этапе реформы архивного дела [37, с. 126–137; 422, с. 4–5]. Всего в Российской империи действовали 39 губернских ученых архивных комиссий [421, с. 377]. В 1918–1920 гг. ГУАК либо прекратили существование, либо подверглись реорганизации [423, с. 6]. ГУАК, по решению ее членов, 23 марта 1923 г. была преобразована в Таврическое общество истории, археологии и этнографии, ликвидированное в 1931 г. [209, с. 82].

Впервые официальное участие представителей архивных комиссий (Рязанской, Тверской и Тамбовской) на археологическом съезде имело место в 1887 г. на VII Археологическом съезде в Яро-

славле [231, с. 22]. Формально участие ТУАК в работе съездов началось с VIII Археологического съезда (Москва, 1890) [244, с. 26]. Однако для членов Таврической архивной комиссии посещение конференций российских археологов не было абсолютно новой формой научной жизни. Так, на VI Археологическом съезде в Одессе (1884) присутствовали будущий правитель дел ТУАК (1887–1891) Ф. Ф. Лашков (1858–1917) и член комиссии Ал. И. Маркевич [209, с. 113–128; 424, с. LVII]. Последний принял участи в работе съезда в Ярославле (1887), на котором побывал и член ТУАК Х. П. Ящуржинский (1852–1923) [231, с. 25, 28].

Стоит отметить, что вопросы, касавшиеся деятельности губернских ученых архивных комиссий, а также проблемы архивоведения, обсуждались как на пленарных заседаниях, так и на специализированных секциях. Начиная с VIII Археологического съезда в Москве (1890), функционировало отделение «Памятники языка и письменности» (с 1902 г. – «Археография и архивоведение»). Так как интересы членов архивных комиссий не ограничивались рамками архивоведческой тематики, они представляли доклады и на заседаниях других секций [57, с. 90].

Особое внимание российские архивисты уделяли вопросам организации деятельности губернских комиссий, координации их работы. Так, на VII Археологическом съезде было организовано «частное совещание» (вне официальной программы) «для решения некоторых общих вопросов» [Там же, с. 99]. В его работе принял участие член ТУАК Х. П. Ящуржинский. На заседании ТУАК 27 августа 1887 г. он сообщил коллегам, что на «совещании» были рассмотрены три вопроса: «1) какие документы подлежат сохранению и каким критерием пользоваться при разборе архивов; 2) как возбудить интерес интеллигентного общества к трудам архивных комиссий; 3) как поддерживать сношения между существующими уже архивными Комиссиями» [425, с. 2].

На этом же съезде Х. П. Ящуржинский на заседании отделения «Древности исторические, географические и этнографические» представил доклад «Остатки язычества в погребальных обрядах Малороссии» и активно обсуждал сообщения других докладчиков [426, с. 61–71].

В 1890 г. на VIII Археологическом съезде в Москве Таврическую ученую архивную комиссию представлял правитель дел ТУАК Ф. Ф. Лашков [427, с. 143]. Крымский исследователь выступил с секционным докладом, посвященным анализу дипломатических документов, характеризующих отношения Крымского ханства и Московского государства в XVI–XVII вв. [428]. Большой интерес участников съезда вызвал второй доклад Ф. Ф. Лашкова, в котором он представил проект преобразований губернских ученых архивных комиссий [429]. По мнению современных историков, предложения Ф. Ф. Лашкова, вызвавшие бурное обсуждение, отражали передовые представления о принципах организации архивного дела. Кроме того, это был первый оформленный проект реорганизации архивных комиссий [57, с. 100; 82, с. 583–584].

На IX Археологическом съезде в Вильно (1893) официальным делегатом Таврической ученой архивной комиссии был Арсений Иванович Маркевич (1855–1942, правитель дел ТУАК с 31 октября 1891 г., председатель с 5 ноября 1908 г.) [38]. Фактически Таврическая комиссия была представлена шире. Так, профессор Новороссийского университета Ал. И. Маркевич и Х. П. Ящуржинский входили в состав делегации Одесского общества истории и древностей. Кроме того, на съезде присутствовал член ТУАК Ф. Я. Ребец (?–1899) – от Историко-географического музея при Симферопольской гимназии [267, с. 6–8].

Члены ТУАК приняли участие в организации работы съезда: Х. П. Ящуржинский исполнил обязанности секретаря двух заседаний отделения «Памятники языка и письменности» (9 и 13 августа 1893 г.); Ал. И. Маркевич – почетного председателя заседания отделения «Первобытные древности» (9 августа), Ар. И. Маркевич – почетного председателя отделения «Памятники быта» (13 августа) [275; 430–432].

Как и на предшествующих съездах, члены ТУАК (Ал. И. Маркевич, Ар. И. Маркевич, Х. П. Ящуржинский) участвовали в научных дискуссиях. Ал. И. Маркевич прочитал доклад по исторической этногеографии Северного Причерноморья (общее собрание, 2 августа) [433; 434]. Х. П. Ящуржинский выступил с сообщением о некоторых мифологических сюжетах белорусских народных сказок (3 августа,

отделение «Древностей исторических, географических и этнографических» [435].

Представителем ТУАК на X Археологическом съезде в Риге (1896) был О. Ф. Ретовский (директор Феодосийского музея древностей в 1878–1900 гг.). Ал. И. Маркевич присутствовал на съезде как делегат Одесского общества истории и древностей и Историко-филологического общества при Новороссийском университете. Кроме них, на X Археологическом съезде были члены ТУАК, избранные в состав комиссии за научные заслуги по изучению истории и археологии Крыма, но не принимавшие активного участия в ее деятельности, например, Ю. А. Кулаковский (член ТУАК с 21 сентября 1895 г.), А. В. Орешников (с 23 февраля 1889 г.) [283, с. 6–25].

Ал. И. Маркевич выступил дважды. На заседании отделения «Быт домашний, юридический, общественный и военный» (3 августа 1896 г.) он представил сообщение о русском городке XVII в. Рига на Дону [436; 437]. Второй его доклад был посвящен истории чеканки русских монет в Ливонии в середине XVII в. и прозвучал 14 августа 1896 г. на совместном заседании отделений «Древности историко-географические и этнографические» и «Нумизматики и сфрагистики» [438; 439]. Также Ал. И. Маркевич был почетным председателем отделения «Древности историко-географические и этнографические» 13 августа [440].

О. Ф. Ретовский присутствовал на съезде без доклада. Важно отметить, что 10 августа 1896 г. он принял участие в «частном заседании» членов губернских архивных комиссий, на котором вновь обсуждались вопросы реорганизации архивного дела в провинции [441, с. 164–165].

Археологический съезд 1899 г. в Киеве (XI) не мог не привлечь внимания членов ученых архивных комиссий. На его заседаниях планировалось обсудить ряд важных вопросов организации архивного дела в России, в том числе проект реформы, разработанный Д. Я. Самоквасовым [57, с. 100–102; 82, с. 584–585].

Таврическую ученую архивную комиссию на XI съезде представляли Н. И. Веселовский (член ТУАК с 26 сентября 1889 г.), Ю. А. Кулаковский, Ал. И. Маркевич, Ар. И. Маркевич, О. Ф. Ретовский, Х. П. Яшуржинский. Некоторые члены деле-

гации одновременно выступали от лица других учреждений. Так, Н. И. Веселовский входил в группу преподавателей Санкт-Петербургского университета, являясь профессором этого учебного заведения, а Ю. А. Кулаковский – университета св. Владимира. Ал. И. Маркевич представлял Одесское общество истории и древностей, а также Историко-филологическое общество при Новороссийском университете (последнее – совместно с Х. П. Ящуржинским) [304, с. 36].

Члены ТУАК приняли участие в организации работы съезда. Ал. И. Маркевич исполнил обязанности почетного председателя заседания отделения «Памятники письма и языка» (4 августа 1899 г.), Ю. А. Кулаковский – председателя отделения «Древности византийские, классические и западноевропейские» (5 августа 1899 г.) [442; 443].

Не считая столичных и киевских депутатов ТУАК, с докладами на заседаниях XI Археологического съезда выступили Х. П. Ящуржинский (этнографической тематики, 9 августа 1899 г.) и Ал. И. Маркевич. Алексей Иванович представил анализ проблем организации охраны памятников старины в России, рассмотрел опыт работы научных обществ в Крыму и высказал предложения по совершенствованию охранной деятельности [306; 444].

Официальная делегация ТУАК на XII Археологическом съезде в Харькове (1902) состояла из Д. И. Багалея, А. Н. Ильина (председатель комиссии в 1896–1908), Г. Я. Есиповича и Ал. И. Маркевича [320, с. 249]. Д. И. Багалея представлял также Харьковский университет [Там же, с. 247]. Г. Я. Есипович отсутствует в списке участников АС, а какой-либо активности А. Н. Ильина в протоколах заседаний не отмечено. Вероятно, они не приезжали в Харьков. Однако в протоколах зафиксировано участие в работе XII Археологического съезда Ар. И. Маркевича [445, с. 345].

Делегаты ТУАК были задействованы в организации работы XII Археологического съезда. Д. И. Багалея выполнил функции председателя ученого комитета и председателя секции «Быта хозяйственного и домашнего, юридического, общественного и военного» [321, с. 245–246]. Ал. И. Маркевич был приглашен почетным председателем заседания отделения «Древности историко-географические и юридические» (17 августа 1902 г.) [446].

Кроме того, он согласился вместо А. С. Лебедева председательствовать на заседаниях секции «Памятники археографические» [322, с. 296]. Эти обязанности он выполнил 23 и 26 августа 1902 г. Секретарем этих заседаний был Ар. И. Маркевич [445, с. 345–350; 447].

На XII Археологическом съезде Д. И. Багaley представил три доклада: «Об археологической карте Харьковской губернии» (24 августа), «Основание города Харькова» и «О картографической выставке» (26 августа) [331; 448; 449]. Ал. И. Маркевич в сообщении «О бывшей Хотинской крепости» 24 августа 1902 г. на заседании секции «Древности историко-географические и этнографические» описал состояние памятника [337].

Для участия в XIII Археологическом съезде (Екатеринослав, 1905) ТУАК делегировала А. Н. Ильина, Ар. И. Маркевича и Л. П. Колли (1849–1917) [209, с. 105–109; 450, с. III]. А. Н. Ильин в работе съезда не участвовал [451, с. 153]. Л. П. Колли присутствовал без доклада. Ар. И. Маркевич представил сообщение «К истории крымских архивов» на заседании отделения «Археография и архивоведение» 18 августа 1905 г. Основное внимание исследователь уделил характеристике и анализу причин утраты архивных материалов в период Крымской войны [452].

Официальными представителями ТУАК на XIV Археологическом съезде в Чернигове (1908) были Д. Я. Самоквасов, Ар. И. Маркевич и И. Ф. Ерофеев (преподаватель Симферопольской мужской гимназии, правитель дел комиссии в 1908–1911 гг.) [363, с. 5]. Д. Я. Самоквасов был избран почетным председателем отделения «Древности первобытные», принимал активное участие в работе других отделений, а также специальной комиссии съезда для подготовки инструкции по проведению археологических раскопок [364, с. 11; 372, с. 93–111]. Ар. И. Маркевич исполнял обязанности секретаря отделения «Археография и архивоведение» [364, с. 11; 453]. На XIV съезде присутствовали члены ТУАК И. А. Линниченко и Х. П. Ящуржинский в качестве делегатов от Одесского общества истории и древностей [363, с. 1]. Оба исследователя приняли участие в организации работы отделения «Древности историко-географические и этнографические»: И. А. Линниченко – председатель, а Х. П. Ящуржинский – секретарь [364, с. 11]. Кроме того, И. А. Линниченко 4 августа 1908 г. на засе-

дании отделения «Памятники искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики» сделал доклад о раскопках В. В. Хвойко в Киеве, вызвавший большой интерес и обсуждение проблем сохранения средневековых памятников в районе Десятинной церкви [381, с. 58–64]. Х. П. Ящуржинский выступил с сообщением «Украинские заговоры от уроков» 7 августа 1908 г. (отделение «Древности исторические и этнографические») [454].

На XV Археологическом съезде в Новгороде (1911) в делегацию ТУАК вошли Х. П. Ящуржинский (одновременно представлял Одесское общество истории и древностей, Историко-филологическое общество при Новороссийском университете), И. А. Линниченко (также – Новороссийский университет) и П. В. Маслов [392, с. 42–43, 66]. В период работы съезда И. А. Линниченко как почетный председатель заседания отделения «Археология и архивоведение» 30 июля 1911 г. обратился к присутствующим с речью о неудовлетворительном состоянии отечественных архивов, обратив особое внимание на нерешенность кадровых вопросов в этих учреждениях [455, с. 143–144]. Позже (2 августа) он прочитал на общем заседании съезда доклад «О подделке древностей» [456; 457]. Х. П. Ящуржинский выступил 31 июля 1911 г. с сообщением «Почитание умерших в Малороссии (культ предков)» на секции «Древности историко-географические и этнографические», а также активно учувствовал в обсуждении ряда докладов по вопросам этнографии [458].

Стоит отметить, что на стадии подготовки XV Археологического съезда предварительный комитет обратился (24 ноября 1910 г.) в Таврическую ученую архивную комиссию с предложением отправить в Новгород на выставку, сопровождавшую работу съезда, «какие-либо предметы и рукописи» [459, с. 130–131]. Однако ТУАК сообщила комитету, что не имеет возможности предоставить вещи и организовать их доставку в Новгород [460, с. 9].

Обзоры деятельности археологических съездов представлены в «Известиях» Таврической ученой архивной комиссии материалами двух типов: 1) отчетами, как правило, краткими, зафиксированными в протоколах заседаний ТУАК; 2) развернутыми рецензиями. Во всех случаях авторами сообщений и статей были непосредственные участники соответствующих научных форумов.

В протоколах отмечены выступления Х. П. Ящуржинского (3), Ар. И. Маркевича (3), Ф. Ф. Лашкова (1), О. Ф. Ретовского (1), Ал. И. Маркевича (1). Члены комиссии информировали коллег о работе VII Археологического съезда в Ярославле (Х. П. Ящуржинский), VIII Археологического съезда в Москве (Ф. Ф. Лашков), IX Археологического съезда в Вильно (Ар. И. Маркевич), X Археологического съезда в Риге (О. Ф. Ретовский), XI Археологического съезда в Киеве (Х. П. Ящуржинский, Ал. И. Маркевич), XII Археологического съезда в Харькове (Ар. И. Маркевич), XIV Археологического съезда в Чернигове (Х. П. Ящуржинский, Ар. И. Маркевич). Как правило, в выступлениях давалась общая оценка очередного съезда, а также рассматривались наиболее интересные, по мнению участников, доклады, темы и рабочие моменты. Исключениями являются протоколы от 15 ноября 1899 г. (XI Археологический съезд) и от 28 января 1909 г. (XIV Археологический съезд), в которых отмечены только сами факты представления информации о съездах. Такая краткость компенсировалась публикациями полного текста сообщений Х. П. Ящуржинского, Ал. И. Маркевича и Ар. И. Маркевича [425, с. 2–3; 427, с. 143–147; 441, с. 162–166; 461–464].

В рецензиях, опубликованных на страницах «Известий» ТУАК, освещена работа X Археологического съезда (Ал. И. Маркевич), XI Археологического съезда (Х. П. Ящуржинский, Ал. И. Маркевич), XIII Археологического съезда (Ар. И. Маркевич), XIV Археологического съезда (Х. П. Ящуржинский, Ар. И. Маркевич). Статьи отличаются друг от друга по принципам изложения материала. Так, для Ар. И. Маркевича (XIII–XIV Археологические съезды) характерно стремление представить общий обзор основных направлений деятельности научных форумов [465; 466]. Х. П. Ящуржинский предпочитал предметно-тематический подход. В очерке, посвященном XI Археологическому съезду, он сконцентрировал внимание на докладах по архивному делу, а в работе XIV Археологического съезда его внимание привлекли выступления антиковедов [467; 468]. Промежуточную позицию занимал Ал. И. Маркевич в двух его рецензиях представлены обзоры докладов, связанных с историей и археологией Северного Причерноморья (на X и XI Археологических съездах) [294, с. 38–48; 469].

Впервые материалы, отражающие деятельность археологических съездов, были представлены в «Известиях» ТУАК как краткое изложение впечатлений члена комиссии Х. П. Ящуржинского в протоколе заседания 27 августа 1887 г. о VII Археологическом съезде. Данная публикация интересна тем, что содержит информацию о не официальном (вне программы) собрании членов губернских ученых комиссий. На нем осуждались перспективы научных исследований и организации охраны памятников старины этими организациями [57, с. 99; 425, с. 2–3]. Важность данного сообщения, к сожалению краткого, обусловлена отсутствием сведений о «частном заседании» в протоколах VII Археологического съезда.

Х. П. Ящуржинский информировал коллег по ТУАК, что собравшиеся пришли к общему решению: при рассмотрении архивных дел, подлежащих уничтожению в провинциальных учреждениях, отбирать для постоянного хранения губернскими комиссиями материалы, имеющие значение источников по широкому спектру исторических, историко-географических и этнографических вопросов. При этом участники собрания решили руководствоваться принципом максимально полного сохранения таких документов: «чем более будет сохранено материалов для истории, тем лучше, а потому не следует применять слишком строгой критики относительно достоинства разбираемых документов» [425, с. 3].

На «частном заседании» был рассмотрен вопрос о необходимости популяризации результатов деятельности губернских ученых комиссий. Основным способом достижения этой цели были признаны публикации краеведческой тематики, выполненные членами комиссий. Кроме того, архивисты признали необходимость организации регулярного обмена печатными изданиями между губернскими комиссиями и их членами [Там же].

Сообщение Ф. Ф. Лашкова о VIII Археологическом съезде в Москве (1890), сделанное на заседании ТУАК 31 января 1890 г., опубликованное в протоколах комиссии, содержит подробности организации съезда и сведения о некоторых аспектах научной программы форума [427, с. 143–145].

В частности, Ф. Ф. Лашков информировал коллег, что Таврическая комиссия предоставила для выставки VIII съезда вещи, по-

лученные при раскопках «в лощине между Керменчиком (древний Неаполис) и Симферополем» [Там же, с. 143]. Обращает на себя внимание система учета археологических находок по группам однотипных артефактов. Ф. Ф. Лашков упоминает 19 «разных образцов древности», в то время как в «Каталоге выставки» они сгруппированы по 23 пунктам [427, с. 143; 470, с. 76–77]. Фактически экспозиция ТУАК состояла из 42 предметов, считая три низки бус. Под общим номером фигурируют «три ручных браслета», «три кольца», «три фрагмента фибул» и др. [470, с. 76–77]. Передача вещей осуществлялась лично Ф. Ф. Лашковым «заведующей выставкой» П. С. Уваровой «по описи» [427, с. 143]. Такой подход должен был гарантировать сохранность экспонатов и их возвращение владельцу (ТУАК).

На VIII съезде впервые функционировало специальное отделение, на заседаниях которого рассматривались вопросы архивоведения. Предложение выделить доклады по архивному делу в особую группу было озвучено на заключительном заседании VII Археологического съезда в Ярославле (1887) [230, с. 106]. В 1890 г. в программу съезда была включена секция «Памятники археографические» [245, с. 13]. Однако Ф. Ф. Лашков отметил, что для большинства членов губернских ученых архивных комиссий возможность собраться на одной секции оказалась неожиданной. В частности, депутаты комиссий запланировали пребывание на съезде в разные сроки, что помешало организовать полномасштабное обсуждение общих проблем. Тем не менее в рамках официальных, а также на очередном «частном», организованном директором Московского архива Министерства юстиции Н. А. Поповым, заседаниях был рассмотрен ряд вопросов архивного дела и деятельности губернских архивных комиссий [427, с. 147].

Большое внимание Ф. Ф. Лашков уделил вопросам организации научного сотрудничества. Он продемонстрировал коллегам перспективы археологических съездов как площадки, предоставляющей возможности установления контактов со столичными и провинциальными учеными. В качестве примера Ф. Ф. Лашков доложил об успешном взаимодействии с сотрудниками Московского главного архива и его директором Ф. А. Бюлером (1821–1896) [Там же, с. 146–147].

При характеристике научной программы VIII съезда Ф. Ф. Лашков остановился только на двух направлениях. Прежде всего он дал обзор докладов архивоведческой тематики, сделанных на заседаниях отделения археографических памятников: собственного проекта организации работы губернских исторических архивов; А. Н. Львова (1848–1901) – о проблемах организации охраны документальных памятников, А. А. Гоздаво-Голумбиевского (1863–1913) – о методике учета и описания архивных документов [Там же, с. 144–146].

Значительно меньше внимания Ф. Ф. Лашков уделил докладам по археологическим вопросам, ограничившись констатацией факта обсуждения выступления В. Б. Антоновича о принципах составления губернских археологических карт [Там же, с. 145].

Доклад о занятиях IX Археологического съезда (Вильно, 1893) был сделан Ар. И. Маркевичем на собрании членов ТУАК 4 октября 1893 г. и опубликован в протоколе заседания [461, с. 118–124].

Ар. И. Маркевич, как и предшественники, обратился к характеристике некоторых аспектов организации научного мероприятия. Так, он осветил вопросы финансирования IX Археологического съезда, подчеркнув роль покровительства (в том числе финансового) съезду и публикации его материалов со стороны членов царствующего дома. Кроме того, он обратил внимание членов ТУАК на распространение информации о IX Археологическом съезде в прессе и опубликованных протоколах заседаний [Там же, с. 118].

Ар. И. Маркевич отметил, что, несмотря на успешную работу археографического отделения, депутаты ученых архивных комиссий не смогли организовать особого заседания для рассмотрения актуальных проблем своей деятельности. Тем не менее вопросы теории и практики архивного дела обсуждались в ряде докладов (Д. Я. Самоквасова, А. Н. Львова, Н. И. Васильева, В. М. Площанского). Ар. И. Маркевич подчеркнул необходимость консолидации ученых архивных комиссий, в том числе для упрочения их юридического статуса и материального положения [Там же, с. 118–120].

Стоит обратить внимание на то, что Ар. И. Маркевич представил развернутый обзор докладов, посвященных вопросам археологии. Прежде всего он выделил сообщения, в которых рассматривались памятники Северного Причерноморья: Ал. И. Маркевича (об

античной этногеографии региона), Ю. А. Кулаковского (о раннехристианских погребальных комплексах Керчи), Э. Р. фон Штерна (об эпиграфических памятниках Ольвии), Ф. И. Успенского (о готских древностях Крыма). В сфере интересов Арсения Ивановича оказались и выступления участников съезда, посвященные археологическим открытиям в Южной России. Также он обратил внимание коллег на доклады исследователей, затронувших вопросы методики археологических изысканий: реферат С. С. Слуцкого (1861–1903) о классификации «каменных баб», Х. И. Попова (1834–1925) о соотношении данных письменных и вещественных источников), интерпретации археологических материалов (погребальных комплексов) – В. Б. Антоновича, В. З. Завитневича. Краткое изложение содержания докладов Ар. И. Маркевич дополнил информацией о научных дискуссиях, которые их сопровождали. Арсений Иванович особо указал на обсуждение проблемы обеспечения сохранности древностей Ольвии, рассмотренной в выступлениях Ю. А. Кулаковского и Э. Р. фон Штерна [Там же, с. 120–123].

Общая оценка IX Археологического съезда, сделанная Ар. И. Маркевичем: «Съезд ... вышел удачным, как по значительному числу членов, так и по количеству доложенных на нем рефератов» [Там же, с. 118].

Работа X Археологического съезда (Рига, 1896) была освещена на страницах «Известий» ТУАК в изложении выступления О. Ф. Ретовского в протоколе заседания комиссии от 4 октября 1896 г., а также в обзоре Ал. И. Маркевича докладов по истории и археологии Южной России [294, с. 38–48; 441, с. 162–166].

Оба автора сочли нужным подчеркнуть направленность научной программы X Археологического съезда на освещение древностей Прибалтики. Так, О. Ф. Ретовский констатировал, что «за исключением нескольких общих вопросов, большинство их (докладов. – *А. III.*) касалось древностей специально прибалтийского края» [441, с. 162]. Ал. И. Маркевич заострил внимание на содержании научных программ АС, ориентированных на представление результатов региональных исследований. По его мнению, «такой характер съездов делает их, пожалуй, более интересными» и дает «сильный толчок последующей местной работе» [294, с. 38–39]. При этом он указал на отрицательные стороны

такого подхода. По его мнению, ученые, желавшие выступить с докладами, были вынуждены искусственно искать связь своих разработок с территориально ограниченным направлением исследований. Кроме того, Ал. И. Маркевич отметил, что участники съездов интересуются прежде всего, докладами по общим вопросам и выступлениями, тематически совпадающие с их собственными научными интересами [Там же].

Возможно, некоторое разочарование от доминирования «прибалтийской» темы съезда привело к тому, что члены ТУАК не стали характеризовать организацию работы X Археологического съезда, выставку древностей и экскурсионную программу.

Большой интерес имеет информация О. Ф. Ретовского о неформальных заседаниях членов архивных комиссий 10 и 11 августа 1896 г. под руководством профессора Харьковского университета Д. И. Багалея. Собравшиеся обсудили ряд вопросов, касающихся принципов существования губернских ученых архивных комиссий и их архивов. Также были затронуты некоторые аспекты археологических исследований, проводимых членами этих организаций. Так, участники заседания 11 августа 1896 г. обратились к проблеме популяризации деятельности архивных комиссий. Они приняли решение представлять на очередных археологических съездах сводный отчет о результатах своих научных и практических работ в области архивного дела и археологии. В тот же день активно обсуждалось письмо сотрудника Санкт-Петербургского археологического института Н. С. Ланского о перспективах деятельности ГУАК. В частности, он предложил «удалить из сферы действий ученых архивных комиссий археологию и занятие это поручить другому учреждению» [441, с. 165]. По его мнению, основная задача ГУАК – сохранение архивных материалов, в то время как они «занимаются более всего археологию, между прочим раскопками курганов» [Там же]. Эта идея была категорически отвергнута участниками заседания на основании того, что ограничение круга научных занятий комиссий приведет к общему упадку их деятельности в условиях дефицита кадров, готовых заняться научными исследованиями в провинции [Там же, с. 165–166].

О. Ф. Ретовский, характеризуя научную программу X Археологического съезда, отметил только три доклада, имевших прямое отношение к истории Крыма [Там же, с. 163–164]. Ал. И. Маркевич попытался рассмотреть все сообщения, связанные с древностями Южной России. Так, он выделил крымоведческие выступления; рефераты, посвященные южнорусским памятникам; славяноведческие исследования; доклады по истории Малороссии «литовско-польского периода» и искусствоведению [294, с. 39–48]. Стоит отметить, что вопросам археологии и охраны памятников были посвящены менее половины рассмотренных им работ.

Особое внимание О. Ф. Ретовский и Ал. И. Маркевич уделили докладу Э. Р. фон Штерна о возможности идентификации поддельных артефактов античного времени. Так, они подчеркнули актуальность работы в связи с широким распространением на антикварном рынке фальшивых керамических изделий, золотых вещей и памятников эпиграфики, производившихся «умельцами» в городах Северного Причерноморья. По мнению О. Ф. Ретовского, Э. Р. фон Штерн не рассмотрел признаки нумизматических подделок, что является единственным недостатком его реферата. Ал. И. Маркевич высказал мнение, что текст доклада Э. Р. фон Штерна необходимо распространить среди отечественных и иностранных ученых, музейных работников и коллекционеров [294, с. 42–43; 441, с. 163].

О. Ф. Ретовский и Ал. И. Маркевич высоко оценили выступление профессора Юрьевского университета В. К. Мальмберга (1860–1921) о происхождении произведений искусства, найденных на античных памятниках Северного Причерноморья. Они обратили внимание на тщательность анализа источников и аргументированность выводов докладчика [294, с. 42; 441, с. 164]. Оба рецензента критически отнеслись к сообщению профессора Казанского университета Ф. Г. Мищенко (1847–1906) «Известия Геродота о внескифских землях России». О. Ф. Ретовский деликатно заключил, что приведенные докладчиком доказательства «во многих случаях <...> недостаточно вески» [441, с. 164]. Ал. И. Маркевич был более категоричен и сделал вывод, что исследование противоречит принципам «современной исторической критики», а дискуссия, вызванная выступлением известного уче-

ного, была «повторением уже известных науке аргументов и нового ничего в археологию Скифии не внесла» [294, с. 41].

Суммируя общее впечатление от X Археологического съезда, Ал. И. Маркевич снова подчеркнул его значение для исследований и популяризации памятников Прибалтийского региона, а О. Ф. Ретовский высказал мнение, что его итоги окажут влияние на развитие провинциальных музеев и деятельности ученых архивных комиссий [294, с. 48; 441, с. 166].

Впечатления об XI Археологическом съезде (Киев, 1899) были представлены членам ТУАК на заседании 15 ноября 1899 г. участниками научной программы съезда Ал. И. Маркевичем и Х. П. Ящуржинским и опубликованы в виде развернутых обзоров в «Известиях» комиссии [462, с. 120]. Х. П. Ящуржинский сконцентрировал внимание исключительно на обсуждение аспектов реформы архивного дела, которые обсуждались на ряде заседаний [467]. Как отмечают современные исследователи, XI Археологический съезд имел принципиальное значение для развития архивоведения в России, положив начало масштабному обсуждению проекта реформирования этой сферы [57, с. 100–102; 82, с. 584–585]. Большой интерес, выразившейся в публикации специального обзора дискуссий о реорганизации системы российских архивов, был вполне естественным для членов архивных комиссий. Ал. И. Маркевич представил общий анализ работы съезда и наиболее значимых, по его мнению, докладов по истории и археологии Северного Причерноморья [469, с. 65–79].

В первую очередь Ал. И. Маркевич дал оценку организации работы XI Археологического съезда. К числу достоинств он отнес присутствие большого числа зарубежных в основном славянских, ученых из Болгарии, Австро-Венгрии, Германии и др. Также он высоко оценил обращение участников съезда к общим вопросам археологии (прежде всего о преподавании этой науки в российских университетах) и охраны памятников [Там же, с. 69–70].

По мнению Ал. И. Маркевича, организационных неудач оказалось значительно больше, чем успехов. Так, продолжительность XI Археологического съезда оказалась слишком длинной (3 недели вместо традиционных двух). Такое решение руководители Московского археологического общества приняли, надеясь

организовать экскурсии по памятникам Западной Украины, которые не состоялись. Осмотру древностей Киева и окрестностей помешала дождливая погода. В результате многие участники съезда разъехались по домам, не дождавшись завершения его работы, а оставшиеся в значительной мере утратили интерес к научным дискуссиям [Там же, с. 65–66]. Во многом недочеты в организации деятельности XI Археологического съезда, по мнению Ал. И. Маркевича, были обусловлены бездействием распорядительного комитета, который устранился от выполнения своих обязанностей [Там же, с. 67].

Ал. И. Маркевича посчитал неудачным выбор региональной специфики съезда. На подготовительной стадии предполагалось широкое привлечение ученых Волынского края и знакомство с памятниками этого региона. Однако эти исследователи отказались участвовать в научной программе XI Археологического съезда, несмотря на разрешение предварительного комитета представить их доклады на украинском языке. При этом Ал. И. Маркевич отметил, что зарубежные специалисты предпочитали выступать по-русски [Там же, с. 68–69].

Еще одна причина низкой оценки организации XI съезда Ал. И. Маркевичем заключалась в особенностях научной программы. Он обратил внимание на две существенные проблемы российской археологии, проявившиеся в общих тенденциях тематической подборки выступлений. С одной стороны, старение научных кадров привело к сокращению докладов по наиболее значимым и масштабным проблемам, повторению маститыми учеными идей, которые уже были признаны учеными кругами. С другой стороны, молодые специалисты фокусировали внимание на частных вопросах [Там же, с. 66].

Тем не менее Ал. И. Маркевич не мог не признать широкого тематического разнообразия научных сообщений, представленных на XI Археологическом съезде, и дал обзор рефератов, относящихся к истории и археологии Новороссийского края [Там же, с. 70]. Ученый последовательно рассмотрел наиболее интересные, с его точки зрения, доклады, посвященные основным историческим периодам региона. Стоит отметить, что в отличие от обзоров предшествующих съездов, он подробно охарактеризовал

несколько сообщений по вопросам археологии каменного века. Так, Ал. И. Маркевич обратил внимание на выступления преподавателя Московского университета Д. И. Эварницкого и профессора университета св. Владимира в Киеве Ф. И. Кнауэра (1849–1917) о раскопках погребальных комплексов в Южной России [Там же, с. 70]. Кроме того, Ал. И. Маркевич отметил важность проблем классификации керамики памятников первобытной эпохи, затронутых в реферате В. А. Городцова [Там же, с. 73].

Из общей массы докладов по истории и археологии Северного Причерноморья Ал. И. Маркевич выделил сообщение Э. Р. фон Штерна, в котором был представлен анализ археологических источников по истории греческих колоний на берегах Черного моря [Там же, с. 71–73]. Также высокую оценку он дал выступлению Ю. А. Кулаковского, посвященному анализу политической ситуации на Боспоре в XI–XII в. [Там же, с. 75–77].

Примечательно, что подводя итоги обзора научных достижений XI Археологического съезда, Ал. И. Маркевич сделал вывод, что из докладов по проблемам археологии Северного Причерноморья «существенное научное значение» имели только два вышеназванных реферата. Говоря о съезде в целом, он «нашел не особенно много рефератов с крупным научным значением» [Там же, с. 78].

В начале XX в. постоянным автором обзоров работы археологических съездов стал Арсений Иванович Маркевич. Его первым опытом в этом направлении стал очерк о XII Археологическом съезде (Харьков, 1902), опубликованный в протоколе заседания комиссии от 4 декабря 1902 г. [463, с. 81–101].

Выбор Харькова для проведения очередного АС Арсений Иванович оценил как полностью оправданный и удачный во многих отношениях. Так, он указал на большое значение для отечественной истории и археологии древностей «половецкой степи» (Слободской Украины), а также на плохую изученность местных памятников. Он подробно рассмотрел исследовательские проекты периода подготовки XII Археологического съезда и открытия, сделанные археологами в ходе их реализации [Там же, с. 82].

Ар. И. Маркевич обратил внимание на то, что подготовка и проведение съезда осуществлялось силами Харьковского университета и историко-филологического общества при широкой под-

держке общественности города и всего региона. Результатом этого взаимодействия стала организация представительной выставки местных древностей. Кроме того, съезд получил значительную материальную помощь от земских учреждений [Там же, с. 83]. Высокая положительная оценка была дана Ар. И. Маркевичем экскурсии участников съезда на Днепровское городище [Там же, с. 100].

Ар. И. Маркевич представил развернутую картину научной программы XII Археологического съезда. В связи с тем, что съезд проходил в одном из регионов Южной России, значительная часть докладов была посвящена проблемам истории и археологии этого региона, что совпадало с интересами членов ТУАК. Ар. И. Маркевич считал нужным заострить внимание на нескольких направлениях: славянская археология (В. В. Хвойко, В. З. Завитневич, В. А. Городцов, В. И. Сизов, Е. Н. Мельник-Антонович и др.), изучение памятников кочевников (А. М. Покровский, П. И. Веселовский), первобытные древности (Э. Р. фон Штерн, В. А. Городцов), исследования и охрана Херсонесского городища (Н. И. Троицкого) [Там же, с. 83–88, 91–92]. Доклады по вопросам археографии, архивного дела, античной и средневековой археологии он не стал рассматривать подробно, ограничившись их перечислением [Там же, с. 92–99]. Особое внимание Ар. И. Маркевич обратил на успех сообщений по этнографии. По-видимому, они произвели настолько сильное и благоприятное впечатление на симферопольского ученого, что он сделал вывод: «Несмотря на обилие и большой научный интерес рефератов по археологии, гвоздем Харьковского съезда были труды и доклады по этнографии» [Там же, с. 89].

Подводя итоги, Ар. И. Маркевич заключил, что Харьковский съезд имел бесспорный успех. Одной из его особенностей было активное участие молодых исследователей памятников Южной России. Кроме того, он указал на принципиальное значение съезда как площадки для обмена мнениями ученых из разных регионов России. По его мнению, дискуссии, сопровождавшие доклады «часто более освещали вопрос, чем рефераты и их авторы» [Там же, с. 99].

XIII Археологический съезд (Екатеринослав, 1905) прошел на фоне событий разворачивавшейся революции. Обзор деятельности съезда был представлен Ар. И. Маркевичем в специальном

очерке [465]. Прежде всего он отметил некоторые особенности организации форума, обусловленные политической ситуацией в стране. Так, Арсений Иванович констатировал, что на съезд приехало в два раза меньше участников, чем на предшествующий Харьковский [Там же, с. 115]. Он обратил внимание и на то, что многие известные ученые не прибыли в Екатеринослав, а другие – не выступали с докладами [Там же, с. 115–123]. По его мнению, неудачным оказался выбор Екатеринослава, в окрестностях которого не было известных и интересных памятников археологии, отсутствовали традиции изучения местной истории и археологии, не удалось получить поддержку XIII Археологическому съезду со стороны местной общественности [Там же, с. 115]. Ар. И. Маркевич отметил некорректное поведение некоторых участников, проявившееся «в бестактной и неуместной подаче некоторыми лицами, мало причастными науке, заявления или протеста по поводу отсутствия на съезде представителей Галичины и Буковины» [Там же, с. 122].

Благоприятное впечатление на рецензента произвели такие аспекты работы XIII Археологического съезда, как высокий научный уровень докладов, обсуждение членами архивных комиссий актуальных вопросов их статуса и организации работы, презентации книжных новинок и чествование профессора В. Б. Антоновича в связи с 30-летием его научной деятельности [Там же, с. 122–123].

По словам Ар. И. Маркевича, на XIII Археологическом съезде четко прослеживалась тенденция, характерная для съезда в Харькове, представлять материалы по археологии, истории и этнографии Южной России [Там же, с. 115]. В обзоре научной программы он кратко охарактеризовал наиболее интересные, по его мнению, доклады: по первобытной археологии (В. Е. Данилевич и др.), трипольской культуре (Э. Р. фон Штерн, В. В. Хвойко), исследованиям памятников раннего железного века и античности (Э. Р. фон Штерн, А. А. Иванчин-Писарев, Е. Н. Мельник-Антонович, Л. В. Падалка, В. Г. Ляскоронский), изучению памятников архитектуры (Г. Г. Павлуцкий), археологии и архивному делу (И. М. Каманин, Л. М. Савелов, В. А. Беднов и др.), этнографии (Д. Н. Багалеи, П. М. Добровольский, П. И. Туховский) [Там же, с. 115–120].

В целом от XIII Археологического съезда Арсений Иванович получил двойственное впечатление, выразившееся в общей оценке форума: «Екатеринославский археологический съезд был не особенно блестящим», но «его нельзя назвать и неудачным» [Там же, с. 123].

Информация о работе XIV Археологического съезда (Чернигов, 1908) была представлена Ар. И. Маркевичем и Х. П. Ящуржинским членам ТУАК на заседании комиссии 28 января 1909 г. [464, с. 168]. В «Известиях» ТУАК Ар. И. Маркевич опубликовал общий обзор деятельности съезда, а Х. П. Ящуржинский – небольшую заметку о докладах, посвященных вопросам изучения трипольской культуры и античных центров Северного Причерноморья [466; 468].

В рецензии Ар. И. Маркевича содержатся интересные сведения об отношении представителей научных кругов России к выбору Московским археологическим обществом Чернигова как места проведения очередного съезда. Судя по всему, это решение воспринималось как не вполне удачное. Такое отношение сложилось на основании во многом априорного мнения, «что Чернигов не представляет интереса в археологическом отношении» [466, с. 138]. Кроме того, учитывалось, что три предыдущих съезды (XI – Киев, XII – Харьков, XIII – Екатеринослав) прошли в Южной России и очередной форум в этом регионе не вызвал большого интереса. Однако рецензент признал, что опасения ученых оправдались частично. Успех XIV Археологического съезда, по мнению Ар. И. Маркевича, был обусловлен тремя основными факторами. Во-первых, мероприятие получило существенную поддержку со стороны местной администрации и общественности города; во-вторых, съезд прошел на фоне празднования 1000-летия Чернигова, повысив обоюдный интерес его участников и местных жителей; в-третьих, гости положительно оценили экскурсионно-выставочную программу XIV Археологического съезда [Там же].

Так, прибывшие на съезд ученые были бесплатно поселены «в прекрасные помещения в пансионах местных заведений», несмотря на наличие свободного времени (из-за небольшого числа докладов), оно «проходило приятно, незаметно» [Там же, с. 144–145]. Ар. И. Маркевич отметил вклад Черниговской ученой ар-

хивной комиссии в организацию XIV Археологического съезда [Там же].

Юбилею Чернигова было посвящено специальное пленарное заседание съезда, на котором выступили с докладами видные российские историки (Е. В. Завитневич, Д. Я. Самоквасов, М. В. Довнар-Запольский, Г. Г. Павлуцкий), представившие свои взгляды на важные вопросы источниковедения, политогенеза, исторической географии и искусствоведения Древней Руси [Там же, с. 143].

Выставку XIV Археологического съезда Ар. И. Маркевич оценил как «превосходную», отметив репрезентативность материалов по этнографии Черниговской губернии и церковным древностям Малороссии. Однако он отметил и бедность собственно археологического отдела экспозиции [Там же, с. 144]. Участники съезда с интересом осмотрели раскопки Д. Я. Самоквасова (в черте города), памятники Троицкого и Елецкого монастырей [Там же, с. 145].

В то же время Ар. И. Маркевич обратил внимание на то, что участников XIV Археологического съезда было заметно меньше, чем в Вильно (1893) и Харькове (1902), хотя и больше, чем на предыдущем, Екатеринославском, АС. По его мнению, в Чернигове не удалось собрать представительное по научному значению докладчиков ядро конференции: «Мало было профессоров не только столичных университетов, но даже южных; из присутствовавших на съезде немногие профессора делали сообщения, и далеко не все участвовали даже в прениях» [Там же, с. 144]. Были недочеты и в организации работы XIV Археологического съезда. Прежде всего программа форума оказалась не сформированной и существенно корректировалась в ходе его работы [Там же, с. 140]. Кроме того, было отклонено предложение представителей архивных комиссий, организовать специальное заседание для рассмотрения проекта положения об этих учреждениях. Такое решение Ар. И. Маркевич назвал не обоснованным [Там же, с. 144].

Обратившись к научной программе XIV Археологического съезда, Ар. И. Маркевич выделил и кратко охарактеризовал наиболее интересные доклады по таким направлениям, как первобытная археология (Ф. К. Волков, В. А. Городцов,

В. Г. Ляскоронский, В. О. Пич), славяно-русская археология и история (Д. Я. Самоквасов, И. Е. Евсеев, И. А. Линниченко, Н. Н. Бороздин, Ф. П. Шелухин), этнография Южной России (Д. В. Айналов, А. А. Миллер), древнерусская архитектура (Д. В. Айналов, Г. Г. Павлуцкий, Ф. Ф. Горностаев) [Там же, с. 140–142]. Как правило, рецензент кратко характеризовал содержание представленных сообщений, а собственные комментарии давал в единичных случаях.

Например, Арсений Иванович указал, что доклад Ф. П. Шелухина «О названии Украина» вызвал разочарование заинтересованных слушателей, так как выводы автора были тенденциозными и недостаточно обоснованными [Там же, с. 142]. Сообщение Б. В. Фармаковского о раскопках в Ольвии Ар. И. Маркевич оценил как «чисто описательного характера» [Там же, с. 140]. Разочарование рецензента вызвали доклады отделений «Памятников языка и письма», которые были «специальны и сухи», и малое число выступлений по вопросам археологии и архивоведения [Там же, с. 142]. Выступления по вопросам изучения античных древностей Ар. И. Маркевич не стал рассматривать, предоставив эту возможность своему коллеге Х. П. Ящуржинскому.

Хрисанфом Петровичем была представлена информация о докладах по проблемам изучения памятников трипольской культуры (К. В. Хилинский, Э. Р. фон Штерн) и античных городов Северного Причерноморья (Б. В. Фармаковский – Ольвия, Э. Р. фон Штерн – Березань, А. А. Миллер – Танаис). Однако он ограничился только реферированием выступлений [468].

Общая оценка работы XIV Археологического съезда была дана Ар. И. Маркевичем. Не однократно подчеркнув общее благоприятное впечатление и успехи организаторов и участников научной программы, он счел нужным отметить, что съезд прошел как «преимущественно областной» [466, с. 144].

Стоит отметить, что обзоров деятельности XV Археологического съезда (Новгород, 1911) на страницах «Известий» ТУАК нет. Не исключено, что это связано с отсутствием в программе съезда докладов, имевших непосредственное отношение к Крыму [82, с. 585].

Анализ публикаций, посвященных всероссийским археологическим съездам в «Известиях» Таврической ученой архивной

комиссии, позволяет выявить ряд характерных черт представлений членов ТУАК об этой форме научной деятельности российских археологов конца XIX – начала XX в.

Впервые информация о работе археологического съезда (VII, Ярославль, 1887) была напечатана в протоколах заседаний ТУАК в год основания комиссии, когда официального представительства этой организации на АС еще не было. В последующие годы отмечается устойчивый интерес членов ТУАК к трудам этих форумов российских археологов. Представители комиссии, принимавшие участие в работе очередного АС, информировали коллег о научной программе, наиболее интересных докладах, особенностях организации съездов.

Эти сведения нашли отражения в публикациях разных жанров: протоколы, краткие сообщения, подробные обзоры-рецензии. Эти материалы представляют собой ценный источник по истории археологии в России. Они отражают впечатления непосредственных участников археологических съездов, зафиксированные и систематизированные сразу после завершения очередного АС. Важна и степень последовательности и целостности представления сведений, охватывающая восемь из пятнадцати АС. Также публикации членов ТУАК содержат сведения, не отраженные в официальных публикациях трудов съездов.

Регулярное участие членов Таврической ученой архивной комиссии в работе всероссийских археологических съездов позволило им в полной мере оценить значение этой формы организации науки. Практика информирования коллег по ТУАК о научных программах, принципах подготовки и проведения съездов способствовала признанию провинциальными исследователями и любителями древностей, важности широкого публичного обсуждения вопросов изучения и сохранения памятников старины.

Вполне логичным при этих обстоятельствах стало стремление крымских ученых организовать местный археологический съезд.

§ 2. Проекты организации археологического съезда в Крыму

Идея организации Всероссийского археологического съезда в Крыму была озвучена правителем дел Таврической ученой архивной комиссии Арсением Ивановичем Маркевичем в 1893 г., после IX Археологического съезда в Вильно. На заседании ТУАК 4 октября 1893 г. он отметил: «В заключение позволю себе высказать пожелание, чтобы следующий за имеющим быть в Риге X Археологическим съездом – XI Археологический съезд был устроен у нас в Крыму, и именно в 1898 или 1899 годах» [461, с. 124]. По мнению Арсения Ивановича, это мероприятие могло быть приурочено к 50-летию раскопок крымских памятников А. С. Уваровым (1848) [5, с. 249–251; 471]. Ар. И. Маркевич полагал, что этот юбилей «приличнее всего было бы ознаменовать устройством съезда в тех пределах, с которыми связаны первые труды его по археологии России» [456, с. 124]. Однако решение о проведении X Археологического съезда в Риге было Александром III [260].

В следующий раз вопрос о проведении съезда в Севастополе возник на фоне драматических событий 1905 г. Накануне XIII Археологического съезда в Екатеринославе П. С. Уварова получила информацию о готовящихся попытках представителей крайне правых кругов сорвать работу АС. Председатель Московского археологического общества немедленно выехала в Севастополь и обсудила там возможность экстренной организации съезда, вероятно, с главным командиром Черноморского флота и портов вице-адмиралом Г. П. Чухниным (1848–1906). Убедившись на месте в административной поддержке, наличии помещений для заседаний и размещения участников, П. С. Уварова отправилась в Екатеринослав для обсуждения возникшей ситуации с организаторами съезда и представителями местной администрации. По настоятельной просьбе екатеринославского губернатора А. Б. Нейдгарта (1863–1918) и после длительных дебатов, предварительный комитет принял решение не переносить работу АС в Севастополь [60, с. 185–186].

Практические шаги для организации очередного археологического съезда в Крыму были сделаны в 1908 г. Инициаторами проекта были профессор Новороссийского университета, член ТУАК И. А. Линниченко и академик, профессор Санкт-Петербургского университета А. И. Соболевский [38, с. 70–71]. Осенью 1908 г. в Таврическую ученую архивную комиссию поступило отношение Московского археологического общества (от 13 ноября) с просьбой дать оценку перспективе проведения XV Археологического съезда в Крыму. Руководство МАО интересовалось готовностью членов ТУАК принять участие в подготовке и проведении форума; сравнением потенциала Симферополя и Севастополя для размещения участников, проведения заседаний и выставки; отношением Таврического губернатора и земской администрации к деятельности археологического съезда [472, с. 159].

Обсуждение письма МАО состоялось на заседании ТУАК 28 ноября 1908 г. Местом возможного проведения съезда был выбран Симферополь. Члены ТУАК, губернатор, председатель земской управы единодушно поддерживали идею проведения съезда и высказали готовность всячески содействовать ее реализации [Там же, с. 159–160].

Предварительный комитет XV Археологического съезда, собравшийся в Москве 3 января 1909 г. был поставлен перед необходимостью выбора между Симферополем, Севастополем и Новгородом [388, с. 9]. По мнению Ар. И. Маркевича, представлявшего Таврическую ученую архивную комиссию на заседании предварительного комитета XV Археологического съезда, отсутствие консолидированной точки зрения на город, готовый принять будущий съезд в Крыму, было одним из факторов, повлиявших на решение комитета назначить местом проведения XV Археологического съезда Новгород. Кроме того, на заседании ТУАК 28 января 1909 г. он известил собравшихся о том, что подготовка научной общественности к такому выбору началась еще весной 1908 г., что изначально сделало проект «созыва съезда в Крыму, само собою... маловероятным» [464, с. 166–167]. Таким образом, предварительный комитет единогласно выбрал Новгород для проведения XV археологического съезда [388, с. 9–10].

Вторая попытка добиться от МАО организации очередного съезда в Крыму была предпринята Таврической ученой архивной комиссией в 1912 г. На этот раз было принято решение номинировать на место проведения съезда Севастополь [473, с. 59]. Предложение ТУАК не получило поддержки предварительного комитета XVI Археологического съезда, решившего провести будущий форум археологов в Пскове [38, с. 71; 474, с. 8].

Можно предположить, что отказ от предложения ТУАК был вызван спецификой отношений между Московским археологическим обществом и Императорской Археологической Комиссией [475, с. 32–38; 476, с. 75–78; 477, с. 526–527, 541–542]. В ведении Комиссии находились памятники Керчи (Пантикапей, курганы и др.) и Севастополя (Херсонесское городище). Не исключено, что руководство МАО опасалось обострения конфликта с ИАК в период проведения съезда в Крыму и стремилось этого избежать.

В этих условиях Таврическая ученая архивная комиссия переориентировалась на реализацию альтернативного проекта научной археологической конференции.

На заседании ТУАК 7 ноября 1913 г. было заслушано письменное обращение И. А. Линниченко, предложившего провести в Крыму региональный археологический съезд летом 1915 г. Ученый обещал поддержку коллег и личный финансовый вклад в размере 1000 руб. Члены комиссии поддержали идею. Для проведения подготовительной работы была создана специальная комиссия в составе Ар. И. Маркевича, Я. Т. Харченко (1853–1937), В. А. Иванова (1860–1919), А. Л. Бертье-Делагарда, М. А. Сулькевича (1865–1920), Р. Х. Лепера (1865–1918), Е. М. Гаршина (1860–1931), А. М. Дмитриевского (1879–?), А. П. Сердобольского (1865 – ок. 1922), А. Г. Назаревского (1849–1928) [478, с. 280–281].

Решение членов ТУАК опиралось на успешный опыт провинциальных исследователей центральной России. В начале XX в. Ярославской (1901), Тверской (1903), Владимирской (1906) и Костромской (1909) губернскими учеными архивными комиссиями были проведены четыре областных археологических (историко-археологических) съезда, в работе которых приняли участие около тысячи человек. Эти конференции вызвали большой интерес и получили положительные оценки научного сообщест-

ва. Существенную поддержку в подготовке и проведении этих мероприятий оказали Императорская Археологическая Комиссия и Русское археологическое общество [418; 479].

Комиссия активно приступила к разработке вопросов обеспечения поддержки съезда со стороны научного сообщества и административных органов, поиску возможных источников финансирования форума, определению археологических памятников, раскопки которых предполагалось осуществить на подготовительном этапе запланированного мероприятия.

Так, предварительное обсуждение И. А. Линниченко со столичными археологами вопроса о целесообразности проведения областного археологического съезда (ОАС) в Крыму показало, что ТУАК может рассчитывать на содействие «многих ученых учреждений, обществ и отдельных лиц» [480, с. 296]. Для предметного обсуждения проблем «о средствах, раскопках, изданиях, организации съезда» в Санкт-Петербург в начале 1914 г. был командирован председатель ТУАК Ар. И. Маркевич [481, с. 304]. В результате переговоров в столице удалось заручиться поддержкой Императорской Археологической Комиссии и Русского археологического общества. При этом РАО обещало рассмотреть вопрос о выделении денежного пособия [482, с. 309].

Кроме того, Ар. И. Маркевич провел консультации с главами земского городского управления Севастополя и Симферополя, губернской земской администрацией, заверившими председателя ТУАК в готовности содействовать работе съезда предоставлением помещений для заседаний, размещения участников, обеспечением экскурсионной программы и выделением денежных субсидий [480].

К концу января 1914 г. члены комиссии ТУАК составили список памятников, раскопки которых планировалось осуществить на подготовительной стадии крымского ОАС. В него вошли плато Эски-Кермена, городище Бакла, комплексы в устье р. Кача и Байдарской долине. После посещения Ар. И. Маркевичем Санкт-Петербурга перечень был дополнен объектами в русле р. Бельбек, в урочище Аталык-Эди, в окрестностях деревень Шура (сейчас с. Кудрино, Бахчисарайский р-н), Лаки (позже – с. Горянка, в настоящее время административно ликвидирована), Бия-

сала (сейчас с. Верхоречье, Бахчисарайский р-н), п-ва Маячный [482, с. 309].

На заседании ТУАК 26 марта 1914 г. был разработан и утвержден проект «Положения о предполагаемом в Крыму археологическом съезде», включающий предварительную программу мероприятия. Подготовкой конференции должен был заняться предварительный комитет в обязанности которого входили: 1) подготовка «материалов для занятий съезда»; 2) приглашение участников и обеспечение их проживания; 3) изыскание денежных средств; 4) поиск помещения для заседаний; 5) организация археологических раскопок и экскурсионной программы. С началом работы ОАС управление должно было перейти ученому (председатели, секретари съезда и секций) и распорядительному (отвечавшему за решение «хозяйственных» вопросов) комитетам. Для участников ОАС был установлен взнос в 5 рублей. Также предполагалось привлечение «субсидий и пожертвований» [Там же, с. 309–311]. Таким образом, для решения организационных вопросов ТУАК была выбрана модель многократно и успешно апробированная организаторами Всероссийских археологических съездов [43, с. 116–122].

Предложенная ТУАК научная программа включала вопросы, касающиеся изучения первобытных памятников («Обозрение южно-русского палеолита», «Преемственность, наслоение и взаимодействие культур в Крыму по археологическим находкам», «Классификация курганов Таврической губернии», «Готская культура в Крыму, «Крымские дольмены или гробницы-ящики»); античных и средневековых древностей («Римские поселения в Крыму», «Пещерные города в Крыму», «Фресковая живопись в пещерных храмах», «Обозрение керченских и херсонесских погребений», «Обозрение христианских храмов и кладбищ в горной части Крыма»); архивного дела («Положение архивов в Таврической губернии»); этнографии («Особенности быта населения Крыма, поверия, предания, народная поэзия»). Как отдельное направление было выделено обсуждение вопросов сохранения историко-культурного наследия («Охрана местных древностей и архивных документов») [482, с. 309–310]. По структуре программа повторяла тематические блоки областных археологических

съездов, имея общий прототип – Всероссийские археологические съезды [479, с. 48–50].

К сожалению, запланированный областной археологический съезд в Крыму разделит судьбу несостоявшегося XVI Всероссийского археологического съезда. На заседании ТУАК 3 сентября 1914 г. было оглашено распоряжение Министерства внутренних дел от 30 августа 1914 г. о невозможности проведения ОАС «в виду переживаемых Россией событий» [483, с. 334].

Идея организации Всероссийского археологического съезда в Крыму, зародившаяся среди членов Таврической ученой архивной комиссии в 1890–х гг., не нашла воплощения. Несмотря на практические шаги, предпринятые ТУАК в 1908–1909 и 1911–1912 гг., Московское археологическое общество не поддержало этот проект. Только в 1905 г. руководитель МАО П. С. Уварова реально рассматривала возможность проведения заседаний XIII Археологического съезда в Севастополе, но как экстраординарную меру, вызванную угрозой отмены мероприятий в Екатеринославе.

Нужно отметить, что Крым на рубеже XIX–XX вв. обладал ресурсами, необходимыми для успешной работы всероссийского форума археологов. Наличие уникальных памятников мирового значения, сети музейных учреждений, активно функционировавшего научно-исторического общества (ТУАК), готовности региональных властей всех уровней содействовать проведению масштабной научной конференции могли обеспечить насыщенную и интересную программу возможного съезда.

Вероятно, можно назвать две основные причины, повлиявшие на отношение руководства МАО к предложениям организации крымского АС. Выбор места очередного собрания археологов страны определялся не только научными, но и правительственными интересами. Однако властные структуры не имели особых причин рекомендовать Крым для проведения археологического съезда в обозначенный выше период времени. Кроме того, существенное влияние на позицию МАО могли оказать конфликтные отношения с Императорской Археологической Комиссией, контролировавшей исследования наиболее интересных археологических памятников Крыма.

В целом обзоры деятельности всероссийских археологических съездов в «Известиях...» ТУАК свидетельствуют о стабильном и существенном интересе провинциальных исследователей к такой форме научной жизни. Можно отметить постепенное изменение подходов к освещению работы съездов в «Известиях...» ТУАК. Первоначально авторы рецензий стремились ограничиться рассмотрением вопросов архивоведения и региональной истории. С конца 1890-х гг. отмечается расширения географических (Южная Россия) и хронологических интересов (от античности до нового времени). Начиная с середины 1910-х гг., большое внимание уделялось особенностям организации работы АС, первобытным древностям, сообщениям по этнографии.

Реализация проекта проведения областного археологического съезда могла бы способствовать распространению информации о крымских древностях в кругах специалистов и любителей старины, введению в научный оборот результатов раскопок ранее не изученных комплексов, привлечению населения и местной администрации к решению вопросов сохранения историко-культурного наследия региона, поднятию авторитета Таврической ученой архивной комиссии как исследовательского центра и организации, занимающейся охраной памятников. Организации этого съезда, как и ряду других научных мероприятий, помешало вступление России в Первую мировую войну.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всероссийские археологические съезды второй половины XIX – начала XX в. представляют собой один из наиболее ярких феноменов в истории отечественной археологии. Они характеризуются длительностью функционирования (1869–1911); привлечением крупнейших специалистов своего времени в области исторических наук; широким тематическим разнообразием научных программ. Изданные материалы АС содержат огромный объем информации, не утратившей своей научной актуальности, одновременно являясь ценным источником по истории науки в России.

Вполне закономерным представляется интерес исследователей к деятельности всероссийских археологических съездов. На сегодняшний день историографический корпус, посвященный АС, включает несколько сотен статей и тезисов докладов, десятки разделов монографий и диссертационных работ, несколько диссертаций и монографию Д. В. Серых. При этом изучение истории АС не только не приближается к завершению, но находится на начальном этапе, когда в поле зрения ученых попадают наиболее заметные свойства объекта.

Перспективы исследований феномена всероссийских археологических съездов во многом связаны как с изменением методологии и методов исследований, так с расширением источниковой базы разработок. Стоит отметить, что прогресс в работе с источниками может быть обусловлен не только возможными открытиями в архивах, но и углубленным анализом опубликованных материалов. Так, мало внимания уделяется протоколам заседаний АС, научно-справочным изданиям АС, поиску репортажей, рецензий и обзоров трудов АС в прессе и научной публицистике.

С начала своей деятельности всероссийские археологические съезды были ориентированы на обсуждение ряда общенаучных и общероссийских проблем истории и археологии. Среди них особое место занимали вопросы обеспечения сохранения историко-культурного наследия. Московскому археологическому обществу, персонально А. С. и П. С. Уваровым удалось создать и сохранить уникальную, постоянно действовавшую площадку для дискуссий.

Особым свойством съездов была их потенциальная открытость для всех заинтересованных лиц, организаций и учреждений.

При этом «всероссийский» статус археологических съездов можно признать с некоторыми оговорками. Все АС были проведены в европейской части страны, исследователи Урала, Сибири, других «не европейских» регионов присутствовали на АС редко, их участие ограничивалось, за некоторыми исключениями, 1–2 исследователями. Более того, на заседаниях АС проблемы зарубежной европейской археологии обсуждались чаще, чем исследования памятников, например, Средней Азии или Дальнего Востока. Как правило, наиболее активными участниками съездов были исследователи из Москвы и Санкт-Петербурга, образовавшие представительные «столичные» группы. Конечно, эти обстоятельства были обусловлены объективными причинами. Восточные районы страны были плохо изучены, научные кадры там только формировались, организовывать съезды было целесообразно в старых университетских и/или научных центрах.

Тем не менее «всероссийским» был уровень многих вопросов, обсуждавшихся на археологических съездах. Важную роль АС выполняли в качестве средства оперативного распространения научной информации и формы коммуникативных практик в научной среде второй половины XIX – начала XX в. [484, с. 95–96]. Обсуждение участниками АС общественнозначимых проблем сохранения историко-культурного наследия, попытки воздействовать на правительство и местные административные органы для решения вопросов охраны памятников старины позволяют рассматривать всероссийские археологические съезды как форму организации общественной инициативы, элемент гражданского общества, зарождавшегося в пореформенной России.

На АС рассматривался широкий круг вопросов охраны культурного наследия: совершенствование законодательной базы; кадровое обеспечение государственных учреждений и научных обществ, проводивших работы по изучению и сохранению древностей; регулирование деятельности музеев и научных организаций; разработка нормативных документов по методике полевых исследований и реставрации памятников старины; формы попу-

ляризации наследия; распространение информации о состоянии объектов и обмен опытом охранных мероприятий.

Попытки организовать взаимодействие между той частью российского общества, которая была заинтересована в сохранении исторических памятников и властью предпринимались уже на первых съездах. «Проект мер охранения памятников старины» (1869) А. С. Уварова демонстрирует представления его автора о состоянии и перспективах охраны древностей в России. С одной стороны, основатель МАО подчеркивал значение государственных структур и лично императора как гарантов эффективности системы сохранения древностей, с другой – решение задач охраны памятников А. С. Уваров прямо связывал с активным участием общественности, объединенной в научно-исторические общества.

Реакцией на инициативу МАО, поддержанную I и II археологическими съездами, стал «Проект правил о сохранении исторических памятников» ведомственной комиссии А. Б. Лобанова-Ростовского, предусматривавший создание нового государственного учреждения и ограничивавший участие научных обществ в деле охраны историко-культурного наследия. Не получили официальной поддержки и стремления А. С. Уварова создать систему подготовки квалифицированных специалистов для обеспечения научно-исследовательских и охранных работ. Можно отметить, что в конце 1860-х – первой половине 1880-х гг. правительственные круги продемонстрировали скептическое отношение к инициативам всероссийских археологических съездов радикально решить наиболее острые проблемы системы сохранения памятников старины в Российской империи [64, с. 85–86, 101–105].

В этих условиях организаторы съездов сместили акценты на рассмотрение частных вопросов и решение конкретных проблемных ситуаций на объектах историко-культурного наследия. Большое внимание участники съездов уделяли обсуждениям научно-практических задач выявления и сохранения древностей. Это нашло выражение в разработке инструкций, рекомендаций, работам по картографированию и учету памятников старины.

В конце XIX – начале XX в. П. С. Уварова строго придерживалась осторожного курса, заложенного А. С. Уваровым, виртуозно лавируя между интересами научного сообщества и консер-

вативными взглядами сановников на проявления общественной инициативы в деле охраны национального историко-культурного достояния. На рубеже 1880-х – 1890-х всероссийские археологические съезды получили признания на высшем уровне и были интегрированы в государственную политику в сфере науки и культуры [43, с. 165]. Можно предположить, что это привело к росту активности обращений от имени АС в правительственные структуры для решения проблем сохранения конкретных памятников. Кроме того, П. С. Уварова сделала съезды одной из площадок для развертывания критики Императорской Археологической Комиссии. При этом эффективность этих форм деятельности была низкой. Участие всероссийских археологических съездов в обсуждении проектов реформы архивного дела и проектов закона об охране памятников старины в начале XX в. имело значение оформления консолидированного мнения от лица научной общественности, выраженное в документах, разработанных авторитетным институтом.

Можно отметить, что всероссийские археологические съезды выполняли важную роль коммуникативного взаимодействия столичных и провинциальных исследователей. Кроме того, благодаря АС была создана модель организации научных конференций, показавшая свою жизнеспособность и взятая за образец региональными научно-историческими организациями.

Особенности восприятия всероссийских археологических съездов провинциальными учеными хорошо прослеживаются на примере членов Таврической ученой архивной комиссии. Авторы обзоров, опубликованных в «Известиях...» ТУАК, в различной степени полноты отразили свое отношение к таким аспектам, как организация работы АС, научный уровень докладов и программы в целом, состав участников, репрезентативность выставок и экскурсий, дали общие оценки форумов отечественных археологов. Характерной чертой публикаций на страницах «Известий...» было стремление выделить и охарактеризовать приоритетные направления научных разработок, ориентированные на интересы членов ТУАК. Прежде всего они уделяли внимание вопросам организации архивного дела в России и деятельности губернских ученых архивных комиссий, охраны памятников старины, а так-

же проблемам археологии и истории Северного Причерноморья, особенно античного времени. Существенное внимание уделялось докладам, посвященным древностям Южной России.

Члены ТУАК, зафиксировавшие свои впечатления от археологических съездов в публикациях, высоко оценивали значение как средство общения с коллегами из других регионов и как способ налаживания научных связей. Однако выраженная «региональная» направленность научных программ вызывала неоднозначные оценки. Не отрицая важности такой организации работы съездов, авторы рецензий рассматривали ее как фактор снижающий статус АС как феномена всероссийского масштаба. Постепенно критические оценки стали высказываться в отношении всей концепции съездов.

Попытки ТУАК привлечь внимание МАО к комплексному обсуждению проблем изучения и сохранения памятников Крыма на форуме, проведенном в одном из городов полуострова, оказались безуспешными. Конечно, выбор места проведения очередного съезда определялся многими факторами. В частности, рост числа региональных научных центров, желавших организовать АС, еще больше затруднял выбор. Эти обстоятельства привели к актуализации альтернативного проекта – Областного археологического съезда в Крыму и обращению за поддержкой к Русскому археологическому обществу.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. *Trigger B. G.* A history of archaeological thought. New York, 2006. 710 p.
2. *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в. СПб., 2010. 316 с.
3. *Клейн Л. С.* История российской археологии: учения, школы и личности : в 2-х т. СПб., 2014. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. 704 с.; Т. 2. Археология советской эпохи. 640 с.
4. *Лебедев Г. С.* Труды А. А. Формозова по истории русской археологии и их роль в становлении отечественной археологической науки // Невск. арх.-историограф. сб.: к 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова. СПб., 2003. С. 24–34.
5. *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. 676 с.
6. *Гуляев В. И., Кузьминых С. В.* Путь в науке: к 75-летию со дня рождения А. А. Формозова // Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А. А. Формозова / ред. и сост. В. И. Гуляев, С. В. Кузьминых. М., 2004. С. 8–12.
7. *Бердинских В. А.* А. А. Формозов как историк науки (субъективные заметки к 75-летию со дня рождения) // Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А. А. Формозова / ред. и сост. В. И. Гуляев, С. В. Кузьминых. М., 2004. С. 28–29.
8. *Щавелев С. П.* Новые книги А. А. Формозова по истории и теории русской археологии (2004–2005). Курск, 2006. 19 с.
9. *Клейн Л. С., Щавелев С. П.* Александр Александрович Формозов (1928–2009). Послесловие. Курск, 2011. 80 с.
10. *Погодин М. П.* Судьбы археологии в России // Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869 : в 2-х т. М., 1871. Т. 1. С. 1–61.
11. *Юргевич В. Н.* Краткий очерк деятельности Императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 52–58.
12. *Юргевич В. Н.* Исторический очерк пятидесятилетия деятельности Императорского Одесского общества истории и древностей (1839–1889). Одесса, 1889. 121 с.
13. Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890. 308 с.
14. *Веселовский Н. И.* История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. СПб., 1900. 514 с.

15. *Герц К. К.* Собрание сочинений. Исторический обзор исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. : в 9-ти вып. СПб., 1898. Вып. 2. 152 с.
16. *Жебелев С. А.* Введение в археологию : в 2-х ч. Пг., 1923. Ч. 1. История археологического знания. 200 с.
17. *Равдоникас В. И.* За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. 1930. Т. 7. Вып. 3–4. 94 с.
18. *Худяков М. Г.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933. 162 с.
19. *Клейн Л. С.* Феномен советской археологии. СПб., 1993. 128 с.
20. *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Биографические очерки. М., 2004. 320 с.
21. *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961. 127 с.
22. *Формозов А. А.* Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. 1975. № 4. С. 5–13.
23. *Формозов А. А.* Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М., 1979. 120 с.
24. *Формозов А. А.* Начало изучения каменного века в России: Первые книги. М., 1983. 128 с.
25. *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986. 240 с.
26. *Генинг В. Ф.* Очерки истории советской археологии: У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии, 20-е – первая половина 30-х гг. Киев, 1982. 225 с.
27. *Пряхин А. Д.* История советской археологии (1917 – середина 30-х гг.). Воронеж, 1986. 284 с.
28. Советская археологическая литература : библиогр. указатель. 1976–1978 / сост. Т. Н. Заднепровская, Р. Ш. Левина, Л. М. Всевиов. Л., 1986. 283 с.
29. Советская археологическая литература : библиогр. указатель. 1979–1981 / сост. Р. Ш. Левина, Т. Н. Заднепровская, Л. М. Всевиов. Л., 1989. 471 с.
30. Советская археологическая литература : библиогр. указатель. 1982–1984 / сост. Р. Ш. Левина, Л. М. Всевиов. СПб., 1997. 451 с.
31. Советская археологическая литература : библиогр. указатель. 1985–1987 / сост. Р. Ш. Левина, Л. М. Всевиов. СПб., 1999. 518 с.
32. *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии: 1700–1917 гг. СПб., 1992. 464 с.
33. Скифский роман / под. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. 624 с.
34. Парфянский выстрел / под. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 2003. 760 с.
35. Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843–1911) / сост., вступ. ст. и комм. С. П. Щавелева. Курск, 2007. 508 с.

36. *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений : в 2-х т. / сост. и отв. ред. И. В. Тункина ; подготовка текстов И. В. Тункина и Н. Л. Сухачев ; пер. с фр. Н. Л. Сухачев. СПб., 2010. Т. 1. Тексты. 728 с. ; Т. 2. Иллюстрации. 312 с.
37. *Непомнящий А. А.* Историчне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): Біобібліогр. дослідження. Симферополь, 2003. 456 с.
38. *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич: Страницы истории крымско-го краеведения. Симферополь, 2005. 432 с. (Биобиблиография крымове-дения. Вып. 3)
39. *Непомнящий А. А.* Подвижники крымоведения. Симферополь, 2006. 324 с. (Биобиблиография крымоведения. Вып. 7.)
40. Исследователи этнографии и археологии Чувашии : биобиблиогр. словарь / сост. П. П. Фокин, Г. Б. Матвеев, Е. П. Михайлов и др. ; науч. ред. П. П. Фокин, Г. Б. Матвеев. Чебоксары, 2004. 320 с.
41. *Мельникова О. М.* Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.) : биобиблиогр. словарь-справочник. Ижевск, 2007. 118 с.
42. Историки Курского края : биограф. словарь / сост., ред. С. П. Щавелев. Курск, 2009. 468 с.
43. *Смирнов А. С.* Власть и организация археологической науки в Рос-сийской империи (очерки институциональной истории науки XIX – на-чала XX века). М., 2011. 592 с.
44. *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. 332 с.
45. Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культур-ного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009. 1191 с.
46. *Охотников С. Б.* Археология в Одессе. 185 лет Одесскому археоло-гическому музею (1825–2010). Одесса, 2010. 160 с. (Материалы по ар-хеологии Северного Причерноморья. Монографическая серия. № 2.)
47. *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константино-поле. Очерки истории. СПб., 1999. 245 с.
48. Современные проблемы археологии России : материалы Всерос. ар-хеолог. съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск) : в 2-х т. / отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск, 2006. Т. 1. 492 с.; Т. 2. 524 с.
49. Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани : в 5-ти т. / отв. ред. А. Г. Ситдилов, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Ка-зань, 2014. Т. 4. 434 с.

50. Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани : в 5-ти т. / отв. ред. А. Г. Ситдилов, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань, 2014. Т. 5. 704 с.
51. *Тункина И. В.* История отечественной археологической науки на современном этапе: антропологический поворот // Труды III (XIX) Всерос. арх. съезда (Великий Новгород – Старая Русса) : в 2-х т. / отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.–М.–Великий Новгород, 2011. Т. 2. С. 354–356.
52. *Harrison R.* Heritage: critical approaches. London-New-York, 2013. 268 p.
53. *Кулемзин А. М.* Изучение охраны памятников в современной России // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2014. № 2 (58). Т. 2. С. 53–58.
54. *Формозов А. А.* С. Уваров и его место в истории русской археологии // РА. 1993. № 3. С. 228–245.
55. *Фролов А. И.* Алексей и Прасковья Уваровы: хранители московской старины. М., 2003. 368 с.
56. *Генинг В. Ф., Левченко В. Н.* Археология древностей – период зарождения науки (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). Киев, 1992. 64 с.
57. *Бржостовская Н. В.* Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869–1911 гг.) // Археограф. ежегодник за 1971 г. М., 1972. С. 89–105.
58. *Серых Д. В.* Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Казань, 2014. 188 с.
59. Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890. 308 с.
60. *Уварова П. С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни / под. ред. Л. Заковоротной. М., 2005. 296 с.
61. *Уварова П. С.* Обзор деятельности 12-ти первых археологических съездов // Труды двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 409–427.
62. *Разгон А. М.* Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1801–1917 гг.) // История музейного дела в СССР. М., 1957. С. 73–128. (Тр. НИИ музееведения. Вып. 1.)
63. *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин: Опыт научной биографии. СПб., 2006. 480 с.
64. *Медведева М. В., Всевиов Л. М., Мусин А. Е., Тихонов И. Л.* Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009. С. 21–247.

65. *Анучин Д. Н.* Графиня П. С. Уварова и ее служение науке о древностях на посту председателя Императорского Московского археологического общества // Сб. статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. XI–XXIV.
66. *Бастракова М., Заковоротная Л.* П. С. Уварова и ее воспоминания // Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 7–18.
67. *Щавелев С. П.* Рец. на П. С. Уварова. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. 296 с. ; П. С. Уварова. Былое. Давно прошедшие счастливые дни // Труды Гос. ист. музея. Вып. 144. М., 2005. 336 с. // ВИ. 2007. № 3. С. 170–172.
68. *Петров Ф. А.* Рец. на Воспоминания П. С. Уваровой «Былое. Давно прошедшие счастливые дни» // Вестн. архивиста. 2006. № 2-3 (92-93). С. 448–451.
69. *Creese M.* Ladies in the laboratory IV: Imperial Russia's women in science, 1800–1900: a survey of their contributions to research. London, 2015. 171 p.
70. *Степанский А. Д.* К истории научно-исторических обществ в до-революционной России // Археограф. ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 38–55.
71. *Комарова И. И.* Московское археологическое общество и его роль в развитии местных краеведческих организаций России // Археограф. ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 80–87.
72. *Формозов А. А.* О периодизации истории отечественной археологии // РА. 1994. № 4. С. 219–225.
73. *Соболева Е. В.* Организация науки в пореформенной России. Л., 1983. 262 с.
74. *Серых Д. В.* Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. : дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2005. 292 с.
75. *Серых Д. В.* Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 24 с.
76. *Tikhonov I.* Russia // The history of archaeology : an introduction / ed. by P. Bahn. Abingdon, 2014. P. 156–176.
77. *Мусин А. Е.* Церковная археология в России второй половины XIX – начала XX в. и ее место в системе отечественной археологии и охраны культурного наследия // Невск. арх.-ист. сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб., 2003. С. 71–94.
78. *Мусин А. Е.* Церковная старина в современной России. СПб., 2010. 456 с.

79. *Дементьева Ю. М.* Материалы археологических съездов (1869–1914) как источник по истории музейного дела в России // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 37–80. С. 71–83.
80. *Васильев С. А.* Археологические съезды и формирование отечественной науки о палеолите // Сов. проблемы археологии России : материалы Всерос. археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск) : в 2-х т. / отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 13–15.
81. *Непомнящий А. А.* «Труды» Археологических съездов как источник изучения развития исторического краеведения Крыма // Проблеми історії та археології України : зб. доповідей міжнарод. наук. конф. до 100-річчя археологічного з'їзду в м. Харкові. 25–26 жовтня 2002 р. Харків, 2003. С. 8–11.
82. *Непомнящий А. А.* Крымоведческие исследования на Всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX в.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / ред.-сост. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Симферополь, 2002. Вып. 9. С. 579–590.
83. *Волков В. А.* Всероссийские археологические съезды и развитие историко-археологических изысканий в Саратовском Поволжье в конце XIX – начале XX в. // Запад – Россия – Восток в исторической науке XXI века : материалы конф. в честь 100-летия СГУ (Саратов, 14–16 мая 2009 г.). Саратов, 2010. С. 272–283.
84. *Добренькая М. В.* Четвертый археологический съезд в Казани. 1877 // Вестн. архивиста. 2008. № 3 (103). С. 238–250.
85. *Алексеев Л. В.* XII Археологический съезд в Харькове (1902) // СА. 1992. № 4. С. 196–198.
86. *Жервэ Н. Н.* Пятнадцатый археологический съезд // РА. 1992. № 1. С. 245–254.
87. *Гайдуков П. Г., Жервэ Н. Н.* К 100-летию XV Археологического съезда в Новгороде // XV Археологический съезд в Новгороде. 1911 : Путеводитель. М., 2011. С. 3–12.
88. *Астафьев В. В.* Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и его уникальный опыт интерпретации исторических памятников // Вопр. музеологии. 2011. № 1 (3). С. 81–85.
89. *Назипова Г. Р.* Казанский городской музей. Очерки истории 1895–1917 гг. Казань, 2000. 272 с.
90. *Назипова Г. Р.* Университет и музей: исторический опыт губернской Казани. Казань, 2004. 396 с.
91. *Аграфонов П. Г., Праздников В. В., Спиридонова Е. В.* История ярославской археологии. М., 2009. 287 с.

92. *Скирда В. В.* Археологические исследования на Харьковщине в период подготовки к XII Археологическому съезду // Проблемы історії та археології України : зб. доповідей міжнарод. наук. конф. до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м. Харкові. 25–26 жовтня 2002 р. Харків, 2003. С. 15–17.
93. *Кармазина Н. В.* Материалы VI Археологического съезда в Одессе как источник о развитии исторического памятниковедения на юге Украины // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та. Серия: «Исторические науки». 2013. Т. 26 (65), № 1. С. 28–36.
94. *Кармазина Н. В.* XIII Археологический съезд в Екатеринославе: разработка комплексной программы исследования культурного наследия юга России // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та. Серия: «Исторические науки». 2014. Т. 27 (66), № 1. С. 29–37.
95. *Полякова М. А.* Охрана культурного наследия России : учеб. пособие для вузов. М., 2005. 271 с.
96. *Шаманаев А. В.* Охрана культурного наследия в России (XVIII – конец XX века) : учеб. пособие. Екатеринбург, 2005. 92 с.
97. *Шаманаев А. В.* Вопросы охраны памятников археологии на Первом Всероссийском археологическом съезде // Современные проблемы археологии России : материалы Всерос. арх. съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск) : в 2-х т. / отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 458–460.
98. *Шаманаев А. В.* Вопросы охраны памятников истории на Втором археологическом съезде (Санкт-Петербург, 1871) // Россия и мир: панорама исторического развития / отв. ред. В. В. Высокова, Д. А. Редин. Екатеринбург, 2008. С. 324–331.
99. *Шаманаев А. В.* Вопросы охраны памятников археологии на VI Археологическом съезде в Одессе (1884 г.) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород – Старая Русса) : в 2-х т. / отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб. – М. – Великий Новгород, 2011. Т. 2. С. 308–309.
100. *Шаманаев А. В.* Вопросы сохранения памятников старины на VI Археологическом съезде в Одессе (1884 г.) // Древнее Причерноморье / ред. И. В. Немченко. Одесса, 2011. Вып. 9. С. 499–505.
101. *Шаманаев А. В.* X Археологический съезд в Риге и вопросы сохранения историко-культурного наследия // Проблемы истории России / отв. ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург, 2008. Вып. 7. С. 245–257.
102. *Кулемзин А. М.* Изучение охраны памятников в современной России // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2014. № 2 (58). Т. 2. С. 53–58.
103. *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по Отечественной истории. М., 1975. 281 с.

104. *Петрова О. С.* Методы изучения массовых данных материалов археологических съездов (1864–1914) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005. 19 с.
105. *Всевиов Л. М.* Археологические съезды в России и археологические пленумы в СССР. Библиографический обзор // Церковная археология : материалы Первой Всерос. конф. Псков, 20–24 ноября 1995 г. : в 3-х ч. / отв. ред. С. В. Белецкий. СПб. – Псков, 1995. Ч. 3: Памятники церковной археологии России. С. 111–113.
106. *Шаманаев А. В.* Проекты организации археологического съезда в Крыму в конце XIX – начале XX вв. (по материалам протоколов заседаний Таврической ученой архивной комиссии) // Документ. Архив. История. Современность : материалы V Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 5–6 декабря 2014 г. / ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2014. С. 324–328.
107. *Шаманаев А. В.* «Известия Таврической ученой архивной комиссии» как источник по истории Всероссийских археологических съездов // Документ. Архив. История. Современность / ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2015. Вып. 15. С. 208–216.
108. *Шаманаев А. В.* Освещение работы археологических съездов в научной периодике конца XIX – начала XX в. (на примере «Известий» Таврической ученой архивной комиссии) // Труды IV (XX) Всерос. арх. съезда в Казани : в 5-ти т. / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдилов. Казань, 2015. Т. 5. С. 220–222.
109. *Аксареева В. Г.* Гендерный взгляд на мемуары Прасковьи Сергеевны Уваровой // Вестн. Удмурт. ун-та. 2009. Вып. 2: История и филология. С. 138–147.
110. *Матвеев А. А.* К вопросу об археологических исследованиях в Южной России. Одесса, 1884. Ч. 3: Археология. 100 с.
111. *Шаманаев А. В.* Письма вице-президента Одесского общества истории и древностей В. Н. Юргевича об организации археологических исследований Херсонесского городища в 1884 г. // Документ. Архив. История. Современность / ред. А. В. Черноухов. Екатеринбург, 2007. Вып. 7. С. 392–417.
112. Открытие археологического съезда 16 марта 1869 г. // Труды первого арх. съезда в Москве. 1869. М., 1871. Т. 1. С. XXVIII–XL.
113. Вопросы, предложенные к обсуждению на съезде // Труды первого арх. съезда в Москве. 1869. М., 1871. Т. 1. С. XV–XXVII.
114. Список членов и участников Археологического Съезда, с означением места их жительства // Труды первого арх. съезда в Москве. 1869. М., 1871. Т. 1. С. XXVII–XVIII.

115. *Rowley-Conwy P.* The concept of prehistory and the invention of the terms “prehistoric” and “prehistorian”: the Scandinavian origin, 1833–1850 // *European journal of archaeology*. 2006. Vol. 9, Iss. 1. P. 103–133.
116. Второе заседание 21 марта 1869 г., вечером под председательством члена совета С. М. Соловьева // *Труды первого арх. съезда в Москве*. 1869. М., 1871. Т. 1. С. XLV–LV.
117. *Шокарев С. Ю.* «Вооружившись любовью к старине отечественной». Алексей Александрович Мартынов (1803–1903) // *Краеведы Москвы (историки и знатоки Москвы)* / сост. Л. В. Иванова, С. О. Шмидт. М., 1997. С. 20–40.
118. *Воробьева И. Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999. 191 с.
119. *Лотман Л. М.* Мельников-Печерский // *История русской литературы* : в 10-ти т. М.-Л., 1956. Т. 9, Ч. 2. С. 198–227.
120. *Акинъшин А. Н.* Сонцов Дмитрий Петрович // *Воронежская историко-культурная энциклопедия. Персоналии* / гл. ред. О. Г. Ласунский. Воронеж, 2006. С. 397.
121. *Евлентьев К. Г.* План археологического музея в Булгаре Казанской губернии // *Труды первого арх. съезда в Москве*. 1869. М., 1871. Т. 1. С. 89–95.
122. *Киреева Р. А.* К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. 294 с.
123. *Медников М. М.* Константин Григорьевич Евлентьев // *Псков*. 2005. № 22. С. 206–216.
124. *Гольшев И. А.* О сохранении памятников // *Труды первого арх. съезда в Москве*. 1869. М., 1871. Т. 1. С. 105–107.
125. *Шмурло Е. Ф.* Иван Александрович Гольшев: К 30-летию его научной деятельности. СПб., 1891. 15 с.
126. *Горожанский Н. П.* О мерах для сохранения памятников в Волынской губернии // *Труды первого арх. съезда в Москве*. 1869. М., 1871. Т. 1. С. 96–104.
127. *Солнцев Н. И.* «Рассказы по истории русской церкви» М. В. Толстого в церковной историографии // *Вестн. Нижегород. ун-та*. 2007. № 2. С. 192–199.
128. *Козлов В. Ф.* Ревнитель святынь православной Москвы Дмитрий Михайлович Струков. 1827–1899 // *Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы)* / сост. Л. В. Иванова, С. О. Шмидт. М., 1997. Вып. 3. С. 41–48.
129. *Перфилова Л. А.* Альбом рисунков художника и археолога Д. М. Струкова как источник для изучения христианских древностей Северного Кавказа // *Актуал. вопр. истории христианства на Северном Кавказе : материалы V Междунар. Свято-Игнатиевских чтений*, г. Ставрополь, 14 мая

2013 г. / ред. Алексей (Смирнов), М. Моздор, Е. Шишкин. Ставрополь, 2013. С. 82–88.

130. Проект мер охранения памятников старины гр. А. С. Уварова 1869 г. 21-го марта // Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским археологическим обществом. М., 1911. С. 35–39.

131. *Погодин М. П.* Судьбы археологии в России // Труды первого арх. съезда в Москве. 1869. М., 1871. Т. 1. С. 1–61.

132. *Смирнов С. В.* Федор Иванович Буслаев (1818–1997). М., 1978. 96 с.

133. Казанский, Петр Симонович // Русский биографический словарь. Ибак-Ключарев. СПб., 1897. С. 379–380.

134. *Буслаев Ф. И.* О преподавании археологии // Труды первого арх. съезда в Москве. 1869. М., 1871. Т. 1. С. 75–82.

135. *Казанский П. С.* О преподавании археологии // Труды первого арх. съезда в Москве. 1869. М., 1871. Т. 1. С. 83–88.

136. Первое заседание 19 марта 1869 г. утром, под председательством члена совета М. П. Погодина // Труды первого арх. съезда в Москве. 1869. М., 1871. Т. 1. С. XL–XLV.

137. Четвертое заседание 28 марта утром, под председательством М. П. Погодина // Труды первого арх. съезда в Москве. 1869. М., 1871. Т. 1. С. LVIII–LXII.

138. Обзор предположений и действий Императорского Русского археологического общества относительно устройства Второго археологического съезда // Труды Второго арх. съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. I–IV.

139. *Калимуллина Ф. Г.* В. В. Вельяминов-Зернов как историк Касимовского ханства. Казань, 2014. 239 с.

140. Изложение действий Предварительного Комитета по составлению правил съезда и программы вопросов, которые предполагалось обсудить на Съезде // Труды Второго арх. съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. V–XXV.

141. *Адрианов С.* Аристов, Николай Яковлевич // Рус. биограф. словарь : в 25-ти т. СПб., 1900. Т. 2: Алексинский – Бестужев-Рюмин. С. 283–288.

142. Список членов второго Археологического съезда, открытого в С.-Петербурге 7 декабря 1871 г. // Труды Второго арх. съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. XXVI–XXIX.

143. Торжественное заседание Императорского Русского Археологического общества в память 25-летнего юбилея 7 декабря 1871 г. // Труды Второго арх. съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. XXXIII–LII.

144. *Тихонов И. Л.* Русский востоковед, нумизмат, археолог В. Г. Тизенгаузен // ЕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004) / ред. И. В. Тункина. СПб., 2007. С. 220–244.
145. Общие собрания съезда: I (11 декабря утром) // Труды Второго арх. съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. 59–61.
146. Проект Правил о сохранении исторических памятников. Комиссия кн. Лобанова-Ростовского 1876 г. // Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским археологическим обществом. М., 1911. С. 40–41.
147. Заседание 16 декабря, утром (Отд. II) // Труды Второго арх. съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. 40–42.
148. *Колгушкина Н. В.* Академик И. И. Срезневский в культурном пространстве России. Рязань, 2011. 399 с.
149. *Срезневский И. И.* О современном состоянии русской археологии // Труды Второго арх. съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1876. Вып. 1. Отд. IV. Б. С. 1–15.
150. Заседание 9 декабря, утром (Отд. III) // Труды Второго арх. съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. 15–16.
151. Заседание 18 декабря, вечером (Отд. III) // Труды Второго арх. съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. 58–59.
152. Мир Кондакова: публикации. Статьи. Каталог выставки / сост. И. Л. Кызласова. М., 2004. 392 с.
153. Общие собрания съезда: III (20 декабря утром) // Труды Второго арх. съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. 65–67.
154. *Линниченко И. А.* А. И. Маркевич: Биографические воспоминания и список трудов. Одесса, 1904. 48 с.
155. Общие собрания съезда: II (19 декабря вечером) // Труды Второго арх. съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. 61–65.
156. *Комарова И. И.* Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX – начала XX в. // Археограф. ежегодник за 1990 г. М., 1992. С. 83–102.
157. *Руденко К. А.* Музеи церковного историко-археологического общества Казанской епархии и Казанской духовной академии. Очерки по истории музейного дела Татарстана: XIX – первая половина XX в. Казань, 2013. 128 с.
158. Правила съезда, утвержденные г. управляющим министерства народного просвещения, 3 ноября 1873 г. // Третий съезд арх. в Киеве. 2 августа 1874 г. М., 1873. С. 5–6.

159. Вопросы, предложенные к обсуждению на съезде // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. : в 2-х т. Киев, 1878. Т. 1. С. III–VII.
160. Вопросы, по которым съезду желательно получить сведения // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. : в 2-х т. Киев, 1878. Т. 1. С. VIII–X.
161. Список членов 3-го археологического съезда с означением места их жительства // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. : в 2-х т. Киев, 1878. Т. 1. С. X–XIII.
162. Открытие археологического съезда // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. : в 2-х т. Киев, 1878. Т. 1. С. XIII–XVIII.
163. Первое заседание, 5 августа утром, под председательством В. С. Иконникова // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. : в 2-х т. Киев, 1878. Т. 1. С. XVIII–XXI.
164. Второе заседание, 8 августа утром, под председательством А. Ф. Бычкова // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. : в 2-х т. Киев, 1878. Т. 1. С. XXI–XXIV.
165. *Формозов А. А.* Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984. 239 с.
166. *Забелин И. Е.* В чем заключаются основные задачи археологии, как самостоятельной науки? // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. : в 2-х т. Киев, 1878. Т. 1. С. 1–17.
167. *Уваров А. С.* Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии, и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа? // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. : в 2-х т. Киев, 1878. Т. 1. С. 19–38.
168. *Брикнер А. Г.* Какие могут и должны быть устраиваемы, при университетском преподавании археологии, практические упражнения и занятия // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. : в 2-х т. Киев, 1878. Т. 1. С. 39–48.
169. *Тарасенко О. О.* До становлення школи істориків університету св. Володимира: Платон Васильович Павлов // Парадигма пізнання: Гуманітарні питання. 2015. № 7 (10). С. 5–30.
170. 4. Заседания III Отделения – Памятники искусств и художеств. Четвертое заседание, 19 августа вечером, под председательством Е. Е. Цветковского // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. : в 2-х т. Киев, 1878. Т. 1. С. XLVII–XLIX.
171. *Левченко М. М.* Об уничтожении памятников старины в Южной России // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. : в 2-х т. Киев, 1878. Т. 1. С. 309–312.

172. 7. Заседание VI Отделения – Памятники языка и письма. Шестое заседание, 21 августа утром, под председательством И. И. Срезневского // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. : в 2-х т. Киев, 1878. Т. 1. С. LXV–LXXIV.
173. *Щавелев С. П.* Позабитые страницы истории русской науки и культуры // Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843–1911) / сост., вступ. ст. и коммент. С. П. Щавелева. Курск, 2007. С. 21–36.
174. *Голотвин А. Н.* Д. Я. Самоквасов и изучение славянско-русских курганов юго-востока Древней Руси // Новик : сб. науч. работ аспирантов и студентов ист. ф-та Воронеж. гос. ун-та / науч. ред. Ю. В. Селезнев. Воронеж, 2004. С. 37–41.
175. Правила съезда, утвержденные г. министром народного просвещения 8 декабря 1876 г. // Четвертый археологический съезд в Казани. 31 июля 1877 г. М., 1876. С. 11–12.
176. Список членов и участников IV Археологического съезда // Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. : в 2-х т. Казань, 1884. Т. 1. С. XVI–XXIV.
177. Вопросы, предложенные к обсуждению на съезде // Четвертый археологический съезд в Казани. 31 июля 1877 г. М., 1876. С. 13–16.
178. «Новые» имена: историко-литературные и краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX в. / сост. М. И. Роднов. СПб., 2015. 174 с.
179. Закрытие съезда. 17 августа вечером // Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. : в 2-х т. Казань, 1884. Т. 1. С. CXXVIII–CXXXVI.
180. *Ераков А.* Исследование о полной сети железнодорожного сообщения в России // Отеч. записки. 1873. Т. 208 (№ 5, май). С. 5–68.
181. Девятое заседание, 5 августа вечером, по общим вопросам (под председательством Е. Е. Замысловского) // Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. : в 2-х т. Казань, 1884. Т. 1. С. LVI–LX.
182. *Айдаров С. С.* Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Богара // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001. С. 5–149.
183. *Полякова Г. Ф.* Археологическое исследование соборной мечети // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001. С. 150–175.
184. Пятнадцатое заседание, 10 августа вечером, по вопросам общим. Общее собрание съезда (под председательством Альфреда Рамбо) // Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани

с 31 июля по 18 августа 1877 г. : в 2-х т. Казань, 1884. Т. 1. С. LXXX–XCIII.

185. Одиннадцатое заседание, 8 августа вечером, по Отделению восточных древностей (под председательством Ф. А. Терновского) // Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. : в 2-х т. Казань, 1884. Т. 1. С. LXIII–LXVI.

186. Двадцатое заседание, 15 августа вечером, по Отделению памятников искусств и художеств (под председательством Н. В. Калачева) // Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. : в 2-х т. Казань, 1884. Т. 1. С. CIX–CXVII.

187. Открытие археологического съезда 8-го сентября 1881 г. // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887. С. XIII–XVII.

188. Протоколы Подготовительного комитета: [Первое заседание, 7 марта 1878 г.] // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного комитета. М., 1879. С. 1–12.

189. Протоколы Подготовительного комитета: [Третье заседание, 13 марта 1879 г.] // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного комитета. М., 1879. С. 35–50.

190. Протокол восьмого заседания Тифлисского Предварительного комитета. 18 ноября 1880 г. // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного комитета. М., 1879. С. 331–340.

191. Правила съезда, утвержденные г. министром народного просвещения 12 апреля 1880 г. // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887. С. I–III.

192. Список членов и участников археологического съезда // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887. С. XI–XIII.

193. Общее собрание. 21 сентября, вечером // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887. С. LXXXIX–XCVIII.

194. Протокол заседания комиссии для выработки программ археологического исследования Кавказа // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887. С. XCVIII–CVII.

195. 19 сентября, утром. Отделение II. Памятники языческие и классические // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887. С. LXXII–LXXIII.

196. *Анучин Д. Н.* К вопросу о составлении легенды для археологической карты России (по доисторической археологии). М., 1884. 8 с.

197. 9 сентября, утром. Отделение I. Памятники первобытные // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887. С. XXIV–XXVIII.

198. *Самоковсов Д. Я.* Могильные древности Пятигорского округа // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887. С. 39–60.

199. 10 сентября, вечером. Отделение V. Памятники искусств и художеств // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887. С. XXXIII–XXXV.
200. 17 сентября, утром. Отделение V. Памятники искусств и художеств // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887. С. LXIII.
201. Отчет Распорядительного Комитета по устройству VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.) // Труды VI Археологического съезда (1884 г.) : в 4-х т. Одесса, 1886. Т. 1. С. XLIII–XLVII.
202. *Помяловский И. В.* Шестой археологический съезд в Одессе 1884 г. // ЖМНП. 1885. Ч. 237. Отд. 4. С. 1–56.
203. Личный состав съезда // Труды VI Археологического съезда (1884 г.) : в 4-х т. Одесса, 1886. Т. 1. С. XLIX–LXII.
204. *Музичко О. С.* Леонтович Федір Іванович // Профессори Одеського (Новоросійського) університету: Біографічний словник / ред. В. А. Сминтина. Одеса, 2005. Т. 1. Ректори. С. 15–23.
205. Вопросы, по которым желательно получить сведения к съезду // Труды VI Археологического съезда (1884 г.) : в 4-х т. Одесса, 1886. Т. 1. С. XXXII–XLII.
206. Краткий указатель музея Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1867. 28 с.; 1871. 44 с.
207. Ретовский О. Ф. Указатель Феодосийского музея древностей. Одесса, 1880. 23 с.
208. *Евсеев А. А.* Указатели Феодосийского музея древностей // Херсонесский колокол / под. ред. Э. Б. Петровой. Симферополь, 2008. С. 391–393.
209. *Непомнящий А. А.* Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX – начале XX в. Симферополь, 1998. 208 с.
210. *Бурачков П. О.* Сборник материалов для изучения искусства и монетного производства у народов, живших в древности на юге нынешней России в период пребывания там эллинов. Одесса, 1884. Ч. 1. 289 с.
211. *Lemmé J.* Collection Lemmé à Odessa décrite par M. F. Odessa, 1884. P. 1: Orfèvrerie antique. 6 p., 10 tabl. (Dédié au VI-nie Congrès Archéologique Russe).
212. *Латышев В. В.* Сообщение о ходе работ по изданию общего сборника греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.) : в 4-х т. Одесса, 1888. Т. 2. С. 44–55.
213. *Матвеев А. А.* К вопросу об археологических исследованиях в Южной России. Одесса, 1884. Ч. 3: Археология. 100 с.
214. Отчет Распорядительного Комитета по устройству VI Археологического съезда в Одессе // Труды VI Археологического съезда (1884 г.) : в 4-х т. Одесса, 1886. Т. 1. С. XLIII–XLVII.

215. Первое общее собрание // Бюллетени VI Археологического съезда в Одессе (Из газеты «Новороссийский телеграф»). Одесса, 1884. № 1. С. 3–7.
216. Правила, выработанные предварительным комитетом и утвержденные г. министром народного просвещения 30 июля 1883 г. // Труды VI Археологического съезда (1884 г.) : в 4-х т. Одесса, 1886. Т. 1. С. XXI–XXIII.
217. Отделение памятников искусств. Заседание 25 августа, 10 часов утра // Бюллетени VI Археологического съезда в Одессе. Одесса, 1884. № 8. С. 12–16.
218. Отделение памятников искусств. Заседание 28 августа // Рефераты заседаний VI Археологического съезда в Одессе (из газеты «Новороссийский телеграф»). Одесса, 1884. № 10. С. 10–12.
219. Отделение памятников классических. Заседание 17 августа // Бюллетени VI Археологического съезда в Одессе. Одесса, 1884. № 3. С. 7–8.
220. *Крылов А. Л.* О старине Донской области // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.) : в 4-х т. Одесса, 1889. Т. 4. С. 26–78.
221. *Суслов В. В.* О древних деревянных постройках северных окраин России // Труды VI Археологического съезда (1884 г.) : в 4-х т. Одесса, 1886. Т. 1. С. 253–257.
222. Археологическая выставка VI-го съезда // Труды VI Археологического съезда (1884 г.) : в 4-х т. Одесса, 1886. Т. 1. С. LXIX–LXXVII.
223. Императорское Одесское общество истории и древностей в 1884 г. // ЖМНП. 1885. Ч. 238. С. 107–114.
224. *Шаманаев А. В.* Вклад В. Н. Юргевича в изучение и сохранение памятников Крыма // Античная древность и Средние века / ред. А. С. Мохов. Екатеринбург, 2011. С. 409–421.
225. Письмо В. Н. Юргевича настоятелю Херсонесского монастыря св. Владимира о. Пахомию от 17 сентября 1884 г. // ГАГС. Ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 237.
226. Заметка об экскурсии, состоявшейся после закрытия VI Археологического съезда, в Крым // Труды VI Археологического съезда (1884 г.) : в 4-х т. Одесса, 1886. Т. 1. С. LXXVIII–LXXX.
227. *Лушников А. М., Тарусина Н. Н.* Ярославская юридическая школа: от Демидовского юридического лицея до Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова // LEX RUSSICA (Русский закон). 2014. № 3. С. 261–273.
228. *Смирнов А. С.* Харьков или Ярославль? (о подготовке VII археологического съезда) // Труды III (XIX) Всерос. археологического съезда : в 2-х т. СПб.–М.–Великий Новгород, 2011. Т. 2. С. 348–349.
229. Запросы, на которые желательно получить разъяснения на съезде // Седьмой съезд археологический в Ярославле. 6 августа 1887 г. М., 1886. С. 17–22.

230. Закрытие съезда // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887 : в 3-х т. М., 1892. Т. 3. С. 105–113.
231. Состав съезда // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887 : в 3-х т. М., 1892. Т. 3. С. 20–28.
232. 6 августа, вечером. Отделение I. Древности первобытные // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887 : в 3-х т. М., 1892. Т. 3. С. 43–44.
233. 16 августа, утром. Отделение VIII. Древности восточные // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887 : в 3-х т. М., 1892. Т. 3. С. 80–100.
234. 19 августа, днем. Заседание Совета съезда // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887 : в 3-х т. М., 1892. Т. 3. С. 100–101.
235. *Полунина Н. М.* Коллекционеры России XVII – начало XX вв. : энциклопед. словарь. М., 2005. С. 560 с.
236. ПСЗ РИ. Собр. 2-е : в 55-ти т. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1842. № 14280. С. 124–125.
237. *Уварова П. С.* Областные музеи // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887 : в 3-х т. М., 1891. Т. 2. С. 259–328.
238. *Лихачев И. Ф.* Замечания, вызванные докладом гр. Уваровой // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887 : в 3-х т. М., 1891. Т. 2. С. 329–337.
239. *Лихачев И. Ф.* Об устройстве провинциальных музеев и основании Общества охраны национальных памятников // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887 : в 3-х т. М., 1891. Т. 2. С. 337–356.
240. *Шаманаев А. В.* Эволюция организационных принципов деятельности Одесского общества истории и древностей (по материалам «Уставов» ООИД) // Воронцовский сборник / ред. И. Н. Шкляев. Одесса, 2011. Вып. 4. С. 122–126.
241. *Писарькова Л. Ф.* Губернские ученые архивные комиссии : организация, численность и условия деятельности // Археограф. ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 187–198.
242. *Вейнер П.* Охрана памятников старины // Старые годы. 1909. № 4. С. 203–204.
243. *Медведева М. В.* Из истории Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины // Арх. вести. 2007. Вып. 14. С. 259–267.
244. Состав съезда // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890 : в 4-х т. М., 1897. Т. 4. С. 22–36.
245. Вопросы, предложенные на обсуждение VIII археологического съезда // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890 : в 4-х т. М., 1897. Т. 4. С. 9–13.

246. *Алексеев Л. В.* Археология и краеведение Белоруси XVI в. – 30-е годы XX в. Минск, 1996. 206 с.
247. Открытие VIII археологического съезда // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890 : в 4-х т. М., 1897. Т. 4. С. 37–48.
248. *Уварова П. С.* Отчет о действиях Предварительного Комитета // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890 : в 4-х т. М., 1897. Т. 4. С. 38–44.
249. 15 января. 2 часа дня. 2-е общее собрание // Занятия Восьмого археологического съезда. М., 1890. С. 59–65.
250. 15 января. 2 часа дня. Общее заседание // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890 в 4-х т. М., 1897. Т. 4. С. 81–84.
251. *Вздорнов Г. И.* Георгиевский Василий Тимофеевич // Православная энциклопедия / под. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2005. Т. 10: Второзаконие – Георгий. С. 654–655.
252. Титовы: Ростов-Париж-Москва. Живые голоса / под. ред. А. Е. Леонтьева. Ростов, 2002. 93 с.
253. 16 января. 11 часов утра. Отделение V. Памятники церковные // Занятия Восьмого археологического съезда. М., 1890. С. 72–74.
254. *Титов А. А.* Церковь Иоанна Богослова в Ростовском Кремле // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890 в 4-х т. М., 1897. Т. 3. С. 337–341.
255. 21 января. 10 часов утра. Отделение II. Древности историко-географические и этнографические // Занятия Восьмого археологического съезда. М., 1890. С. 135–143.
256. 13 января. 1 час дня. Отделение I. Древности первобытные // Занятия Восьмого археологического съезда. М., 1890. С. 37–44.
257. 13 января. 1 час дня. Отделение I. Древности первобытные // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890 в 4-х т. М., 1897. Т. 4. С. 56–69.
258. 23 января. 3 часа дня. Заседание Совета Съезда // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890 в 4-х т. М., 1897. Т. 4. С. 196–198.
259. *Смирнов А. С.* Виленский археологический съезд и польско-русские противоречия в Северо-Западном крае // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 13 (132). Вып. 23. С. 67–74.
260. Заседание Совета съезда. 11 августа, утром // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 : в 2-х т. М., 1897. Т. 2. С. 119–120.
261. *Сторожев В. Н.* IX Археологический съезд в Вильно. СПб., 1894. 25 с.
262. Запросы, на которые желательно получить разъяснение на съезде // Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета

- по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Вильно, 1893. Отд. 1: Протоколы и приложения к ним. С. 13–20.
263. *Зорина Л. И.* Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург, 1996. 208 с. (Уч. зап. Свердл. обл. краеведческого музея. Т. 1.)
264. *Суслова А. В., Славина Т. А.* Владимир Суслов. Л., 1978. 88 с.
265. *Портнова Т.* Петров Микола Іванович // Українські архівісти: біобібліографічний довідник / упоряд. О. М. Коваль, І. Б. Матяш, В. С. Шандра. Київ, 1999. Вип. 1 (XIX ст. – 1930-ті рр.). С. 262–265.
266. *Покровский Ф. В.* Археологическая карта Виленской губернии // Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Вильно, 1893. Отд. 2: Исследования. С. V–XVIII, 1–164.
267. Депутаты IX археологического съезда // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 : в 2-х т. М., 1897. Т. 2. С. 6–18.
268. Состав съезда // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 : в 2-х т. М., 1897. Т. 2. С. 5.
269. 11 августа, утром. Отделение X. Памятники археографические // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 : в 2-х т. М., 1897. Т. 2. С. 81–83.
270. *Сухова Н. Ю.* Беляев Александр Дмитриевич // Православная энциклопедия / под. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2002. Т. 4: Афанасий–Бессмертие. С. 584–588.
271. 3 августа, утром. Отделение III. Памятники искусств и художеств // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 : в 2-х т. М., 1897. Т. 2. С. 41–45.
272. Профессор Николай Васильевич Покровский, директор Императорского Археологического института: 1874–1909. Краткий очерк ученой деятельности. СПб., 1909. 118 с.
273. 12 августа утром. Отделение VII. Древности классические и византийские // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 : в 2-х т. М., 1897. Т. 2. С. 91–98.
274. *Фролов Э. Д.* Немецкий профессор в русском университете: Эрнст Романович фон Штерн (1859–1924) // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2001. № 3. С. 29–53.
275. 13 августа, вечером. Отделение IV: Памятники быта // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 : в 2-х т. М., 1897. Т. 2. С. 111–114.
276. 14 августа, днем. Заключительное собрание // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 : в 2-х т. М., 1897. Т. 2. С. 120–126.
277. Протокол первого заседания Предварительного комитета по устройству, в 1896 г., в г. Риге, X археологического съезда, 5 января 1894 г. //

- Труды Московского предварительного комитета X Археологического съезда в Риге : в 2-х вып. М., 1895. Вып. 1. С. 1–5.
278. Протокол второго заседания Предварительного комитета по устройству, в 1896 г., в г. Риге, X археологического съезда, 6 января 1894 г. // Труды Московского предварительного комитета X Археологического съезда в Риге : в 2-х вып. М., 1895. Вып. 1. С. 5–8.
279. Правила съезда, утвержденные г. министром народного просвещения 14 июня 1894 г. // Труды Московского предварительного комитета X Археологического съезда в Риге : в 2-х вып. М., 1895. Вып. 1. С. 18–19.
280. Протокол заседания в замке в Митаве 23 марта 1895 г. // Труды Московского предварительного комитета X Археологического съезда в Риге : в 2-х вып. М., 1895. Вып. 1. С. 86–89.
281. *Лудмер Я. И.* Герцогский архив в Митаве // Труды Московского предварительного комитета X Археологического съезда в Риге : в 2-х вып. М., 1895. Вып. 1. С. 77–81.
282. *Военский К. К.* Систематическая роспись актам и документам Курляндского герцогского архива в Митаве // Труды Московского предварительного комитета X Археологического съезда в Риге : в 2-х вып. М., 1896. Вып. 2. С. 224–283.
283. Состав съезда // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 : в 3-х т. М., 1900. Т. 3. С. 6–25.
284. *Andree Chr.* Rudolf Virchow : Leben und Ethos eines grossen Arztes. München, 2002. 304 p.
285. Открытие съезда // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 : в 3-х т. М., 1900. Т. 3. С. 26–43.
286. 14 августа, вечером. Заседание совета съезда // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 : в 3-х т. М., 1900. Т. 3. С. 125–127.
287. ПСЗ РИ. 3-собр. : в 33-х т. СПб., 1891. Т. 9. 1889. № 5841. С. 95.
288. *Смолин В. Ф.* Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников старины в России // Изв. Археологической Комиссии. 1917. Вып. 63. С. 121–148.
289. 15 августа, днем. Заключительное заседание съезда // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 : в 3-х т. М., 1900. Т. 3. С. 127–135.
290. 6 августа, 4 ч. дня. Отделение VIII: Древности прибалтийские // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 : в 3-х т. М., 1900. Т. 3. С. 66–67.
291. 2 августа, 3 ч. дня. Отделение VII. Древности классические, византийские и западноевропейские // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 : в 3-х т. М., 1900. Т. 3. С. 50–51.

292. *Штерн Э. Р. фон* О подделке классических древностей на юге России // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 : в 3-х т. М., 1899. Т. 1. С. 189–196.
293. Заседание 15 августа. 1 ч. дня. Заседание общее и завершение съезда // Изв. X Археологического съезда в Риге. 1–15 августа 1896 г. Рига, 1896. С. 106–113.
294. *Маркевич Ал. И.* Южная Россия на X Археологическом съезде в Риге // ИТУАК. 1897. № 27. С. 38–48.
295. *Либман М. Я., Островский Г. С.* Поддельные шедевры. М., 1966. 111 с.
296. *Duchêne H.* “Nous n’étions pourtant pas si bêtes de croire à la tiare!” – Edmond Pottier, Salomon Reinach: deux dans l’épreuve // Journal des savants. 2005. Vol. 1, № 1. P. 165–211.
297. *Латышев В. В.* О поддельных греческих надписях из Южной России // ЗООИД. 1895. Т. 18. С. 1–8.
298. *Штерн Э. Р. фон* Несколько заметок по поводу статьи В. В. Латышева «О поддельных греческих надписях из Южной России» // ЗООИД. 1895. Т. 18. С. 65–86.
299. *Бертье-Делагард А. Л.* Подделка греческих древностей на Юге России // ЗООИД. 1896. Т. 19. С. 27–68.
300. *Штерн Э. Р. фон* О новейших подделках в области керамики на Юге России // ЗООИД. 1897. Т. 20. С. 37–41.
301. Вопросы, предложенные на обсуждение XI Археологического съезда // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899 : в 2-х т. М., 1902. Т. 2. С. 16–22.
302. Заседания Московского Предварительного комитета XI Археологического съезда // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899 : в 2-х т. М., 1902. Т. 2. С. 1–7.
303. Запросы, на которые желательно получить разъяснение на съезде // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899 : в 2-х т. М., 1902. Т. 2. С. 24–28.
304. Личный состав съезда // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899 : в 2-х т. М., 1902. Т. 2. С. 32–46.
305. *Уварова П. С.* Отчет предварительного комитета // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899 : в 2-х т. М., 1902. Т. 2. С. 49–56.
306. 18 августа. 7 ½ часов вечера. Общее собрание // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899 : в 2-х т. М., 1902. Т. 2. С. 158–163.
307. *Тихонов И. Л.* Последний председатель Императорской Археологической Комиссии граф А. А. Бобринский // Невск. арх.-историограф. сборник: к 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова / отв. ред. А. Д. Столяр. СПб., 2003. С. 95–117.

308. 16 августа. 10 часов утра. Общее собрание // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899 : в 2-х т. М., 1902. Т. 2. С. 141.
309. *Виттыг В. М.* О нуждах археологии в Царстве Польском // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899 : в 2-х т. М., 1901. Т. 1. С. 465–468.
310. 10 августа. 2 ½ часа дня (актовый зал). III Отд. Памятники искусств и художеств // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899 : в 2-х т. М., 1902. Т. 2. С. 107–109.
311. 10 августа. 2 ½ часа дня (XV аудитория). IX Отд. Древности восточные // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899 : в 2-х т. М., 1902. Т. 2. С. 109–110.
312. 19 августа. 10 часов утра (актовый зал). Заседание совета XI-го Археологического съезда // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899 : в 2-х т. М., 1902. Т. 2. С. 163–164.
313. Открытие съезда // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 260–284.
314. *Филиппенко Р. И.* Е. К. Редин – секретарь Харьковского предварительного комитета по подготовке XII Археологического съезда // Древности-2004. Харьков, 2004. С. 13–17.
315. Протоколы заседаний Предварительного комитета // Двенадцатый археологический съезда в Харькове в 1902 г. М., 1900. С. 5–19.
316. Вопросы, предлагаемые на обсуждение // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 233–238.
317. *Щавелев С. П.* Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, 2009. 468 с.
318. Запросы, на которые желательно получить разъяснения на съезде // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 239–243.
319. Члены съезда // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 251–259.
320. Список депутатов, командированных на съезд учеными обществами и учреждениями // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 247–250.
321. Личный состав съезда // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 245–246.
322. 17 августа в 2 часа дня // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 296.
323. *Сафронова Е. В.* Василий Никифорович Александренко: юрист-международник и историк по призванию (посвящается 150-летию со дня рождения) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2011. № (13). Ч. 3. С. 186–187.

324. *Виноградов Ю. А., Мусин А. Е.* Императорская Археологическая Комиссия и исследование древней Ольвии // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009. С. 487–521.
325. *Авдоница Н. А., Масловская Н. С.* Библиографический подвиг // Библиография. 2009. № 6. С. 85–88.
326. 27 августа // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 388–389.
327. 23 августа, 2 часа дня. Актальный зал. Отд. I. Древности первобытные // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 351–352.
328. *Савелов Л. М.* Коростыянский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 1. С. 157–167.
329. *Бессуднов А. Н.* Об археологических занятиях Л. М. Савелова // *Filo Ariadne*. 2016. № 2. С. 71–80.
330. *Акиншин А. Н.* Богалей Дмитрий Иванович // Воронежская историко-культурная энциклопедия. Персоналии / гл. ред. О. Г. Ласунский. Воронеж, 2006. С. 31.
331. 24 августа 10 ½ час. утра. Отд. I. Первобытные древности // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 361–366.
332. *Багалей Д. И.* Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 1. С. 1–92.
333. *Багалей Д. И.* Предисловие к археологической карте // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 1. С. I–IV.
334. 26 августа, в 2 часа дня. Отд. I. Древности первобытные // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 382–385.
335. *Потапкина Н. А.* Археологические экскурсии Воронежской ученой архивной комиссии // Науч. вестн. Воронеж. гос. арх.-строит. ин-та. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Вып. 2. С. 27–38.
336. *Бойчук С. Г.* Общественно-просветительская и научная деятельность Е. Д. Фелицына (1848–1903). Краснодар, 2010. 176 с.
337. 24 августа, 8 часов вечера. Отд. II. Древности историко-географические и этнографические // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 371–373.

338. 17 августа, 8 час. Вечера. V. Отд. Древности церковные // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 296–301.
339. Вопросы, предлагаемые на обсуждение XIII Археологического съезда // Правила тринадцатого Археологического съезда в Екатеринославе в 1905 г. и протоколы заседаний Предварительного комитета 4–6 января 1903 г. М., 1903. С. 43–45.
340. *Зверев М. С.* С. Е. Зверев, его семья и культурная жизнь Воронежа конца XIX века – первых лет Советской власти // Воронеж. краевед. сб. Воронеж, 1985. С. 124–144.
341. Запросы, на которые желательно получить разъяснение на XIII Археологическом съезде // Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905 : в 2-х т. М., 1908. Т. 2. С. 46–49.
342. Открытие съезда // Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905 : в 2-х т. М., 1908. Т. 2. С. 172–192.
343. *Прусевич А. Н.* 23–28 августа. Экскурсия на Днепровские пороги // Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905 : в 2-х т. М., 1908. Т. 2. С. 267–269.
344. *Данилевич В. Е.* 24–27 августа. Экскурсия в Херсонис и Севастополь // Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905 : в 2-х т. М., 1908. Т. 2. С. 269–273.
345. Члены съезда // Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905 : в 2-х т. М., 1908. Т. 2. С. 166–171.
346. Депутаты ученых обществ и учреждений // Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905 : в 2-х т. М., 1908. Т. 2. С. 163–165.
347. Личный состав съезда // Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905 : в 2-х т. М., 1908. Т. 2. С. 161–162.
348. 19-го августа. 2 часа дня. III. Отделение: Памятники искусств, нумизматики и сфрагистики // Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905 : в 2-х т. М., 1908. Т. 2. С. 217–223.
349. *Філіппенко Р. І., Куделко С. М.* Є. К. Редін – професор Харківського університету. Харків, 2008. 228 с.
350. 20-го августа. 10 час. утра. VII Отделение: Древности классические, византийские, восточные и западно-европейские // Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905 : в 2-х т. М., 1908. Т. 2. С. 227–230.
351. Мечети Самарканда. СПб., 1905. Вып. 1: Гур-Эмир. IX, 18 с.
352. *Длужневская Г. В., Кирчо Л. Б.* Императорская Археологическая Комиссия и изучение древностей Средней Азии // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У исто-

- ков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009. С. 783–812.
353. Закрытие съезда // Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905 : в 2-х т. М., 1908. Т. 2. С. 255–267.
354. 22 августа. 10 час. утра. I Отделение: Первобытные древности // Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905 : в 2-х т. М., 1908. Т. 2. С. 247–251.
355. Руденко Г. Г. Життєвий та творчий шлях К. М. Мельник-Антонович // Історія і культура Придніпров'я : Невідомі та маловідомі сторінки. 2009. Вип. 6. С. 121–129.
356. Протоколы заседаний Московского Предварительного комитета XIV археологического съезда. 1 // Труды Четырнадцатого археологического съезда в Чернигове. 1908 : в 3-х т. М., 1911. Т. 3. Протоколы. С. 1–6.
357. Труды Московского Предварительного комитета четырнадцатого археологического съезда : в 2-х вып. М., 1906. Вып. 1. 124 с.
358. Труды Московского Предварительного комитета четырнадцатого археологического съезда : в 2-х вып. М., 1908. Вып. 2. 52 с.
359. Труды Черниговского предварительного комитета по устройству XIV археологического съезда в Чернигове. Чернигов, 1908. 180 с.
360. Вопросы, предполагаемые на обсуждение XIV археологического съезда // Труды Четырнадцатого археологического съезда в Чернигове. 1908 : в 3-х т. М., 1911. Т. 3. Протоколы. С. 24–30.
361. Закрытие съезда // Изв. XIV Археологического съезда в г. Чернигове. 1–15 августа 1908 г. Чернигов, 1908. С. 147–152.
362. Список членов XIV Археологического съезда в Чернигове // Изв. XIV Археологического съезда в г. Чернигове. 1–15 августа 1908 г. Чернигов, 1908. С. 153–163.
363. Депутаты, назначенные в XIV археологический съезд // Изв. XIV Археологического съезда в г. Чернигове. 1–15 августа 1908 г. Чернигов, 1908. С. 1–6.
364. Заседание совета съезда 31 июля 1908 г. // Изв. XIV Археологического съезда в г. Чернигове. 1–15 августа 1908 г. Чернигов, 1908. С. 7–12.
365. 5 августа. 7 часов. Заседание Ученого Комитета // Труды Четырнадцатого археологического съезда в Чернигове. 1908 : в 3-х т. М., 1911. Т. 3. Протоколы. С. 75–77.
366. Савельев Ю. Р. Николай Султанов (архитекторы Санкт-Петербурга). СПб., 2003. 240 с.
367. Основные положения, выработанные Комиссией по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников и зданий в заседаниях 22 февраля, 7, 14 и 28 марта и 14 апреля 1905 г. // Материалы

по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским археологическим обществом. М., 1911. С. 45–49.

368. Неразрешенные еще Комиссией вопросы, по которым желательно было бы выслушать мнение компетентных учреждений // Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским археологическим обществом. М., 1911. С. 49–51.

369. Закрытие съезда // Изв. XIV Археологического съезда в г. Чернигове. 1–15 августа 1908 г. Чернигов, 1908. С. 147–152.

370. 7 августа. В 10 час. утра I. Древности первобытные // Изв. XIV Археологического съезда в г. Чернигове. 1–15 августа 1908 г. Чернигов, 1908. С. 78–82.

371. 7 августа. 1 ч. дня. Заседание Ученого комитета // Труды Четырнадцатого археологического съезда в Чернигове. 1908 : в 3-х т. М., 1911. Т. 3. Протоколы. С. 81.

372. 8 августа. 12 часов дня. Заседание комиссии для составления инструкции для лиц, предпринимающих раскопки // Труды Четырнадцатого археологического съезда в Чернигове. 1908 : в 3-х т. М., 1911. Т. 3. Протоколы. С. 93–111.

373. Производство археологических раскопок / сост. А. Спицин. СПб., 1895. 70 с.

374. Закрытие съезда // Изв. XIV Археологического съезда в г. Чернигове. 1–15 августа 1908 г. Чернигов, 1908. С. 147–152.

375. *Городцов В. А.* Руководство для археологических раскопок. М., 1914. 63 с.

376. 7 августа. В 6 часов вечера. VII. Древности классические, византийские, восточные и западно-европейские // Изв. XIV Археологического съезда в г. Чернигове. 1–15 августа 1908 г. Чернигов, 1908. С. 91–97.

377. 7 августа. В 6 часов вечера. VII. Древности классические, византийские, восточные и западноевропейские // Труды Четырнадцатого археологического съезда в Чернигове. 1908 : в 3-х т. М., 1911. Т. 3. Протоколы. С. 81–85.

378. *Фармаковская Т. И.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988. 215 с.

379. *Елишин Д. Д.* Императорская Археологическая Комиссия и раскопки в Киеве 1908–1914 гг. // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009. С. 909–937.

380. *Черняков И.* Вікентій Хвойка. 1850-1914. Київ, 2005. 200 с.

381. 4 августа. В 6 часов вечера. III. Памятники искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики // Изв. XIV Археологического съезда в г. Чернигове. 1–15 августа 1908 г. Чернигов, 1908. С. 58–64.
382. Заседания 8 августа. В 10 часов утра. V. Древности церковные // Изв. XIV Археологического съезда в г. Чернигове. 1–15 августа 1908 г. Чернигов, 1908. С. 101–104.
383. Бочков Д. А. Некролог: П. М. Добровольский // ИВ. 1910. Т. 122. С. 1217–1219.
384. Русские писатели-богословы. Исследователи богослужения и церковного искусства. Библиографический указатель / сост. О. В. Курочкина, Н. С. Степанова, А. С. Чистякова. М., 2004. 280 с.
385. 9 августа. В 11 часов утра. III. Памятники искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики // Изв. XIV Археологического съезда в г. Чернигове. 1–15 августа 1908 г. Чернигов, 1908. С. 125–129.
386. *Спрингис Е. Э.* Горностаев Федор Федорович // Православная энциклопедия. 2006. Т. 12: Гомельская и Жлобинская епархия – Григорий Пакуриан. С. 133–134.
387. Закрытие съезда // Изв. XIV Археологического съезда в г. Чернигове. 1–15 августа 1908 г. Чернигов, 1908. С. 147–152.
388. Заседание Московского Предварительного комитета XV археологического съезда // Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. 1911 : в 2-х т. М., 1914. Т. 1. С. 3–20.
389. *Жервэ Н. Н.* Деятельность новгородских краеведов-археологов по изучению и охране памятников древности во второй половине XIX в. // РА. 1992. № 3. С. 225–235.
390. *Тимон Н. Г.* Новгородское общество любителей древности как важный центр научно-исследовательской и научно-издательской работы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 2 (40). С. 107–117.
391. 5 августа // Изв. XV Археологического съезда в Новгороде. М., 1911. № 13. С. 174.
392. Личный состав съезда // Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. 1911 : в 2-х т. М., 1914. Т. 1. С. 40–56.
393. Список членов XV археологического съезда в Новгороде // Изв. XV Археологического съезда в Новгороде. М., 1911. № 13. С. 175–185.
394. Список депутатов на XV археологический съезд // Изв. XV Археологического съезда в Новгороде. М., 1911. № 1. С. 1–6.
395. Открытие съезда // Изв. XV Археологического съезда в Новгороде. М., 1911. № 3. С. 15–24.
396. *Фотий (Нечепоренко).* Арсений // Православная энциклопедия. 2001. Т. 3: Анфимий – Афанасий. С. 410–411.

397. *Медникова Т. В.* Музей Псковского церковного историко-археологического комитета // Псков. 2011. № 35. С. 172–179.
398. *Жервэ Н. Н.* Деятельность Новгородского общества любителей древностей по охране и археологическому изучению памятников новгородской старины (1908–1930 гг.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 1989. С. 11–114.
399. *Уварова П. С.* Отчет Предварительного комитета // Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. 1911 : в 2-х т. М., 1914. Т. 1. С. 65–72.
400. *Колесникова М. Е. Г. Н.* Прозрителев и Ставропольская ученая архивная комиссия // Архивный фонд РФ: феномен, мифы, реальность : Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Москва, 23–24 мая 2001 г. М., 2001. С. 69–74.
401. *Колесникова М. Е. Г. Н.* Прозрителев – историк-краевед, собиратель архивов // Отеч. архивы. 2002. № 3. С. 19–31.
402. 27 июля 3 часа дня, параллельное заседание. Отделение I. Древности первобытные // Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. 1911 : в 2-х т. М., 1914. Т. 1. С. 107–112.
403. *Сиротина О. А.* Реставрация древнерусской монументальной живописи в Великом Новгороде (по материалам переписки А. И. Анисимова с П. С. Уваровой): к 120-летию создания Новгородского общества любителей древности // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56). С. 96–102.
404. 27 июля 3 часа дня. Отделение III. Памятники искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики // Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. 1911 : в 2-х т. М., 1914. Т. 1. С. 103–106.
405. *Алпаткина Т. Г., Голенищева-Кутузова В. Е.* «Автобиографическая канва» Б. П. Денике // РА. 2002. № 2. С. 153–161.
406. 2 августа 8 часов вечера. Отделение II. Церковные древности // Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. 1911 : в 2-х т. М., 1914. Т. 1. С. 171–174.
407. 1 августа в 8 часов вечера. Отделение III. Памятники искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики // Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. 1911 : в 2-х т. М., 1914. Т. 1. С. 169–170.
408. 2 августа 10 часов утра. По общим вопросам // Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. 1911 : в 2-х т. М., 1914. Т. 1. С. 171.
409. 3 августа 2 часа дня // Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. 1911 : в 2-х т. М., 1914. Т. 1. С. 176–182.
410. Протокол первого заседания Предварительного комитета по устройству в 1914 г. Археологического съезда // Правила Шестнадцатого

археологического съезда в Пскове в 1914 г. и протоколы заседаний Предварительного Комитета 2–6 января 1912 г. М., 1912. С. 14–21.

411. Вопросы, предлагаемые на обсуждение XVI Археологического съезда // Правила Шестнадцатого археологического съезда в Пскове в 1914 г. и протоколы заседаний Предварительного Комитета 2–6 января 1912 г. М., 1912. С. 27–28.

412. Запросы, на которые желательно получить разъяснения на XVI Археологическом съезде // Правила Шестнадцатого археологического съезда в Пскове в 1914 г. и протоколы заседаний Предварительного Комитета 2–6 января 1912 г. М., 1912. С. 29–31.

413. *Автократова М. И., Самошенко В. Н.* Н. В. Калачев и развитие архивного дела в России во второй половине XIX в. // Сов. архивы. 1985. № 5. С. 28–31.

414. *Самошенко В. Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. 215 с.

415. *Набокина Т. А.* Организационная структура и полномочия членов уральских губернских ученых архивных комиссий // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 23 (238). Вып. 47. С. 126–131.

416. *Писарькова Л. Ф.* Губернские ученые архивные комиссии. 1884–1923 гг. : аннотированный указатель содержания изд. М., 2015. 944 с.

417. *Первушкин В. И.* Сохранение исторического наследия в Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерниях во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитар. науки и образование. 2010. № 1. С. 56–59.

418. *Антонов В. А.* Губернские ученые архивные комиссии и исследование археологических древностей Европейской России // 120 лет учреждения губернских ученых архивных комиссий в России : материалы межрегион. науч. конф. Рязань, 22–23 сентября 2004 г. / ред. И. В. Пономаренко. Рязань, 2007. С. 167–176.

419. *Калякина А. В.* Роль музеев ученых архивных комиссий в разработке форм и приемов музейной практики в первой четверти XX в.: на примере Орловского региона // Вопр. музеологии. 2012. № 2(6). С. 50–59.

420. *Макаренко Г. И.* Таврическая ученая архивная комиссия как источник сведений об истории и взаимодействии народов Крыма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (73). Ч. 1. С. 85–88.

421. *Шведова О. И.* Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археограф. ежегодник за 1957. М., 1958. С. 377–433.

422. *Филимонов С. Б.* Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.). Симферополь, 2004. 316 с.
423. *Симоненко І. М.* Губернські вчені архівні комісії в Україні: Історіографічний огляд і бібліографічний показчик. Київ, 2003. 132 с. (Архівні та бібліографічні джерела української історичної думки. Вип. 8).
424. Список членов VI археологического съезда // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884). Одесса, 1886 : в 4-х т. Т. 1. С. LIII–LXII.
425. 27 августа 1887 г. // ИТУАК. 1897. № 2. С. 1–3.
426. 13 августа, утром. Отделение II: Древности исторические, географические и этнографические // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887 : в 3-х т. М., 1892. Т. 3. С. 61–71.
427. Заседание 31 января 1890 г. // ИТУАК. 1890. №. 9. С. 142–152.
428. *Лашков Ф. Ф.* Крымские шертные грамоты XVI–XVII в., хранящиеся в Московском главном архиве МИД // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890 : в 4-х т. М., 1895. Т. 2. С. 191–208.
429. *Лашков Ф. Ф.* К вопросу о губернских исторических архивах // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890 : в 4-х т. М., 1895. Т. 2. С. 209–212.
430. 9 августа, утром. Отделение VI: Памятники языка и письменности // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 : в 2-х т. М., 1897. Т. 2. С. 66–68.
431. 9 августа, утром (параллельное заседание). Отделение I: Первобытные древности // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 : в 2-х т. М., 1897. Т. 2. С. 69–73.
432. 13 августа, утром. Отделение VI: Памятники языка и письменности // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 : в 2-х т. М., 1897. Т. 2. С. 102–104.
433. 2 августа, утром. Общее собрание // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 : в 2-х т. М., 1897. Т. 2. С. 37–41.
434. *Маркевич Ал. И.* К вопросу о народах, живших в древнее время в Черномории // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 : в 2-х т. М., 1895. Т. 1. С. 278–282.
435. 3 августа, вечером. Отделение II: Древности исторические, географические и этнографические // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 : в 2-х т. М., 1897. Т. 2. С. 45–47.
436. 3 августа, 7 час. вечера. Отделение IV: Быт домашний, юридический, общественный и военный // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 : в 3-х т. М., 1900. Т. 3. С. 57–58.

437. *Маркевич Ал. И.* Русский город Рига в половине XVII в. // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 : в 3-х т. М., 1899. Т. 1. С. 306–315.
438. 14 августа, утром. Отделение II: Древности историко-географические и этнографические и X. Нумизматики и сфрагистики // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 : в 3-х т. М., 1900. Т. 3. С. 119–120.
439. *Маркевич Ал. И.* О чеканке русских денег в Кокенгузене в половине XVII в. // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 : в 3-х т. М., 1899. Т. 1. С. 241–244.
440. 13 августа, днем. Отделение II: Древности историко-географические и этнографические и X. Нумизматики и сфрагистики // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 : в 3-х т. М., 1900. Т. 3. С. 118–119.
441. Заседание 4 октября 1896 г. // ИТУАК. 1897. №. 26. С. 160–171.
442. 4 августа. 10 часов утра. VI Отделение – Памятники письма и языка // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899 : в 2-х т. М., 1902. Т. 2. С. 71–73.
443. 5 августа. 10 часов утра (в актовом зале). VII Отделение – Древности византийские, классические и западноевропейские // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899 : в 2-х т. М., 1902. Т. 2. С. 78–80.
444. 9 августа. 8 часов вечера. II Отделение – Древности историко-географические и этнографические // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899 : в 2-х т. М., 1902. Т. 2. С. 104–105.
445. 23 августа, 10 час. утра. IX Отделение – Памятники археографические // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 345–350.
446. 17 августа, 10 час. утра // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 290–295.
447. 26 августа, в 10 час. утра. IX. Отделение – Археографическое // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 374–379.
448. 26 августа, 10 час. утра. Параллельное заседание. Отделение II – Древности историко-географические и этнографические // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 379–381.
449. 26 августа, 1 час. дня // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове : в 3-х т. М., 1905. Т. 3. С. 381–382.
450. Депутаты, назначенные на XIII археологический съезд // Изв. XIII Археологического съезда в Екатеринославе. 15–27 августа 1905 г. Харьков, 1905. С. I–IV.

451. Список г. г. членов XIII археологического съезда в Екатеринославе // Изв. XIII Археологического съезда в Екатеринославе. 15–27 августа 1905 г. Харьков, 1905. С. 149–157.
452. 18-го августа. 2 часа дня. IX отделение: Археография и архивоведение // Изв. XIII Археологического съезда в Екатеринославе. 15–27 августа 1905 г. Харьков, 1905. С. 43–47.
453. Заседания 11 августа. IX. Археография и архивоведение // Изв. XIV Археологического съезда в г. Чернигове. 1–15 августа 1908 г. Чернигов, 1908. С. 141–145.
454. 7 августа. В 7 часов вечера. II. Древности исторические и этнографические (чтение происходило на украинском языке) // Изв. XIV Археологического съезда в г. Чернигове. 1–15 августа 1908 г. Чернигов, 1908. С. 97–101.
455. 30 июля. 3 часа дня (параллельное). Отделение IX. Археография и архивоведение // Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. 1911 : в 2-х т. М., 1914. Т. 1. С. 143–146.
456. 30 июля в 3 часа дня (в гостиной) // XV археологический съезд в Новгороде. 1911. Путеводитель / сост. П. Г. Гайдуков, Н. Н. Жервз. М., 2011. С. 139–143.
457. Заседание 2 августа // XV археологический съезд в Новгороде. 1911. Путеводитель / сост. П. Г. Гайдуков, Н. Н. Жервз. М., 2011. С. 148–150.
458. 31 июля в 8 часов вечера // XV археологический съезд в Новгороде. 1911. Путеводитель / сост. П. Г. Гайдуков, Н. Н. Жервз. М., 2011. С. 71–74.
459. Заседание 2 декабря 1910 г. // ИТУАК. 1911. № 45. С. 129–132.
460. Заседание 26 января 1911 г. // ИТУАК. 1912. № 47. С. 8–12.
461. Заседание 4 октября 1893 г. // ИТУАК. 1893. № 19. С. 115–129.
462. Заседание 15 ноября 1899 г. // ИТУАК. 1899. № 30. С. 118–125.
463. Заседание 4 декабря 1902 г. // ИТУАК. 1902. № 34. С. 80–103.
464. Заседание 28 января 1909 г. // ИТУАК. 1909. № 43. С. 162–171.
465. *Маркевич Ар. И.* XIII Археологический съезд в г. Екатеринославе // ИТУАК. 1906. № 39. С. 121–123.
466. *Маркевич Ар. И.* XIV Археологический съезд в Чернигове // ИТУАК. 1909. № 43. С. 138–145.
467. *Яциуржинский Х. П.* Архивоведение на XI Археологическом съезде // ИТУАК. 1899. № 30. С. 59–64.
468. *Яциуржинский Х. П.* Классические древности на Черниговском археологическом съезде 1–12 августа 1908 г. // ИТУАК. 1909. № 43. С. 146–148.
469. *Маркевич Ал. И.* XI Киевский археологический съезд и труды его по истории Новороссийского края // ИТУАК. 1899. № 30. С. 65–79.
470. Древние вещи, принадлежащие Таврической ученой архивной комиссии, добытые при раскопках в лошине между Керменчиком (древ-

ний Неаполис) и Симферополем // Каталог выставки археологического съезда в Москве, 1890. М., 1890. Зала 8-ая. С. 76–77.

471. *Уваров А. С.* Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 851. Вып. 1. 138 с.

472. Заседание 28 ноября 1908 г. // ИТУАК. 1909. № 43. С. 158–162.

473. Заседание 17 декабря 1911 г. // ИТУАК. 1912. № 47. С. 58–64.

474. *Жервэ Н. Н., Гайдуков П. Г.* К 100-летию XV Археологического съезда в Новгороде // Труды III (XIX) Всерос. арх. съезда (Великий Новгород – Старая Русса) / отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов : в 2-х т. СПб.–М.–Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 7–8.

475. *Гриневич К. Э.* Сто лет Херсонесских раскопок. 1827–1927 (исторический очерк с экскурсионным планом). Севастополь, 1927. 56 с.

476. *Мусин А. Е.* Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб., 2006. 376 с.

477. *Стоянов Р. В.* Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009. С. 522–555.

478. Заседание 7 ноября 1913 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 280–286.

479. *Шипилов А. Д.* Областные историко-археологические съезды в России в начале XX века // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 47–51.

480. Заседание 30 января 1914 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 292–302.

481. Заседание 26 февраля 1914 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 302–308.

482. Заседание 26 марта 1914 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 308–316.

483. Заседание 3 сентября 1914 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 333–341.

484. *Ванюшева К. В.* Коммуникативные практики в истории отечественной археологии (конец XVIII – конец 80-х гг. XX в.) // Вестн. Удмурт. ун-та. История и филология. 2011. Вып. 3. С. 93–98.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Алексеев Л. В. 24
Анисимов А. И. 120
Антонович В. Б. 46, 50, 56, 60, 73, 78, 135, 136, 143
Анучин Д. Н. 15, 17, 19, 56, 61, 73, 81, 90
Апеельгрэн-Кивало О. Х. 86
Апостолов Л. Я. 119, 122
Аристов Н. Я. 35, 42, 55
Арсений (А. Г. Станницкий) 117
Астафьев В. В. 24
Афган-Мухаммед 68

Б

- Багaley Д. И. 82, 90, 94, 96, 97, 100, 129, 130, 143
Бай де Ж. 83, 96, 100
Бакарадзе Д. З. 55
Бастракова М. 19
Башилов П. П. 115
Беднов В. А. 143
Беляев А. Д. 79
Бернштам В. П. 55
Бертге-Делагард А. Л. 87, 150
Бестужев-Рюмин К. Н. 35, 37
Бобринский А. А. 92
Богданов А. П. 60
Боголепов Н. П. 96
Бороздин Н. Н. 146
Бржостовская Н. В. 19
Браунер А. А. 60
Брикнер А. Г. 48, 49
Бруйнинг Г. А. 82
Брун Ф. К. 35
Бузескул В. П. 100
Бурачков П. О. 58
Буслаев Ф. И. 40
Бычков А. Ф. 41, 43, 61, 67, 73
Бюлер Ф. А. 74, 134

В

- Васильев Н. И. 135
Васильев С. А. 23
Васильевский В. Г. 61
Вельяминов-Зернов В. В. 40, 41, 42, 43, 48, 90
Веселовский Н. И. 67, 68, 78, 93, 101, 102, 111, 128, 129, 142
Видгальм И. М. 60
Виноградский В. Н. 35
Вирхов Р. 83
Висковатов П. А. 62
Витте С. Ю. 101
Виттгы В. М. 93
Воеводский Л. Ф. 63
Военский К. К. 81
Волков В. А. 23
Волков Ф. К. 145

Г

Гайдуков П. Г. 24
Гаркави А. Я. 61
Гаршин Е. М. 150
Гацинский А. С. 54
Генинг В. Ф. 10
Георгиевский В. Т. 75, 76
Герц К. К. 9
Голубовский П. В. 90

Горностаев Ф. Ф. 114, 146
Гильдебранд П. А. 46, 77
Гоздаво-Голумбиевский А. А. 135
Голышев И. А. 37
Городцов В. А. 109, 112, 118, 141, 142, 145
Горожанский Н. П. 37
Готвальд И. Ф. 51

Д

Даль Л. В. 46
Данилевич В. Е. 98, 117, 143
Денике Б. П. 120
Десянов И. Д. 57, 81
Дементьева Ю. М. 23
Дмитриевский А. М. 150

Добренькая М. В. 24
Добровольский П. М. 103, 113, 143
Довнар-Запольский М. В. 104, 117, 145
Долгов С. О. 74
Дримов М. С. 96
Дюбрюкс П. 10

Е

Евлентьев К. Г. 37
Евсеев И. Е. 117, 146

Есипович Г. Я. 129

Ж

Жебелев С. А. 9, 16, 46
Жервэ Н. Н. 24

Жироду Р. 96

З

Забелин И. Е. 48, 49, 66, 67, 73
Завадовский П. В. 114
Завитневич В. З. 100, 104, 136, 142, 145

Загурский Л. П. 56
Заковоротная Л. 19
Зверев С. Е. 98
Златоверховников Н. И. 94, 102

И

Иванов В. А. 150

Износков И. А. 67

Ивановский Л. К. 48, 54, 55, 56, 60
Иванчин-Писарев А. А. 143

Иловайский Д. И. 48
Ильин А. Н. 129, 130

К

Казаков Г. М. 121, 122
Казанский П. С. 40
Калачев Н. В. 43, 124
Каманин И. М. 143
Кармазина Н. В. 24
Карский Е. Ф. 96
Кашкаров В. М. 94
Кваренги Дж. 114
Кирпичников А. И. 78, 82, 90
Клейн Л. С. 8, 10, 20
Кнауэр Ф. И. 141
Колли Л. П. 130
Комаров А. В. 57
Комарова И. И. 19
Конвенц Г. 83

Кондаков Н. П. 45, 58, 61, 102
Константин Николаевич, великий князь 40, 42
Корвин-Пиотровский К. В. 88
Корсаков Д. А. 51, 82
Корш Ф. Е. 74
Коссина Г. 83
Костомаров Н. И. 48
Кочубинский А. А. 82
Красносельцев Н. Ф. 74
Кулаковский Ю. А. 79, 80, 90, 128, 129, 136, 141
Куник А. А. 77
Крылов А. Л. 63

Л

Лавров П. А. 105
Ламанский В. И. 90
Ланской Н. С. 137
Лаппо-Данилевский А. С. 117
Ларош Г. Е. 35
Латышев В. В. 58, 87
Лашкарев П. А. 47
Лашков Ф. Ф. 126, 127, 132, 133, 134, 135
Лебедев А. С. 96, 130
Лебедев Г. С. 10, 20, 21, 22
Лебединцев П. Г. 48

Левченко М. М. 49, 50
Лемме Ю. X. 58
Лепер Р. X. 150
Леонтович Ф. И. 58, 61
Линниченко И. А. 74, 104, 113, 130, 131, 146, 149, 150, 151
Лихачев И. Ф. 69, 70, 71
Лобанов-Ростовский А. Б. 44, 157
Лудмер Я. И. 81
Львов А. Н. 135
Ляскоронский В. Г. 143, 146

М

Майков Л. Н. 66
Мальмберг В. К. 138
Маркевич Ал. И. 23, 45, 91, 92, 94, 96, 98, 126, 127, 128, 129, 132, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141

Маслов П. В. 131
Матвеев А. А. 32, 59, 60
Мельник-Антонович Е. Н. 102, 142, 143
Миллер А. А. 146

- Маркевич Ар. И. 127, 128, 129, 130, 132, 135, 136, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 148, 149, 150, 151
- Мельников П. И. (Мельников-Печерский, Андрей Печерский) 36, 42
- Милев Д. В. 119
- Мартынов А. А. 36, 44
- Миллер В. Ф. 48, 55, 56, 66
- Михаил Николаевич, великий князь 54, 57
- Муравьев М. В. 118, 122
- Мурзакевич Н. Н. 41, 48, 57, 58
- Мусин А. Е. 23
- Мусины-Пушкины 112

Н

- Назаревский А. Г. 150
- Назипова Г. Р. 24
- Нейдгардт А. Б. 148
- Некрасов И. С. 60
- Непомнящий А. А. 10, 23
- Никольский В. В. 48
- Нотбек фон Е. Н. 82, 86
- Ньютадь З. 83

О

- Орешников А. В. 128
- Оссовский Г. О. 60

П

- Павинский А. И. 78
- Павлов П. В. 48, 49
- Павловский А. А. 90
- Павлуцкий Г. Г. 114, 117, 143, 145, 146
- Падалка Л. В. 143
- Перелешин В. А. 98
- Патканов К. П. 55
- Петр I 8
- Петров Н. И. 55, 77, 78, 100
- Петров П. Н. 46
- Петрова О. С. 27, 30
- Петров-Борзна Д. О. 54
- Петровский М. М. 113, 114
- Пич В. О. 146
- Площанский В. М. 135
- Погодин М. П. 8, 39
- Покровский А. М. 142
- Покровский Н. В. 67, 78, 79, 82, 88, 90, 96, 100, 105, 113, 117
- Покровский Ф. В. 77
- Поливанов В. Н. 76
- Поляков И. С. 55
- Полякова М. А. 25
- Помяловский И. В. 61
- Попов Н. А. 35, 36, 48, 134
- Попов Х. И. 136
- Потебня А. А. 35
- Прахов А. В. 57
- Прендель Р. А. 60
- Прозрителев Г. Н. 119
- Прохоров В. А. 44, 45
- Пряхин А. Д. 10
- Путятин П. А. 61

Р

Радлов В. В. 54
Раевский А. С. 94, 101, 102
Разгон А. М. 17, 18
Ребец Ф. Я. 127
Редин Е. К. 100, 101

Ретовский О. Ф. 58, 128, 132, 136, 137,
138, 139
Рогожин В. Н. 97
Романов Е. Р. 74
Ростовцев М. И. 10

С

Савваитов П. И. 41, 47
Савелов Л. М. 94, 97, 105, 117, 143
Савельев В. К. 54
Самоковасов Д. Я. 50, 53, 54, 60, 61, 94,
103, 104, 109, 111, 112, 118, 128,
130, 135, 145, 146
Свирелин А. И. 62
Селиванов А. В. 68, 108, 109, 110, 111
Сенявский А. С. 100
Сергеевич В. И. 35
Сергей Александрович, великий князь
81, 86, 96
Сердобольский А. П. 150
Серых Д. В. 15, 22, 25, 26, 155
Сизов В. И. 142
Скимборович И. Ф. 46
Скирда В. В. 24
Слуцкий С. С. 136

Смирнов А. С. 10, 21, 22, 25, 65, 77,
82, 115
Соболева Е. В. 25
Соболевский А. И. 102, 105, 149
Соловьев А. А. 115
Сонцов Д. П. 36, 37
Спицин А. А. 109
Срезневский И. И. 43, 44, 45, 48, 51
Стоянов А. И. 57
Степанский А. Д. 21
Стефани Л. Э. 43
Сторожев В. Н. 79
Струков Д. М. 37, 44, 75, 76
Султанов Н. В. 105
Сулькевич М. А. 150
Сумцов Н. Ф. 96
Суслов В. В. 63, 77, 79, 86, 88
Сысоев В. М. 94

Т

Тизенгаузен В. Г. 35, 41, 43, 56
Титов А. А. 75, 76
Тихонов И. Л. 11, 23
Толмачев Н. А. 68
Толстой Д. А. 46
Толстой М. В. 37, 51
Троицкий И. Е. 67, 98

Троицкий Н. И. 142
Трубецкие 114, 119
Трутовский В. К. 117
Тункина И. В. 11, 18
Турчаковский К. И. 62
Туховский П. И. 143

У

- Уваров А. С. 12, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 34, 35, 36, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 51, 54, 55, 57, 58, 63, 65, 85, 148, 155, 157
- Уварова П. С. 12, 13, 14, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 28, 32, 65, 66, 68, 69, 71, 72, 74, 75, 76, 78, 80, 81, 83, 85, 88, 89, 90, 91, 92, 94, 96, 97, 100, 101, 102, 103, 104, 111, 112, 113, 114, 117, 118, 119, 122, 123, 134, 148, 153, 155, 157, 158
- Успенский Ф. И. 74, 79, 80, 81, 136

Ф

- Фармаковский Б. В. 112, 113, 146
- Фелицин Е. Д. 56, 98
- Филимонов Г. Д. 56
- Флоринский Т. Д. 79, 88, 100
- Формозов А. А. 8, 9, 10, 17, 18, 20
- Фортинский Ф. Я. 90
- Фролов А. И. 19

Х

- Харламов В. А. 98
- Харченко Я. Т. 150
- Хвойко В. В. 111, 131, 142, 143
- Хилинский К. В. 146

Ц

- Цветаев И. В. 67
- Цигарелли А. А. 82

Ч

- Черников-Анучин А. В. 52
- Чухнин Г. П. 148

Ш

- Шах-Али 68
- Шелухин Ф. П. 146
- Шестаков П. Д. 51
- Шляпкин И. А. 91, 117
- Шпилевский С. М. 51
- Штерн фон Э. Р. 79, 86, 87, 93, 96, 100, 102, 105, 109, 110, 111, 117, 136, 138, 141, 142, 143, 146

Щ

Щербаковский В. М. 101

Э

Эварницкий Д. И. 100, 141

Эмин Н. О. 55

Энгельман И. А. 82

Ю

Юргевич В. Н. 32, 63

Я

Янко И. 96

Ящуржинский Х. П. 126, 127, 128, 129,
130, 131, 132, 133, 139, 144, 146

С

Creese M. (Криз М.) 19

Научное издание

ШАМАНАЕВ Андрей Васильевич

**ВОПРОСЫ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НА ВСЕРОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДАХ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Монография

Редактор Е. Е. Крамаревская

Компьютерная верстка А. В. Шаманаев

Подписано в печать 27.10.2017. Формат 60 × 84/16

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Уч.-изд. л. 11,65. Усл. печ. л. 12,56

Тираж 300 экз. Заказ № 342

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: +(343) 350-56-64, 350-90-13

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

